

2022
N 3 (61)

ЮРИДИЧЕСКАЯ НАУКА И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА
LEGAL SCIENCE AND LAW ENFORCEMENT PRACTICE
YURIDICHESKAYA NAUKA I PRAVOOKHRANITEL'NAYA PRAKTIKA

16+

Научно-практический журнал.
Учрежден Тюменским институтом повышения
квалификации сотрудников МВД России.
Издается с 2006 г. Выходит ежеквартально

Scientific and Practical Journal. Established
by Tyumen Advanced Training Institute of the
Ministry of the Interior of the Russian Federation.
Published since 2006. Issued quarterly

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

EDITORIAL BOARD

Председатель

Chairman

ИОГОЛЕВИЧ В.А.,
кандидат технических наук, доцент,
заслуженный работник высшей школы
Российской Федерации,
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников МВД России

IOGLEVICH V.A.,
Candidate of Technical Sciences, Associate
Professor, Honoured worker of higher education
of the Russian Federation, Tyumen Advanced
Training Institute of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation

Главный редактор

Chief Editor

ВАНЮШИН Я.Л.,
кандидат юридических наук, доцент,
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников МВД России

VANUSHIN Ya.L.,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Tyumen Advanced Training Institute
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation

Ответственный редактор

Executive Editor

ЧЕРНОВА С.С.,
кандидат юридических наук,
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников МВД России

CHERNOVA S.S.,
Candidate of Legal Sciences,
Tyumen Advanced Training Institute
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation

Члены редакционной коллегии:

Members of the editorial board:

АЛЕКСАНДРОВ А.С.,
доктор юридических наук, профессор,
Нижегородская академия МВД России

ALEKSANDROV A.S.,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Nizhny Novgorod Academy of the Ministry
of the Interior of the Russian Federation

БАРАНОВ В.М.,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки
Российской Федерации,
Нижегородская академия МВД России

BARANOV V.M.,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honoured worker of science
of the Russian Federation,
Nizhny Novgorod Academy of the Ministry
of the Interior of the Russian Federation

БЕЗРУКОВ А.В.,
доктор юридических наук, доцент,
Сибирский федеральный университет

BEZRUKOV A.V.,
Doctor of Legal Sciences, Associate Professor,
Siberian Federal University

ГАНАИМ Х.,
LLD, профессор,
Хайфский университет,
Израиль

GHANAYIM Kh.,
LLD, Professor, University of Haifa
(Israel)

ГЕРАСИМЕНКО Ю.В.,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации,
Уполномоченный по защите прав
предпринимателей в Омской области

GERASIMENKO Yu.V.,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honoured Lawyer of the Russian Federation,
Commissioner for the Protection of the Rights
of Entrepreneurs in the Omsk region

ГРЕЧКИНА О.В.,
доктор юридических наук, профессор,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте
Российской Федерации

GRECHKINA O.V.,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
The Russian Presidential Academy of National
Economy and Public Administration

ГРИШКО А.Я.,
доктор юридических наук, профессор,
Рязанский государственный
университет им. С.А. Есенина

GRISHKO A.Ya.,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Ryazan State University named for S. Yesenin

ИЛЬЯШЕНКО А.Н.,
доктор юридических наук, профессор,
Кубанский государственный университет

IL'YASHENKO A.N.,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Kuban State University

КОЗАЧЕНКО И.Я.,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки
Российской Федерации,
Уральский государственный
юридический университет им. В.Ф. Яковлева

KOZACHENKO I.Ya.,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honoured worker of science
of the Russian Federation,
Ural State Law University

КОМИССАРОВА Е.Г.,
доктор юридических наук, профессор,
Пермский государственный национальный
исследовательский университет

KOMISSAROVA E.G.,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Perm State National Research University

ЛИПИНСКИЙ Д.А.,
доктор юридических наук, профессор,
Тольяттинский государственный университет

LIPINSKIY D.A.,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Togliatti State University

МАЙОРОВ В.И.,
доктор юридических наук, профессор,
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников МВД России

MAYOROV V.I.,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Tyumen Advanced Training Institute
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation

МАЛЬКО А.В.,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки
Российской Федерации,
Поволжский институт (филиал)
Всероссийского государственного
университета юстиции (РПА Минюста России)
в г. Саратове

MAL'KO A.V.,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Honoured worker of science
of the Russian Federation,
Volga Region Institute (branch) of the All-Russian
State University of Justice (Russian Law Academy
of the Ministry of Justice of Russia) in Saratov

СЕРГЕЕВ А.Б.,
доктор юридических наук, профессор,
Челябинский государственный университет

SERGEEV A.B.,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Chelyabinsk State University

СУМАЧЕВ А.В.,
доктор юридических наук, профессор,
Тюменский институт повышения
квалификации сотрудников МВД России

SUMACHEV A.V.,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
Tyumen Advanced Training Institute
of the Ministry of the Interior
of the Russian Federation

ШАРАПОВ Р.Д.,
доктор юридических наук, профессор,
Санкт-Петербургский юридический
институт (филиал)
Университета прокуратуры
Российской Федерации

SHARAPOV R.D.,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
St. Petersburg Law Institute (Branch)
of the University of Prosecutor's Office
of the Russian Federation

ШРУБ М.П.,
кандидат юридических наук, доцент,
Институт повышения квалификации
и переподготовки Следственного комитета
Республики Беларусь

SHRUB M.P.,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Institute for Advanced Training and Retraining
of the Investigative Committee of the Republic
of Belarus (Belarus)

ЮЗИХАНОВА Э.Г.,
доктор юридических наук, профессор,
Санкт-Петербургский
университет МВД России

YUZIKHANOVA E.G.,
Doctor of Legal Sciences, Professor,
St. Petersburg University of the Ministry
of the Interior of the Russian Federation

**Ответственность за содержание
материалов несут авторы статей.**

**Мнение редакции журнала может
не совпадать с точкой зрения
авторов публикаций.**

**Включен в Перечень российских рецензируемых
научных журналов и изданий (2015)**

**Included in the list of the Russian reviewed scientific
journals (2015)**

Партнеры:
Международная ассоциация содействия правосудию;
Российская криминологическая ассоциация

Partners:
International Union of Assistance to Justice;
Russian Association for Criminology

Адрес редакции, издателя и типографии:
625049, г. Тюмень, Тюменская область,
ул. Амурская, 75.

**Address of the Editorial Board, Publisher
and Printing House:** Amurskaya str. 75, Tyumen,
Tyumen region, 625049, Russia.

<http://www.naukatipk.ru>; +7 3452 598 484; naukatui@mail.ru

ISSN 1998-6963

**Подписной индекс в Объединенном каталоге
«Пресса России»: 81271**

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ N ФС77-79556 от 07.12.2020 г.

Редактор Е.В. Карнаухова. Технический редактор Е.К. Булатова.

Перевод на английский язык: М.И. Лыскова, Ю.А. Никонова.

Подписано в печать 22.09.2022. Дата выхода в свет 27.09.2022

Формат 60x84/8. Усл. п. л. 13. Уч.-изд. л. 12.

Тираж 300 экз. Заказ N 078. Цена свободная.

© ФГКУ ДПО «ТИПК МВД России», 2022.

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Раздел 1. Методология правоохранительной деятельности

КУЛИКОВ М.А. Манипулирование
юридическими целями и средствами
в правотворческом процессе и его результаты

6

Section 1. Methodology of law enforcement activities

KULIKOV M.A. Manipulation of
legal goals and means in the
lawmaking process and its results

Раздел 2. Юридическая конституциология

ДРОГАВЦЕВА Е.А. Трансформация
содержания конституционных принципов
гражданства в законодательной деятельности
парламента: пределы допустимости
и проблемы совершенствования

15

Section 2. Legal Constitutionology

DROGAVTSEVA E.A. Transformation of
the content of the constitutional principles
of citizenship in the legislative activity
of the Parliament: limits of admissibility
and problems of improvement

Раздел 3. Уголовный закон

ХОМЕНКО А.Н., КНЯЗЕВ К.С. Вопросы уголовно-
правовой оценки массовых беспорядков

23

Section 3. Criminal law

KHOMENKO A.N., KNYAZEV K.S. Issues
of criminal legal assessment of mass riots

ТУЛИГЛОВИЧ М.А. Понятие и признаки
пожизненного лишения свободы

32

TULIGLOVICH M.A. The concept and
features of life imprisonment

Раздел 4. Правоохранительная политика

ЯКОВЕНКО П.А. Концептуальные ориентиры
уголовной политики современной России

40

Section 4. Law enforcement policy

YAKOVENKO P.A. Conceptual guidelines
for the criminal policy of modern Russia

Раздел 5. Уголовно- процессуальное обозрение

КОРНАКОВА С.В. Признаки преступления или
признаки состава преступления должны быть
основанием для возбуждения уголовного дела?

48

Section 5. Criminal procedural review

KORNAKOVA S.V. Should elements
of crime or elements of corpus delicti be
the ground for initiating a criminal case?

ЧЕРНОВА С.С. Основания избрания мер
пресечения в уголовно-процессуальном
законодательстве Российской Федерации

57

CHERNOVA S.S. Grounds for
choosing the measures of restraint
in the criminal procedure legislation
of the Russian Federation

Раздел 6. Совершенствование правоохранительной практики

СЕРГЕЕВ А.Б. «Цифровое» доказательственное
право при производстве по уголовным делам
о преступлениях в сфере компьютерной
информации: вопросы целесообразности

66

Section 6. Improving law enforcement practice

SERGEYEV A.B. "Digital" evidentiary law
in the proceedings on the criminal cases
of crimes in the sphere of computer
information: expediency issues

ДЕСЯТОВА О.В. Природа правоотношений,
возникающих при фактическом задержании

73

DESYATOVA O.V. The nature of legal
relations arising during the actual detention

БЕЖЕНЦЕВ А.А. Бродяжничество и попрошайничество несовершеннолетних: вопросы предупреждения органами внутренних дел

81

BEZHENTSEV A.A. Vagrancy and begging of minors: issues of preventing by law enforcement bodies

Раздел 7. Проблемы юридической науки и правоохранительной практики: взгляд молодых исследователей

Section 7. The problems of legal science and law enforcement practice: young researchers' view

МОЛУНОВА Н.И. Виды физического принуждения, обеспечивающие производство следственных действий

89

MOLUNOVA N.I. Types of physical coercion ensuring the conduction of investigative actions

Раздел 8. Обзоры, рецензии, критика

Section 8. Reviews, critiques

БАХАРЕВ Д.В. Зерна и плевелы предмета криминологической науки в постиндустриальную эпоху. Рецензия на монографию Я.И. Гилинского «Криминология постмодерна (неокриминология)»

100

BAKHAREV D.V. Grains and tares of the subject of criminological science in the post-industrial era. Review of the monograph of Ya.I. Gilinsky "Postmodern criminology (neocriminology)"

БЕЗРУКОВ А.В., ПУНТУС С.А. Реализация конституционного принципа разделения властей в региональном бюджетном процессе: на пути к воплощению основ конституционного строя России и межотраслевым исследованиям

105

BEZRUKOV A.V., PUNTUS S.A. Implementation of the constitutional principle of separation of powers in the regional budget process: towards enforcing the fundamentals of the constitutional system of Russia and intersectoral research

Раздел 1. Методология правоохранительной деятельности

Научная специальность: 12.00.01 (5.1.1)

Манипулирование юридическими целями и средствами в правотворческом процессе и его результаты

Михаил Алексеевич Куликов,

кандидат юридических наук, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Россия, Mikhail.a.kulikov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0978-0141>

Аннотация. Статья посвящена исследованию манипулирования юридическими целями и средствами в правотворческом процессе — достаточно широко распространенному, но, к сожалению, практически неизученному явлению. Предлагается авторское видение сущности, содержания и признаков манипулирования целями и средствами в правотворческом процессе, исследуются его основные формы. Особое внимание уделяется результатам данной разновидности манипулирования юридическими целями и средствами, среди которых выделяется субъективное и искаженное отражение сосуществования интересов личности, общества и государства в принимаемых нормативных правовых актах, деформация принципов правотворчества, нивелирование естественно-исторических основ процесса правообразования, снижение как легитимности правотворчества, так и потенциала регулятивно-динамической функции права. К весьма значимым результатам рассматриваемой формы правового поведения автор относит проводимую коллективным Западом политику по созданию «порядка, основанного на правилах» (rules-based world order), появление большого количества стипулятивных дефиниций в текстах нормативных правовых актов и увеличение количества коррупциогенных факторов в правотворческом процессе. Анализируются и мнимые плюсы манипулирования юридическими целями и средствами в правотворческом процессе как явления, имманентно присущего практически любой форме эффективного управления общественными процессами.

Ключевые слова: манипулирование, юридическая цель, юридическое средство, правотворчество, правовое регулирование, норма права, нормативный правовой акт, субъект управления, объект управления

Для цитирования: Куликов М.А. Манипулирование юридическими целями и средствами в правотворческом процессе и его результаты // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2022. N 3 (61). С. 6-14.

Manipulation of legal goals and means in the lawmaking process and its results

Mikhail A. Kulikov,

Candidate of Legal Sciences, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia, Mikhail.a.kulikov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0978-0141>

Abstract. The manipulation of legal goals and legal means in the lawmaking process, being both a widespread, but practically not studied phenomenon, is considered. The author's vision of the essence, content and features of manipulation of legal goals and means in the lawmaking process is proposed, its main forms are studied. Particular attention is paid to the results of such manipulation. The following results are distinguished: the subjective and distorted reflection of the coexistence of the interests of an individual, society and the state in the adopted normative legal acts; the deformation of the lawmaking principles; the leveling of the natural and historical foundations of lawmaking process; the decrease of both legitimacy of lawmaking and the potential of the regulatory-dynamic function of law. The policy pursued by the collective West to create a "rules-based world order", the emergence of a large number of stipulative definitions in the texts of normative legal acts and the increase of the number of

corruption factors in the lawmaking process are stated to be the significant results of the considered form of legal behavior. The pretended advantages of manipulating the legal goals and means in the lawmaking process as a phenomenon, being inherent to almost any form of the effective management of the social processes, are analyzed.

Keywords: manipulation, legal goal, legal means, lawmaking, legal regulation, legal norm, normative legal act, subject of management, object of management

For citation: Kulikov M.A. Manipulation of legal goals and means in the lawmaking process and its results // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2022. No. 3 (61). P. 6-14.

Манипулятивное воздействие на общественные отношения в современном мире стало реальностью, характеризующей не только и не столько отдельные стороны информационного воздействия на общественное мнение или специфические психологические технологии влияния на отдельных субъектов, сколько самые разнообразные управленческие процессы, в которых принимают участие как различные представители публичной власти, так и иные участники правоотношений. Вместе с тем необходимо признать, что изучение природы и признаков манипулятивного воздействия на общественные отношения практически не проводится представителями как общей теории права, так и отраслевых юридических наук и традиционно осуществляется через призму психологических, социологических или управленческих подходов, что существенно обедняет практическую составляющую отдельных юридических исследований, посвященных инструментальной теории права.

Правотворческий процесс является ядром, ключевым элементом (стадией) правового регулирования общественных отношений, в связи с чем манипулирование целями и средствами в правотворчестве является как весьма *распространенной* практикой реализации интересов отдельных участников правоотношений, так и наиболее значимой по своим последствиям и *результатам* разновидностью манипулирования.

Под **манипулированием** предлагаем понимать осуществляемое при помощи скрытой тактики или стратегии воздействие на поведение *объекта управления*, при котором он, исходя из имеющейся информации, добровольно принимает решение, запланированное *субъектом управления*, вопреки своим истинным потребностям и интересам.

В связи с этим следует подчеркнуть, что манипулирование предполагает *скрытое* воздействие субъекта на объект, при котором истинные цели субъекта (манипулятора) объекту (манипулируемому) не известны. Как справедливо отмечает Г. Шиллер, «для достижения успеха манипуляция должна оставаться незаметной. Успех манипуляции гарантирован, когда манипулируемый верит, что все происходящее естественно и неизбежно» [1, с. 34].

Помимо сказанного, манипулирование предполагает приоритетное удовлетворение интересов манипулятора, полностью либо частично *игнорируя потребности и интересы* самого объекта управления. Следует также учитывать и то, что манипулирование – это такой вид воздействия на поведение объекта, который требует от субъекта особых, *специфических навыков*, мастерства, умения использовать различные ресурсы (правовые, политические, финансовые, информационные и др.) для реализации своих целей. Манипулирование предполагает использование лишь социально обусловленных, востребованных средств воздействия на поведение субъекта общественных отношений и не должно вызвать противодействие с его стороны.

Перечисленные признаки манипулятивного воздействия позволяют утверждать, что данная разновидность управления *предопределена* самим ходом общественного развития и является *социально обусловленной, востребованной практикой* управления [2, с. 30].

Предлагаем исходить из того, что *манипулирование юридическими целями и средствами* – это осуществляемая при помощи скрытой тактики или стратегии форма правомерного поведения, заключающаяся в постановке или использовании юридических целей, а также в создании или применении юридических средств в интересах

субъекта управления (манипулятора) вопреки истинным потребностям и интересам объекта управления (манипулируемых).

Под правотворчеством традиционно понимают процесс, в результате которого появляются нормативные правовые акты, закрепляющие, изменяющие или отменяющие нормы права [3, с. 319]. Также правотворчество вполне уместно трактовать через призму деятельности как государственных органов, так и негосударственных структур (органов местного самоуправления, хозяйствующих субъектов, отдельных институтов гражданского общества) и граждан (в ходе проведения референдумов) по принятию, изменению или отмене правовых (юридических) норм [4, с. 296].

Последний подход представляется более удачным, поскольку правовые нормы могут воплощаться как в нормативных правовых актах, так и в иных источниках права, рассматриваемых в формально-юридическом смысле (договорах с нормативным содержанием, правовых обычаях и юридических прецедентах).

Ключевой характеристикой правотворчества является то, что оно представляет собой *волевою, творческую, санкционированную* государством деятельность конкретных субъектов по созданию правовых норм, направленных на регулирование общественных отношений. Сказанное предопределяет то, что правотворчество – процесс *далеко не объективный*, так как во многом зависит от интересов и целей субъектов правотворческой деятельности, их профессионализма, добросовестности и правовой культуры, умения объективно оценить потребности общества в правовом регулировании определенных отношений и принять соответствующую норму, которая бы выступила своеобразным компромиссом в сосуществовании интересов личности, общества и государства [5, с. 128].

Правотворчество вполне уместно рассматривать как *управленческий процесс* с присущими ему характеристиками качества и эффективности, в котором субъекты правотворчества выступают в качестве *субъекта управления*, а участники общественных отношений, поведение которых предполагается урегулировать соответ-

ствующими нормами права, – в качестве *объекта управления*.

Исходя из сказанного, **под манипулированием юридическими целями и средствами в правотворческом процессе** будем понимать осуществляемую при помощи скрытой тактики или стратегии форму *правомерного* поведения субъектов правотворческого процесса, заключающуюся в создании правовых норм в интересах субъекта управления (манипулятора) вопреки истинным потребностям и интересам объекта управления (манипулируемого).

Манипулирование целями и средствами в правотворческом процессе может проявляться в следующих *формах*:

а) *в формулировании* необоснованных, не опирающихся на объективный анализ потребностей, интересов и запросов участников общественных отношений юридических целей, направленных на достижение результата, выгодного лишь участникам правотворчества;

б) *использовании* социально обусловленных и отражающих истинные потребности и интересы участников правоотношения целей в интересах субъекта управления (манипулятора), позволяя последнему оправдывать осуществляемые действия (используемые юридические средства) необходимостью достижения данной цели;

в) *создании* необходимых субъекту правотворческого процесса и полностью соответствующих лишь его интересам средств-инструментов (установлений), направленных на достижение юридических целей;

г) *использовании* средств-деяний (технологий) в собственных целях субъекта правотворческого процесса в ущерб интересам остальных участников правоотношений.

Обозначенные формы манипулирования целями и средствами в правотворческом процессе обобщают различные варианты действий его субъектов по любому использованию как юридических целей, так и всех разновидностей юридических средств ради реализации собственных интересов посредством требуемого поведения участников правоотношений (объекта управления). При этом сам объект управления не понимает, что действует вопреки своим истинным потребностям и интересам, полагая, что данная форма поведе-

ния является *оптимальной или единственно возможной* в сложившейся ситуации.

Учитывая вышеизложенное, остановимся на самых значимых **результатах** манипулирования целями и средствами в правотворческом процессе.

1. Наиболее очевидным и комплексным результатом манипулирования целями и средствами в процессе правового регулирования является *субъективное, неверное отражение и закрепление сосуществования интересов личности, общества и государства в принимаемом нормативном правовом акте*. Любое правотворчество — деятельность творческая, активная, субъективная, зависящая от личности правотворца и его профессионализма. Однако желание заставить участников правоотношений, поведение которых предполагается урегулировать принимаемой нормой права, захотеть сделать то, что на самом деле нужно лишь отдельной группе лиц (представителям органов публичной власти, корпоративного управления и т.д.) и не соответствует истинным потребностям и интересам данных субъектов права, изначально нарушает баланс интересов личности, общества и государства, искажает социальное предназначение права, равно как и нормативных правовых актов выступать справедливым регулятором общественных отношений [6, с. 180].

2. В результате манипулирования целями и средствами в правотворческом процессе *игнорируются, деформируются и нарушаются его ключевые принципы*. Прежде всего, следует указать на то, что манипулирование целями и средствами правотворчества подрывает моральную обоснованность и нравственное измерение самих принципов как таковых [7; 8, с. 45-47].

В числе универсальных и междотраслевых принципов правотворчества, которые искажаются в результате манипулирования, можно отметить принцип верховенства права в системе российского законодательства (и правотворчества в целом); легальности и легитимности правотворчества; уважения и соблюдения прав и свобод человека и гражданина; гуманизма; добросовестности; профессионализма; равенства участников правоотношений; социальной справедливости и др.

Рассуждая о принципах законодательства и их логико-гносеологической

природе, В.М. Баранов в порядке дискуссии формулирует несколько ключевых вопросов относительно того, можно ли деформировать принцип законодательства и каковы пределы этой деформации, что означает ситуация отступления от принципа законодательства и каковы ее основные формы, какому именно негативному воздействию может быть подвергнут принцип законодательства и др. [9, с. 14-15]. Возьмем на себя смелость утверждать, что манипулирование целями и средствами в ходе правотворческого процесса и есть *деформация* его ключевых принципов, когда их формальное закрепление не мешает участникам правотворчества использовать последние ради достижения собственных целей в *ущерб интересам* иных участников правоотношений. Другими словами, манипулирование целями и средствами в правотворческом процессе может быть представлено как одна из форм *негативного воздействия* на его принципы.

3. Важнейшим результатом манипулирования целями и средствами в правотворческом процессе является *нивелирование естественно-исторических основ процесса правообразования*, которое выступает как первообразной правотворчества, так и его объективными рамками. Манипулируя юридическими целями и средствами, субъект правотворчества, по сути, игнорирует те потребности и запросы, которые сложились в обществе на данном этапе исторического развития. Игнорирование упомянутых потребностей и запросов участников социальных процессов *не всегда означает их незнание*. Обозначенное игнорирование предполагает их использование не в интересах тех, чье поведение координируется, а лишь в интересах субъекта конкретного управленческого (правотворческого) процесса.

Сказанное позволяет утверждать, что подобное правотворчество ведет к *дисфункции правообразования*, к дефектному правоустановлению, которое, несмотря на то, что является социально обусловленной формой воздействия на общественные отношения, нарушает баланс интересов личности, общества и государства.

4. Манипулирование юридическими целями и средствами, несмотря на *эпизодическое* повышение рейтингов субъек-

тов правотворчества (в рассматриваемом контексте — субъектов управления и манипулирования), *снижает легитимность правотворчества*, так как отсутствие действенных механизмов реализации интересов участников правоотношений рано или поздно выливается в недоверие к власти, в осознание того, что правовые нормы далеко не всегда способствуют претворению в жизнь правомерных стремлений субъектов права, что, в свою очередь, является питательной средой для формирования правового нигилизма.

5. Одним из важнейших результатов манипулирования юридическими целями и средствами в правотворчестве является то, что оно *снижает потенциал регулятивно-динамической функции права в целом и затрудняет опережающее воздействие права на общественные отношения в частности* [10, с. 21; 11, с. 651].

Манипулирование юридическими целями и средствами многократно увеличивает риски того, что нормативные правовые акты опережающего правотворчества (которое само по себе несет риски, связанные с прогнозированием динамики общественных отношений), преследуя лишь интересы субъекта управления, дисбалансируют общественные отношения в силу неспособности полностью предвидеть развитие потребностей участников правоотношений и их контролировать. Кроме того, опережающее правотворчество в случае использования манипулятивных технологий будет опираться на заведомо искаженное представление о сосуществовании интересов личности, общества и государства, изначально провоцируя и умножая факторы риска для своей эффективности.

6. Одним из наиболее вопиющих результатов манипулирования целями и средствами в правотворчестве можно назвать *возникновение псевдоправил (псевдонорм), провозглашающих новый порядок или новые принципы регулирования каких-либо отношений*. Данный результат манипулирования юридическим инструментарием является особенно очевидным на примере создания правовых основ современной политики коллективного Запада, осуществляющего беспрецедентное санкционное давление на Россию и пытающегося установить свое доминирование в мире в ущерб

интересам не только противостоящих ему государств, но и своих же союзников.

С единственной целью придать легальный характер введенным против России санкциям и создать хоть какую-то юридическую основу проводимой политики, направленной на установление своего господства в международных отношениях, коллективным Западом были созданы (другими словами, *придуманы*) некие правила, на которые и должен опираться «новый миропорядок» (концепция «порядка, основанного на правилах», rules-based world order или rules based international system — RBIS). На первый взгляд, концепция «порядка», основанного на «правилах», не несет в себе ничего плохого, однако следует принять во внимание, что она активно используется в политическом дискурсе исключительно для того, чтобы подорвать значение и авторитет уже сложившейся архитектуры международных отношений, основанной на ведущей роли ООН, и нивелировать статус и роль существующих и действующих общепризнанных принципов и норм международного права [12, с. 36].

Понимая, что Россия, осуществляя как внутреннюю, так и внешнюю политику, строго соблюдает нормы международного права, коллективный Запад активно продвигает некую концепцию «порядка, основанного на правилах» для якобы противодействия абстрактному злу, которое «олицетворяет Россия», неким «империалистическим», «захватническим тенденциям», пресечь которые для «развитых демократий» является делом чести [13; 14]. Это является не чем иным, как манипулированием не только целями и средствами в правотворчестве, но и международным правом в целом.

Псевдоконцепция порядка, основанного на правилах, стала предметом критического анализа и руководства России. Так, выступая 24 июня 2022 г. на заседании в формате БРИКС+, Президент Российской Федерации В.В. Путин отметил, что «некоторые страны *в интересах своего доминирования* в мире (курсив наш. — М. К.) стремятся подменить глобальную архитектуру, опирающуюся на роль ООН, неким «порядком, основанным на правилах», кто эти правила придумал — непонятно. Попытки сдержать развитие государств, не-

готовых жить по таким придуманным кем-то правилам, безрассудное применение нелегитимных санкционных инструментов, помноженное на последствия пандемии коронавируса, – все это лишь обострило кризисные явления мировой экономики»*. Несколько ранее, 21 декабря 2021 г. на расширенном заседании коллегии Минобороны России В.В. Путин прямо подчеркивал, что *манипуляции* со стороны Запада, прикрывающегося принципами международного права, «надоели»**.

Еще раньше о манипулятивной природе данной концепции предупреждал министр иностранных дел Российской Федерации С.В. Лавров, отмечая, что указанные «правила» изобретаются и избирательно комбинируются в зависимости от текущих потребностей авторов данного термина, который Запад настойчиво внедряет в обиход. Основной же целью упомянутой концепции является подмена универсальных международно-правовых инструментов и механизмов узкими форматами, в которых вырабатываются альтернативные, неконсенсусные методы урегулирования тех или иных международных проблем в обход легитимных многосторонних рамок***.

Другими словами, именно манипулирование целями и средствами в процессе правотворчества ведет к формулированию таких юридических норм, которые нельзя назвать иначе как *псевдоправилами*.

7. Вышеизложенное тесно связано с таким результатом манипулирования целями и средствами в правотворческом процессе, как *появление большого количества стипулятивных дефиниций и формулировок в текстах нормативных правовых актов*. Речь идет о верно подмеченной В.В. Оглезневой тенденции все более активного использования субъектами правотворческого процесса стипулятивных определений,

* Путин: некоторые страны пытаются подменить глобальную архитектуру на «придуманные правила». URL: <https://russian.rt.com>

** Путин заявил, что ему надоели манипуляции Запада международным правом. URL: <https://www.rbc.ru>

*** Лавров С.В. Мир на перепутье и система международных отношений будущего // Россия в глобальной политике. 2019. 20 сент. URL: <https://globalaffairs.ru>

эпистемологической особенностью которых является то, что «они не предполагают того, чтобы предписываемое ими значение было обязательно согласовано с предыдущим употреблением слова» [15, с. 27]. О корректном отражении в правотворческой дефиниции сути используемого понятия ведутся достаточно содержательные, интересные и длительные дискуссии [16; 17], которые, однако, не исключают того, что субъект правотворчества может предлагать и *свои* дефиниции (определения) уже существующих понятий и использовать их в предложенном контексте.

Данная тенденция может явиться еще одним следствием манипулирования юридическими целями и средствами, когда субъект правотворчества превращается в создателя «языка права» лишь с целью реализации своих интересов, прикрываясь предложенной трактовкой уже существующих понятий ради манипулятивной регламентации общественных отношений.

8. Если манипулирование юридическими целями и средствами является правомерным поведением, то это не означает того, что подобная форма активности не *увеличивает количество коррупциогенных факторов в правотворческом процессе* и не нарушает законные интересы многочисленных участников правоотношений [18, с. 36; 19, с. 90]. Несмотря на то, что антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов, равно как и их проектов, стала предметом пристального и глубокого анализа известных ученых [20], в современной правовой доктрине практически не проводятся параллели между манипулятивными технологиями, используемыми в правотворческом процессе, и самими коррупциогенными факторами. Вместе с тем определение понятия коррупциогенных факторов, закрепленное в Федеральном законе от 17 июля 2009 г. N 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов»****, *напрямую коррелирует* именно с манипули-

**** Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов: федер. закон от 17 июля 2009 г. N 172-ФЗ: ред. от 11 окт. 2018 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2009. N 29. Ст. 3609; 2018. N 42 (ч. II). Ст. 6376.

рованием целями и средствами в правотворческом процессе.

9. Желание посредством манипулирования юридическими целями и средствами в правотворческом процессе реализовать определенные социальные интересы приводит к *нарушению баланса между социальным и законодательным регулированием*, на значимость которого справедливо указывает Н.А. Власенко. Как верно подчеркивает ученый, «недостатки культуры и воспитания, стагнацию духовности и мировоззрения исправить с помощью права, в том числе институтами юридической ответственности, вряд ли возможно» [21, с. 178].

Манипулирование как целями, так и средствами в процессе правового регулирования нередко имеет место при решении посредством юридического инструментария тех вопросов, которые представляют собой предмет сугубо политического, морального или иного социального регулирования. Воздействие на настроения людей, формирование патриотического духа, уважения к органам государственной власти, поддержки проводимых в обществе преобразований и другие вопросы вряд ли возможно решить (исключительно) правовыми способами, изначально не прибегая к манипулированию либо юридическими целями, либо средствами.

Обобщая сказанное, можно утверждать, что манипулирование целями и средствами в процессе правотворчества девальвирует правовой инструментарий, негативно сказывается на легитимности правовых предписаний, подрывает уважение к нормативному правовому акту как к необходимому и востребованному регулятору общественных отношений.

Вышеизложенное позволяет сделать **вывод** о том, что манипулирование целями и средствами в правотворческом процессе заведомо для его субъектов нарушает взаимозависимость между поставленной и зафиксированной юридической

целью, используемыми для ее достижения *средствами* и тем *результатом*, к которому стремятся участники как правотворческого, так и правореализационного процесса. К нелинейности сосуществования триады «цель – средство – результат» добавляется фактор использования первых двух ее составляющих лишь для достижения субъективных целей правотворца за счет интересов остальных участников правоотношений, что только увеличивает риски непредсказуемости в механизме правового регулирования общественных отношений.

Вместе с тем следует принимать во внимание и тот факт, что манипулирование целями и средствами в правовом регулировании – явление социально обусловленное и во многом *востребованное* самим обществом. Это означает, что оно включает в себе и значительное количество тех *мнимых* плюсов, которыми пользуются отдельные субъекты правотворческого процесса.

Иными словами, результаты манипулирования целями и средствами в правотворческом процессе могут заключаться:

– в кратковременном снижении социальной напряженности в обществе в силу использования эффекта позитивного ограничения нежелательной активности при помощи юридических стимулов вместо прямых ограничений (запретов, наказаний, штрафов и т.д.);

– легитимизации публичной власти путем маскировки непопулярных решений;

– повышении эффективности управления за счет использования грамотной мотивации участников правоотношений и побуждения их к желательному правомерному поведению.

Тем не менее следует отметить, что позитивный эффект от манипулирования юридическим инструментарием в процессе правотворчества является *кратковременным* в силу закладываемых диспропорций в сосуществование интересов личности, общества и государства.

Список источников

1. Шиллер Г. Манипуляторы сознанием. Москва: Мысль, 1980. 236 с.
2. Субочев В.В. Политико-правовое манипулирование как основа управления обществом в эпоху пост-правды // Вестник Томского государственного университета. Право. 2019. N 34. С. 29-43.
3. Комаров С.А., Малько А.В. Теория государства и права: краткий учебник для вузов. Москва: НОРМА-ИНФРА-М, 2001. 440 с.

4. Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права: учебник. Москва: Дело, 2020. 528 с.
5. Субочев В.В. Диалектика интересов личности, общества и государства как общеправовая проблема // Право и государство: теория и практика. 2006. N 5. С. 125-135.
6. Байтин М.И. Сущность права: (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). Саратов: Изд-во Сарат. гос. акад. права, 2001. 413 с.
7. Цыбулевская О.И. Нравственные основания современного российского права. Саратов: Изд-во Сарат. гос. акад. права, 2004. 218 с.
8. Мальцев Г.В. Нравственные основания права. Москва: Изд-во СГУ, 2008. 550 с.
9. Баранов В.М. Принципы законодательства в фокусе междисциплинарных исследований // Юридическая техника. 2020. N 14. С. 8-16.
10. Залоило М.В. Опережающий характер правотворчества и проблема синхронизации правового регулирования // Журнал российского права. 2019. N 9. С. 20-29.
11. Баранова М.В. Риски опережающего правотворчества // Юридическая техника. 2019. N 13. С. 650-653.
12. Vylegzhanin A.N. [et al.]. The Term "Rules-based International Order" in International Legal Discourses // Moscow Journal of International Law. 2021. No. 2. P. 35-60.
13. Scott B. But what does "rules-based order" mean. URL: <https://www.lowyinstitute.org> (дата обращения: 20 июня 2022 г.).
14. Waxman S. What Rule-Based International Order? URL: <https://bostonreview.net> (дата обращения: 20 июня 2022 г.).
15. Оглезнев В.В. Стигулятивные определения как новый инструмент законодательной техники // Журнал российского права. 2022. N 2. С. 23-35.
16. Оглезнев В.В. Определение как способ формирования правовых понятий // Труды Института государства и права РАН. 2020. Т. 15. N 3. С. 92-105.
17. Апт Л.Ф. Легальные определения в законодательстве и судебной практике. Москва: Российская акад. правосудия, 2010. 232 с.
18. Субочев В.В. Сущность законных интересов // Ленинградский юридический журнал. 2007. N 2 (8). С. 35-55.
19. Субочев В.В. Механизм трансформации законных интересов в субъективные права и субъективных прав в законные интересы // Современное право. 2007. N 3. С. 89-96.
20. Баранов В.М., Кабанов П.А. Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов как инструмент повышения качества правотворчества в субъектах Российской Федерации: практика правового регулирования // Юридическая техника. 2022. N 16. С. 63-74.
21. Власенко Н.А. Кризисные тенденции в законотворчестве современной России // Юридическая техника. 2015. N 9. С. 175-182.

References

1. Schiller G. Manipulators of consciousness. Moscow, Mysl' Publ., 1980. 236 p. (In Russ.).
2. Subochev V.V. Political and legal manipulation as the basis for the governance of society in the era of post-truth. Tomsk State University Journal of Law, 2019, no. 34, pp. 29-43. (In Russ.).
3. Komarov S.A., Mal'ko A.V. Theory of state and law. Moscow, NORMA-INFRA.M Publ., 2001. 440 p. (In Russ.).
4. Matuzov N.I., Mal'ko A.V. Theory of state and law. Moscow, Delo Publ., 2020. 528 p. (In Russ.).
5. Subochev V.V. Dialectics of the interests of the individual, society and the state as a general legal problem. Law and State: Theory and Practice, 2006, no. 5, pp. 125-135. (In Russ.).
6. Baytin M.I. Essence of law: (Modern normative legal understanding on the verge of two centuries). Saratov, State Academy of Law, 2001. 413 p. (In Russ.).
7. Tsybulevskaya O.I. Moral foundations of modern Russian law. Saratov, State Academy of Law, 2004. 218 p. (In Russ.).
8. Mal'tsev G.V. Moral foundations of law. Moscow, 2008. 550 p. (In Russ.).
9. Baranov V.M. Principles of legislation in the focus of interdisciplinary research. Legal technique, 2020, no. 14, pp. 8-16. (In Russ.).
10. Zaloilo M.V. The anticipatory nature of lawmaking and the problem of synchronization of legal regulation. Journal of Russian Law, 2019, no. 9, pp. 20-29. (In Russ.).
11. Baranova M.V. Risks of anticipatory lawmaking. Legal technique, 2019, no. 13, pp. 650-653. (In Russ.).
12. Vylegzhanin A.N. [et al.]. The Term "Rules-based International Order" in International Legal Discourses. Moscow Journal of International Law, 2021, no. 2, pp. 35-60.
13. Scott B. But what does "rules-based order" mean. Available at: <https://www.lowyinstitute.org> (Accessed June 20, 2022).
14. Waxman S. What Rule-Based International Order? Available at: <https://bostonreview.net> (Accessed June 20, 2022).

15. Ogleznev V.V. Stipulative Definitions as a New Tool of Legislative Technique. *Journal of Russian Law*, 2022, no. 2, pp. 23-35. (In Russ.).
16. Ogleznev V.V. Definition as a way of forming legal concepts. *Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences*, 2020, vol. 15, no. 3, pp. 92-105. (In Russ.).
17. Apt L.F. Legal definitions in legislation and judicial practice. Moscow, Russian Academy of Justice Publ., 2010. 232 p. (In Russ.).
18. Subochev V.V. Essence of legitimate interests. *Leningrad legal journal*, 2007, no. 2 (8), pp. 35-55. (In Russ.).
19. Subochev V.V. The mechanism of transformation of legitimate interests into subjective rights and subjective rights into legitimate interests. *Modern law*, 2007, no. 3, pp. 89-96. (In Russ.).
20. Baranov V.M., Kabanov P.A. Anti-corruption expertise of normative legal acts and draft normative legal acts as a tool to improve the quality of lawmaking in the subjects of the Russian Federation: the practice of legal regulation. *Legal Technique*, 2022, no. 16, pp. 63-74. (In Russ.).
21. Vlasenko N.A. Crisis tendencies in the lawmaking of modern Russia. *Legal technique*, 2015, no. 9, pp. 175-182. (In Russ.).

Раздел 2. Юридическая конституциология

Научная специальность: 12.00.02 (5.1.2)

Трансформация содержания конституционных принципов гражданства в законодательной деятельности парламента: пределы допустимости и проблемы совершенствования

Екатерина Александровна Дрогавцева,

Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия, ekaterina-rhcp@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1839-2300>

Аннотация. В статье осуществлен анализ изменений в содержании конституционных принципов гражданства Российской Федерации. Особое внимание уделяется рассмотрению принципов равного гражданства, признания допустимости двойного гражданства, а также неотчуждаемости гражданства. Автором на основании результатов исследования научной литературы, последних изменений законодательства о российском гражданстве, проекта федерального закона от 29 декабря 2021 г. N 49269-8 «О гражданстве Российской Федерации», правовых актов зарубежных стран, статистических данных судебной практики формулируются выводы о динамичности развития концептуальных основ института гражданства, а также предложены возможные пути совершенствования в сфере нормативно-правового регулирования российского гражданства.

Ключевые слова: гражданство, конституционные принципы гражданства, натурализация, конституционная реформа, конституционная ответственность

Для цитирования: Дрогавцева Е.А. Трансформация содержания конституционных принципов гражданства в законодательной деятельности парламента: пределы допустимости и проблемы совершенствования // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2022. N 3 (61). С. 15-22.

Transformation of the content of the constitutional principles of citizenship in the legislative activity of the Parliament: limits of admissibility and problems of improvement

Ekaterina A. Drogavtseva,

St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia, ekaterina-rhcp@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1839-2300>

Abstract. The article is devoted to the analysis of the changes in the content of the constitutional principles of citizenship of the Russian Federation. Particular attention is paid to the consideration of the issues concerning the principles of equal citizenship, the recognition of dual citizenship, as well as the inalienable citizenship. Having analyzed the results of the study of scientific literature, recent legislative changes concerning the Russian citizenship, draft federal law No. 49269-8 "On Citizenship of the Russian Federation" dated December 29, 2021, legal acts of foreign countries, as well as statistical data and detailed examination of judicial practice, the author formulates the conclusions about the dynamic nature of the development of the conceptual foundations of the institution of citizenship. Possible ways and areas of improvement in the sphere of legal regulation of the Russian citizenship are also proposed.

Keywords: citizenship, constitutional principles of citizenship, naturalization, constitutional reform, constitutional responsibility

For citation: Drogavtseva E.A. Transformation of the content of the constitutional principles of citizenship in the legislative activity of the Parliament: limits of admissibility and problems of improvement // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2022. No. 3 (61). P. 15-22.

Введение. Значение принципов института гражданства predetermined тем, что они по своей природе универсальны и императивны, следовательно, все законодательные акты должны им соответствовать [1, с. 109]. В свою очередь, принципы не следует отождествлять с нормами, так как отдельные правовые идеи не сформулированы в виде конкретных требований и не находят формально определенного отражения в текущем законодательстве [2, с. 136].

Принципы, несмотря на то, что являются первоосновой, обобщающей и распространяющей свое действие на все явления той области, из которой они выделены [3, с. 137], не могут быть неизменными. Применение и реализация каждого из них зависит от исторического этапа развития государства, а также от выбранной модели политического регулирования правовых вопросов в той или иной сфере или области правоотношений. В связи с этим задачей исследования является анализ тех принципов российского гражданства, содержание которых претерпело преобразование ввиду законодательных изменений объективного характера.

Основная часть. Прежде чем перейти к рассмотрению непосредственного предмета исследования, представляется целесообразным обратиться к точке зрения Л.Д. Воеводина, который при характеристике природы формирования принципов права разделил их на субъективные (в том случае, если правило объявлено принципом конкретным автором и сформулировано им на основании законодательства) и объективные (в том случае, если правило имеет общественное значение и одновременно имеет законодательное закрепление) [4, с. 59].

Указанное закономерное разграничение объясняет многообразие научных точек зрения относительно выделения тех или иных принципов гражданства, а также интерпретации их классификаций [5, с. 51]. Например, Я.Л. Ванюшин предлагает выделить три группы объективных принципов и правил, относящихся к сфере регулирования вопросов гражданства: 1) по поводу гражданства; 2) непосредственно связанные с содержанием гражданства; 3) связанные с решением вопросов гражданства Российской Федерации [6].

Но прежде всего принципы объективного характера зафиксированы в Конституции Российской Федерации. В статье 6 сформулированы основополагающие принципы, которыми руководствуется Российская Федерация при регулировании вопросов гражданства. Вместе с тем нельзя не согласиться с точкой зрения, согласно которой формирование принципов гражданства в России не завершено и этот процесс обусловлен множеством факторов [7, с. 25].

В связи с изменением социальных и государственных потребностей одной из задач федерального законодательства является развитие конституционных принципов [8, с. 5], которые в сфере обеспечения реализации законодательства о гражданстве выступают в качестве гарантий и нашли отражение в ст. 4 Федерального закона от 31 мая 2002 г. N 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации»*. Из текста указанной нормы права следует, что институциональную сущность российского гражданства отражают определенные правила, идеи и определяющие начала, неоднократно обобщенные и логически интерпретированные в рамках исследований для четкого и однозначного понимания.

К ним относятся следующие наиболее распространенные дефиниции: принципы единого и равного гражданства; его устойчивости; неотчуждаемости; недопустимости выдачи гражданина Российской Федерации другому государству; поощрения приобретения гражданства проживающими на территории Российской Федерации апатридами; признания допустимости двойного гражданства; покровительства и защиты российских граждан за пределами государства гражданской принадлежности; признания наличия гражданства в соответствии с действующими на день наступления обстоятельств актами**.

Помимо этого, отраслевое законодательство, основываясь на положениях Конституции Российской Федерации, должно

* О гражданстве Российской Федерации: федер. закон от 31 мая 2002 г. N 62-ФЗ: ред. от 30 дек. 2020 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. N 22. Ст. 2031; 2021. N 1 (ч. I). Ст. 56.

** О гражданстве Российской Федерации: федер. закон от 31 мая 2002 г. N 62-ФЗ.

углублять и конкретизировать его цели, для осуществления которых Конституция предоставила и гарантировала какое-либо право, группу прав или свобод [9, с. 43-44]. Перечисленные принципы (специальные принципы), которые при комплексном рассмотрении образуют систему специальных (юридических) гарантий права человека на гражданство, имеют отношение только к институту гражданства, так как обусловлены его предметом и методами регулирования.

Следует констатировать и то, что конституционные положения, как справедливо отмечает Ю.А. Тихомиров, служат своеобразным «мостом» между национальным и международным правом, открывая путь от второго к первому [10, с. 235]. Основные принципы, используемые в российских нормативных правовых документах, кроме прямого законодательного закрепления права на гражданство, отражают содержание принципов регулирования вопросов гражданства Европейской конвенции о гражданстве 1997 года*, несмотря на то, что данная конвенция до настоящего времени не ратифицирована Российской Федерацией.

Обращаясь к проекту федерального закона N 49269-8 «О гражданстве Российской Федерации», который находится на стадии предварительного рассмотрения в Государственной Думе Российской Федерации, можно отметить, что перечень принципов, закрепленных в ст. 5 проекта, остается неизменным, за исключением того, что действию нормативных правовых актов в области гражданства во времени посвящается отдельная статья**.

Каждый из принципов объективного характера неоднократно был рассмотрен в исследованиях, касающихся регулирования вопросов российского гражданства [11; 12; 13]. По этой причине считаем возможным уделить внимание наиболее актуальным принципам, рассмотрение которых обусловлено изменением правосознания

и текущего законодательства. Принципы гражданства, как отмечалось выше, не являются статичным явлением. В своей динамике они обладают признаками «расширяющегося процесса» [14, с. 38]. Это обусловлено как целевой и институциональной направленностью принципов, гарантирующих возможность реализации права на гражданство при соблюдении определенных требований, так и многообразием процессов, происходящих в государстве на каждом из этапов его исторического развития [15, с. 169].

Обратимся к анализу содержания принципа равного гражданства. Применительно к данному исследованию важным представляется следующий аспект этого емкого основного начала института российского гражданства. В Российской Федерации изначально в соответствии с буквальным смыслом, заложенным в законодательстве, разграничения между натурализованными гражданами и гражданами, приобретшими гражданство в результате филиации, отсутствовали.

Следует отметить то, что принцип равного гражданства реализован и применяется не во всех государствах. Примером может послужить законодательство о гражданстве Эстонии, в котором нормы о лишении гражданства распространяются только на натурализованных граждан (ст. 28 Закона Эстонской Республики от 19 января 1995 г. «О гражданстве»***). Разграничения между объемом прав и свобод натурализованных граждан и граждан по рождению также существуют в странах Юго-Восточной Азии: Королевстве Таиланд, Социалистической Республике Вьетнам и других.

Вместе с тем поправки к Конституции Российской Федерации 2020 года служат еще одним подтверждением вывода автора о том, что принципы не являются константой в регулировании общественных отношений, в том числе регулировании вопросов российского гражданства. Одним из результатов конституционной реформы являются изменения, затронувшие фундаментальные принципы гражданства.

* Европейская конвенция о гражданстве (заключена в г. Страсбурге 6 нояб. 1997 г.). Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

** О гражданстве Российской Федерации: проект федер. закона от 29 дек. 2021 г. N 49269-8 // Система обеспечения законодательной деятельности: сайт. URL: <http://www.sozd.duma.gov.ru>

*** О гражданстве: закон Эстонской Республики от 19 янв. 1995 г. // Конституция (Основной закон) Эстонской Республики: Закон о гражданстве. Таллинн: Ilo, 1998. С. 83.

В части 2 ст. 81 Конституции Российской Федерации определены основные требования, предъявляемые к кандидатуре Президента Российской Федерации. Нововведением, имеющим прямое отношение к рассматриваемой проблематике, является запрет на замещение должности Президента Российской Федерации лицом, ранее имевшим гражданство иностранного государства.

Однако данное изменение вполне целесообразно, обосновано с точки зрения обеспечения незыблемости государственного суверенитета России и одновременно не является нарушением основополагающего принципа российского гражданства. При этом для достижения полноценного логического изложения норм законодательства о гражданстве Российской Федерации, исключающего коллизии и противоречивое толкование, предлагаем следующую редакцию ч. 2 ст. 4 действующего Федерального закона от 31 мая 2002 г. N 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» (ч. 1 ст. 5 законопроекта N 49269-8): «Гражданство Российской Федерации является единым и равным независимо от оснований его приобретения. В целях обеспечения безопасности государственных интересов Российской Федерации ограничения действия принципа равного гражданства распространяются только в отношении лиц, претендующих на замещение должности Президента Российской Федерации».

В рамках предложенного подхода представляется интересным рассмотреть последние изменения, которые коснулись оснований отклонения заявлений о приеме в российское гражданство. В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 11 июля 2022 г. N 440 основанием для отклонения заявлений о приеме в гражданство России граждан Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, граждан Украины и апатридов, постоянно проживающих на соответствующей территории, которые состоят «на военной службе, на службе в органах безопасности либо правоохранительных органах Донецкой Народной Республики или Луганской Народной Республики, не может являться пребывание

таких лиц на военной службе»*. Принимая во внимание сложившуюся ситуацию, такая «исключительная мера» представляется обоснованной, однако требует детализации. Принцип равного гражданства, применяемый в отношении лиц, проходящих процедуру натурализации, подразумевает, прежде всего, одинаковые пределы ограничений, которые эквивалентны основаниям отклонения (отмены) ходатайств о приобретении гражданства. В связи с изложенным, а также в целях обеспечения государственной безопасности и гарантированности достижения целей института Присяги гражданина Российской Федерации представляется возможным видоизменить рассматриваемую норму путем внесения следующего дополнения: «при условии увольнения с военной службы иностранного государства после принятия положительного решения до принесения Присяги гражданина Российской Федерации в срок, не превышающий 6 месяцев».

Возвращаясь к тематике равного объема прав граждан Российской Федерации, нельзя не уделить внимание ограничениям, связанным с запретом на замещение определенных должностей государственной службы лицами, обладающими помимо российского гражданства подданством (гражданством) иностранного государства, — должность депутата Государственной Думы (ст. 97 Конституции Российской Федерации), должности сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации (п. 8 ч. 1 ст. 14 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. N 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»).

* О внесении изменений в Указ Президента Российской Федерации от 24 апреля 2019 г. N 183 «Об определении в гуманитарных целях категорий лиц, имеющих право обратиться с заявлениями о приеме в гражданство Российской Федерации в упрощенном порядке» и Указ Президента Российской Федерации от 29 апреля 2019 г. N 187 «Об отдельных категориях иностранных граждан и лиц без гражданства, имеющих право обратиться с заявлениями о приеме в гражданство Российской Федерации в упрощенном порядке»: указ Президента Российской Федерации от 11 июля 2022 г. N 440 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

Федерации»*) и другие. Такие требования были введены в российское законодательство задолго до конституционных изменений 2020 года и первоначально могут показаться отступлением от принципа равного гражданства в отношении граждан Российской Федерации, имеющих статус бипатрида. Однако такая позиция представляется поверхностной, так как «равное гражданство» может рассматриваться только в пределах равных критериев для граждан. Фактор наличия иного гражданства выступает в качестве дополнительного условия, поэтому можно сделать вывод о том, что наличие определенных ограничений для бипатридов как одна из гарантий государственной безопасности не является нарушением конституционного принципа равного гражданства.

В рамках рассмотрения принципа равного гражданства считаем целесообразным проанализировать отдельные аспекты принципа допустимости двойного гражданства, которые нашли свое частичное отражение в нормах отраслевого законодательства. Учитывая изменение курса национальной политики Российской Федерации относительно вопросов двойного гражданства, нельзя не обратиться к Кодексу Российской Федерации об административных правонарушениях и Уголовному кодексу Российской Федерации, предусматривающим административную ответственность за нарушение установленного порядка подачи уведомления о наличии у гражданина Российской Федерации гражданства (подданства) иностранного государства либо вида на жительство или иного действительного документа, подтверждающего право на его постоянное проживание в иностранном государстве, и уголовную ответственность за неисполнение такого рода обязанности. Статья 19.8.3 КоАП РФ и ст. 330.2 УК РФ были введены в 2014 году**.

* О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 30 дек. 2011 г. N 342-ФЗ; ред. от 30 апр. 2021 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. N 49 (ч. 1). Ст. 7020; 2021. N 18. Ст. 3060.

** О внесении изменений в статьи 6 и 30 Федерального закона «О гражданстве Российской Федерации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 4 июня 2014 г. N 142-ФЗ; ред. от 3 июля 2016 г. // Рос газ. 2014. 6 июня; 2016. 12 июля.

Очевидно то, что главным отличием преступления от административного правонарушения является степень общественной опасности. При обращении к ст. 330.2 УК РФ возникает вопрос о степени общественной опасности и о соотношении совершенного правонарушения, квалифицируемого в законодательстве в качестве общественно опасного деяния, запрещенного уголовным законом, и санкцией в виде штрафа до 200 тысяч рублей, заработной платы или иного дохода за период до одного года либо обязательными работами на срок до четырехсот часов. Кроме того, согласно статистике Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации по ст. 330.2 УК РФ было осуждено: в 2019 году — 11 человек, в 2020 году — 2 человека, в 2021 году — 4 человека***, что свидетельствует об отсутствии востребованности в практике правоприменения уголовного судопроизводства.

Полагаем, что данное преступление подлежит частичной декриминализации. Свою актуальность ст. 330.2 УК РФ может сохранить только для специального субъекта, а именно для должностного лица, одним из требований к занимаемой должности которого является отсутствие гражданства иного государства или действительного документа, подтверждающего право на его постоянное проживание в иностранном государстве. Статью 19.8.3 КоАП РФ предлагаем дополнить частью 2, диспозиция которой будет иметь следующее содержание: «Неисполнение лицом установленной законодательством Российской Федерации обязанности по подаче в соответствующий территориальный орган федерального органа исполнительной власти, уполномоченного на осуществление функций по контролю и надзору в сфере миграции, уведомления о наличии у гражданина Российской Федерации гражданства (подданства) иностранного государства либо вида на жительство или иного действительного документа, подтверждающего право на его постоянное проживание в иностранном государстве, если лицо не является специальным субъек-

*** Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации: официальный сайт. URL: <http://www.cdep.ru>

ектом, ответственность которого регламентирована Уголовным кодексом Российской Федерации...». В качестве санкции может быть установлен штраф в размере от 20 до 50 тысяч рублей. Таким образом, степень общественной опасности будет соразмерна содеянному.

Следующим принципом, представляющим интерес для исследования, является неотчуждаемость российского гражданства. Основным направлением развития законодательства о российском гражданстве должен стать не только анализ действующих нормативных правовых актов [16, с. 25], но и их доктринальное исследование на стадии обсуждения и рассмотрения законопроектов. В настоящее время поводом для дискуссии выступает содержание института прекращения российского гражданства, положения которого могут претерпеть существенные изменения в содержании законопроекта 2021 года. Так, помимо оформления выхода из гражданства в добровольном порядке в качестве оснований для прекращения гражданства предусмотрено совершение преступления и установление юридического факта предоставления заявителем заведомо ложных сведений или документов, при условии прекращения гражданства с момента принятия решения органом, ведающим делами о гражданстве*. Следовательно, прекращение гражданства в таком аспекте фактически выступает в роли санкции, но пока не закрепленной на уровне уголовного закона ввиду отсутствия в ст. 44 УК РФ в перечне видов наказаний прекращения (лишения) гражданства.

При таком содержании институт прекращения гражданства, несмотря на отсутствие криминализации деяния, приобретает характерные черты института лишения гражданства, что противоречит основному принципу российского гражданства, закрепленному в ч. 3 ст. 6 Конституции Российской Федерации. Полагаем, что отмена решений о приобретении или прекращении российского гражданства в отличие от предлагаемых нововведений не нарушает содержание конституционного прин-

ципа, констатирующего неотчуждаемость российского гражданства. В связи с этим представляется нецелесообразным упразднение отмены решений и установленного порядка ее осуществления, включающего материальные и процессуальные основы, которые являются неотъемлемыми составляющими современного института гражданства Российской Федерации. Именно недействительность решения со дня его принятия выступает гарантом полноценной реализации принципа, запрещающего лишение гражданства при обеспечении равенства лиц вне зависимости от оснований приобретения устойчивой правовой связи человека и Российского государства.

Заключение. В ходе исследования были рассмотрены наиболее актуальные аспекты содержания специальных принципов российского гражданства, благодаря которым обеспечивается гарантированность реализации конституционного права на гражданство.

При анализе специальных принципов особое внимание было уделено принципам равного гражданства, допустимости двойного гражданства, а также принципу, обеспечивающему реализацию запрета на применение санкции в виде лишения гражданства. Согласно изменениям законодательства, вступившим в законную силу, данные принципы не носят абсолютного характера, а предусматривают ряд ограничений. Подводя итоги, можно сделать следующие обобщения и выводы.

1. Изменения содержания принципа равного гражданства, касающиеся разграничения прав натурализованных граждан и граждан России, приобретших гражданство по иным основаниям, в части требований, предъявляемых к кандидатуре Президента Российской Федерации, не противоречат сущности рассматриваемого принципа. Основой анализируемых поправок послужила необходимость в укреплении государственной безопасности Российской Федерации в сложившейся геополитической ситуации, что полностью отвечает требованиям обоснованности и целесообразности введенных ограничений.

2. В целях гарантированности реализации равного права на гражданство натурализуемых граждан при максимальной обеспеченности государственной безопас-

* О гражданстве Российской Федерации: проект федерального закона от 29 дек. 2021 г. N 49269-8.

ности основания для отклонения заявлений о приеме в российское гражданство должны быть максимально унифицированы для всех категорий иностранных граждан (лиц без гражданства). В связи с этим необходим детальный анализ нормативных правовых актов и правоприменительной практики для дальнейшего совершенствования законодательства.

3. Ввиду актуализации проблематики статуса бипатрида в Российской Федерации, с учетом упразднения такого требования для натурализации в России, как необходимость оформления выхода из гражданства государства исхода, требуется пересмотр уголовного и административного законодательства в части, касающейся соразмерности степени общественной опасности деяния и видов юридической ответственности, установленных санкцией. Помимо этого, представляется возможным для рассматриваемого состава правонарушения ввести специальный субъект.

4. Отдельные положения проекта федерального закона от 29 декабря 2021 г. N 49269-8 «О гражданстве Российской Федерации», касающиеся регулирования прекращения российского гражданства, могут приобрести коллизионный смысл по отношению к конституционным положениям, в связи с чем упразднение института отмены гражданства, с учетом наличия достаточного уровня правоприменительной и судебной практики, недостаточно обосновано и рационально.

5. Несмотря на трансформацию содержания отдельных основополагающих принципов российского гражданства, следует акцентировать внимание на их демократичном характере. В данном контексте возможно руководствоваться субъективным принципом, выделенным в своем диссертационном исследовании Н.М. Смородиным, — принципом «накопления в гражданстве Российской Федерации» [17, с. 123-125]. Указанная концептуальная основа объединяет принципы допущения двойного граждан-

ства и запрета на лишение гражданства со стороны государства в качестве санкции. Помимо этого, «принцип накопления» находит свое выражение в минимизации количества ограничительных цензов при приобретении российского гражданства; тенденции к приоритету создания условий для приобретения российского гражданства вместо установления строгих содержательных требований; упразднении необходимости оформления отказа от гражданства иностранного государства при натурализации*.

6. В настоящее время возрастает актуальность повышения уровня правосознания населения России. Конституционные принципы российского гражданства в контексте либерализации процедуры натурализации приобретают первостепенное значение с учетом их трансформирующегося содержания. В связи с этим считаем необходимым включить в бланк заявления о приобретении гражданства Российской Федерации (приложение N 1 к Положению о порядке рассмотрения вопросов гражданства Российской Федерации, утвержденному Указом Президента Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. N 1325**) помимо положений об ответственности иностранного гражданина (лица без гражданства) основные принципы гражданства Российской Федерации, акцентирующие внимание на фундаментальном правовом и нравственном значении данного института.

* О внесении изменений в Федеральный закон «О гражданстве Российской Федерации» в части упрощения процедуры приема в гражданство Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства: федер. закон от 24 апр. 2020 г. N 134-ФЗ // Рос. газ. 2020. 28 апр.

** О внесении изменений в Положение о порядке рассмотрения вопросов гражданства Российской Федерации, утвержденное Указом Президента Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. N 1325: указ Президента Российской Федерации от 2 окт. 2018 г. N 562 // Там же. 2018. 5 окт.

Список источников

1. Грефрат Б.О. О месте принципов в системе современного международного права // Правоведение. 1969. N 2. С. 109-115.
2. Демидов И.Ф. Принципы советского уголовного процесса. Курс советского уголовного процесса. Общая часть. Москва: Юрид. лит., 1989. 640 с.
3. Реализация и ценность права в регулировании общественных отношений в зарубежных странах: опыт Нового и Новейшего времени / под общ. науч. ред. Н.А. Фроловой. Москва: Эспрессо паблишинг, 2020. 138 с.

4. Воеводин Л.Д. Юридический статус личности в России. Москва: Изд-во МГУ, ИНФРА-М – НОРМА, 1997. 298 с.
5. Дрогавцева Е.А. Принципы гражданства в юридической науке: проблемы использования фундаментальных категорий // Конституционализм и правоохранительная деятельность: материалы всерос. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 5 июня 2020 г. / сост. С.Ю. Андрейцо. Санкт-Петербург: С.-Петерб. ун-т МВД России, 2020. С. 50-54.
6. Комментарий к Федеральному закону от 31 мая 2002 года N 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» [постатейный] / Я.Л. Ванюшин. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. Ковтун О.А., Терещенко Н.Д. Конституция Российской Федерации 1993 г. и принципы гражданства // Очерки новейшей камералистики. 2019. N 4. С. 22-25.
8. Черячукина Е.А. Права национальных меньшинств (конституционно-правовое закрепление и проблемы реализации): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2006. 29 с.
9. Юридические гарантии конституционных прав и свобод личности в социалистическом обществе / Л.Д. Воеводин, Е.Н. Гендзехадзе, А.Д. Зайкин [и др.]; под ред. Л.Д. Воеводина. Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1987. 343 с.
10. Тихомиров Ю.А. Курс сравнительного правоведения. Москва: Норма, ИНФРА-М, 1996. 432 с.
11. Авакьян С.А. Гражданство Российской Федерации. Москва: Рос. юрид. изд. дом, 1994. 126 с.
12. Кутафин О.Е. Российское гражданство. Москва: Юрист, 2003. 587 с.
13. Виноградов О.В. К вопросу о понятии и принципах гражданства Российской Федерации // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2012. N 2 (15). С. 13-19.
14. Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры. Москва: Акад. проект, 2004. 991 с.
15. Мордовец А.С. Социально-юридический механизм обеспечения прав человека и гражданина / под ред. Н.И. Матузова. Саратов: СВШ МВД России, 1996. 285 с.
16. Ванюшин Я.Л. Состояние и перспективы законодательства о гражданстве Российской Федерации // О наиболее приоритетных направлениях миграционной политики Российской Федерации: сб. науч. тр. / под общ. ред. К.О. Ромодановского, Е.Ю. Егоровой, В.А. Лянного. Москва: ФМС России, 2014. 273 с.
17. Смородин Н.М. Институт гражданства в российском праве: административно-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2005. 217 с.

References

1. Grefrat B.O. On the place of principles in the system of modern international law. Jurisprudence, 1969, no. 2, pp. 109-115. (In Russ.).
2. Demidov I.F. Principles of the Soviet criminal process. The course of the Soviet criminal trial. The general part. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1989. 640 p. (In Russ.).
3. The implementation and value of law in the regulation of public relations in foreign countries: the experience of Modern and Modern times. Moscow, Espresso publishing, 2020. 138 p. (In Russ.).
4. Voevodin L.D. The legal status of an individual in Russia. Moscow, Publishing House of Moscow State University, Publishing Group INFRA-M – NORMA, 1997. 298 p. (In Russ.).
5. Drogavtseva E.A. Principles of citizenship in legal science: problems of using fundamental categories. Constitutionalism and law enforcement. Saint Petersburg, Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2020. Pp. 50-54. (In Russ.).
6. Vanyushin Ya.L. Commentary to the Federal Law of May 31, 2002 No. 62-FZ "On Citizenship of the Russian Federation" [item-by-article]. Available at reference and legal system "ConsultantPlus". (In Russ.).
7. Kovtun O.A., Tereshchenko N.D. Constitution of the Russian Federation 1993 and principles of citizenship. Essays of the newest cameralistics, 2019, no. 4, pp. 22-25. (In Russ.).
8. Cheryachukina E.A. The rights of national minorities (constitutional and legal consolidation and problems of implementation). Autoabstract Cand. Diss. Moscow, 2006. 29 p. (In Russ.).
9. Voevodin L.D., Gendzekhadze E.N., Zaykin A.D. [i dr.]. Legal guarantees of constitutional rights and freedoms of the individual in a socialist society. Moscow, Publishing House of Moscow University, 1987. 343 p. (In Russ.).
10. Tikhomirov Yu.A. Course of comparative jurisprudence. Moscow, Norma, INFRA-M Publ., 1996. 432 p. (In Russ.).
11. Avakyan S.A. Citizenship of the Russian Federation. Moscow, Russian Legal Publishing House, 1994. 126 p. (In Russ.).
12. Kutafin O.E. Russian citizenship. Moscow, Lawyer Publ., 2003. 587 p. (In Russ.).
13. Vinogradov O.V. On the question of the concept and principles of citizenship of the Russian Federation // Bulletin of the St. Petersburg Law Academy, 2012, no. 2 (15), pp. 13-19. (In Russ.).
14. Stepanov Yu.S. Constants: Dictionary of Russian culture. Moscow, Academic Project Publ., 2004. 991 p. (In Russ.).
15. Mordovets A.S. Socio-legal mechanism of ensuring human and citizen rights. Saratov, Saratov Higher School of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 1996. 285 p. (In Russ.).
16. Vanyushin Ya.L. State and prospects of legislation on citizenship of the Russian Federation. About the most priority directions of the migration policy of the Russian Federation. Moscow, FMS of Russia, 2014. 273 p. (In Russ.).
17. Smorodin N.M. Institute of Citizenship in Russian law: administrative and legal research. Cand. Diss. Moscow, 2005. 217 p. (In Russ.).

Раздел 3. Уголовный закон

Научная специальность: 12.00.08 (5.1.4)

Вопросы уголовно-правовой оценки массовых беспорядков

Анатолий Николаевич Хоменко,

кандидат юридических наук, доцент, Сибирский институт бизнеса и информационных технологий, Омск, Россия, an.homenko65@mail.ru

Константин Сергеевич Князев,

Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации, Омск, Россия, konstantin.knyazev.1986@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы уголовно-правовой оценки массовых беспорядков, вызывающие большие трудности в правоприменительной деятельности. Констатируется несовершенство статьи 212 Уголовного кодекса Российской Федерации, которая предусматривает, по сути, пять самостоятельных преступлений. Дана краткая характеристика особенностей квалификации насилия, погрома, поджога, уничтожения имущества, насилия в отношении представителя власти применительно к массовым беспорядкам; рассмотрены мотивы и цель организации массовых беспорядков с учетом современной социально-политической обстановки; аргументируется необходимость корректировки основного состава массовых беспорядков; определены основные критерии отличия данного преступления от хулиганства. По результатам исследования предложена новая редакция статьи 212 Уголовного кодекса Российской Федерации, принятие которой, по мнению авторов, будет способствовать правильной и единообразной квалификации преступлений.

Ключевые слова: массовые беспорядки, организация массовых беспорядков, состав преступления, квалификация преступления, посягательство на общественную безопасность

Для цитирования: Хоменко А.Н., Князев К.С. Вопросы уголовно-правовой оценки массовых беспорядков // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2022. N 3 (61). С. 23-31.

Issues of criminal legal assessment of mass riots

Anatoly N. Khomenko,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Siberian Institute of Business and Information Technologies, Omsk, Russia, an.homenko65@mail.ru

Konstantin S. Knyazev,

Omsk Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Omsk, Russia, konstantin.knyazev.1986@mail.ru

Abstract. The problems of criminal law assessment of mass riots, causing great difficulties in the law enforcement activities, are considered. The imperfection of the Article 212 of the Criminal Code of the Russian Federation, providing five independent crimes, is stated. A brief description of the features of qualifying the violence, pogrom, arson, property destruction, violence against the authority agents in relation to mass riots, is provided. The motives and purpose of organizing mass riots are considered with respect to the current socio-political situation. The need to correct the main components of this crime is argued. The main criteria for distinguishing this crime from hooliganism are determined. A new version of the Article 212 of the Criminal Code of the Russian Federation is proposed basing on the results of the study. It is stated that it's adoption will contribute to the correct and unified qualification of crimes.

Keywords: mass riots, organization of mass riots, components of crime, qualification of crime, encroachment on public safety

For citation: Khomenko A.N., Knyazev K.S. Issues of criminal legal assessment of mass riots // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2022. No. 3 (61). P. 23-31.

Современная практика показывает, что массовые беспорядки возникают в толпе недовольных своей жизнью людей, имеющих разную мотивацию участия в них. В связи с этим агрессивные действия участников массовых беспорядков могут быть разнонаправленными в плане общественно опасных посягательств. Нередко присутствие большого количества людей используется как ширма для совершения не только физического насилия, уничтожения имущества, но и краж, грабежей, разбоев. При этом все чаще массовые беспорядки являются заранее запланированными, хорошо организованными, управляемыми, в составе профессионально подготовленных групп или даже организаций [1, с. 79].

Так, 2-3 января 2022 г. в Республике Казахстан произошли протесты против значительного повышения цен на моторное топливо, которые затем переросли в массовые беспорядки, организованные с целью захвата власти заинтересованными лицами. В ходе этих беспорядков погибли 225 человек, более 4,5 тысяч человек пострадали, имущественный ущерб причинен 351 объекту недвижимости. По данным Генеральной прокуратуры Республики Казахстан, межведомственной следственной группой расследуется 177 уголовных дел, возбужденных в отношении участников массовых беспорядков, под стражу взято 779 лиц. Среди них 24 члена организованных преступных групп, 113 обвиняемых имеют судимости за убийства, кражи, грабежи и разбои*.

Однако действующая регламентация уголовной ответственности за массовые беспорядки, по нашему мнению, не учитывает в полной мере проблемы настоящего социально-политического развития общественных отношений в механизме уголовно-правового регулирования. По этой причине целью исследования является выработка предложений по совершенствованию юридических мер, направленных на уголовно-правовую борьбу с массовыми беспорядками, на основе критического

переосмысления законодательной конструкции состава преступления, предусмотренного ст. 212 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), его объективных и субъективных признаков.

Анализ эмпирической базы, которую составили материалы судебной практики и примеры уголовных дел, представленные в исследованиях правоведов [2, с. 154; 3; 4, с. 159-160; 5, с. 185], показывает, что квалификация данного преступления вызывает большие трудности, поскольку ст. 212 УК РФ предусматривает, в сущности, пять самостоятельных преступлений:

1) организацию массовых беспорядков, а равно подготовку лица для организации таких массовых беспорядков или участия в них (ч. 1);

2) склонение, вербовку или иное вовлечение лица в совершение действий, предусмотренных ч. 1 ст. 212 (ч. 1.1);

3) участие в массовых беспорядках (ч. 2);

4) призывы к массовым беспорядкам или к участию в них, а равно призывы к насилию над гражданами (ч. 3);

5) прохождение лицом обучения, заведомо для обучающегося проводимого в целях организации массовых беспорядков либо участия в них (ч. 4).

Это обстоятельство указывает на проблему конкуренции ст. 212 УК РФ и целого ряда статей Особенной части уголовного закона, объектами уголовно-правовой охраны которых являются жизнь и здоровье человека, его собственность, общественный порядок, конституционный строй и безопасность государства. Не вдаваясь в детали всех проблем уголовно-правового регулирования массовых беспорядков, в рамках данной статьи обратим внимание на некоторые наиболее противоречивые, по нашему мнению, моменты квалификации рассматриваемого деяния.

Объективная сторона состава преступления, предусмотренного ст. 212 УК РФ, представляет собой комплексную законодательную конструкцию, в которой наряду с уголовной ответственностью за совершение общественно опасных деяний пред-

* См.: Рос. газ. 2022. 12 февр.

усмотрена, прежде всего, ответственность за организацию массовых беспорядков. Наличие организованной деятельности непосредственно связано с организатором совершения указанных в статье тяжких и особо тяжких преступлений, который может вовлекать, подготавливать (обучать) будущих руководителей преступных (организованных) групп для реализации отдельных деяний, входящих в общий замысел криминальной акции. Подобная структурированная организация характерна для преступного сообщества (преступной организации), предусмотренного ч. 4 ст. 35 УК РФ, отличительным признаком которого выступает цель – получение прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды. В составах с самостоятельной формой соучастия как оконченного преступления указаны присущие им цели, для которых они создаются: ст. 205.4 – осуществление террористической деятельности; ст. 210 – совершение одного или нескольких тяжких или особо тяжких преступлений; ст. 282.1 – разработка планов и (или) условий для совершения преступлений экстремистской направленности.

Для организации массовых беспорядков, а тем более для деятельности организованных групп по ее осуществлению цели не предусмотрены, поэтому они не имеют квалификационного значения. В части 4 ст. 212 УК РФ предусмотрено прохождение лицом обучения в целях организации массовых беспорядков либо участия в них. При этом не уточняется, для чего эти беспорядки сами по себе необходимы. Однако, как показывает международная практика (история), конечной целью совершения резонансных массовых беспорядков являются политические и (или) экономические решения (изменение политического режима (конституционного строя), смена руководства государства, отмена налогов и т.п.).

Например, приговором Московского городского суда было установлено, что, действуя во исполнение своего преступного умысла, первый соучастник в январе – начале февраля 2012 г. «...в ходе разговора по информационно-телекоммуникационной сети “Интернет” с ранее знакомым гражданином Российской Федерации Л. <...> предложил последнему неоднократно

организовывать на территории г. Москвы и других регионов России массовые беспорядки с целью посягательства на основы безопасности и стабильности в обществе, что могло бы, по его мнению, дестабилизировать социально-политическую обстановку в Российской Федерации»*. В связи с этим, на наш взгляд, целесообразно предусмотреть включение ст. 212 УК РФ в перечень статей, в которых «...под террористической деятельностью понимается совершение хотя бы одного из преступлений, предусмотренных ст.ст. 205-206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279, 360, 361 настоящего Кодекса» (п. 2 примечания к ст. 205.2 УК РФ).

При этом указание на то, что массовые беспорядки «сопровождаются», является некорректным, поскольку беспорядки – это действия не обособленные, а включаемые в это понятие. В связи с этим более правильно обозначить в диспозиции ст. 212 УК РФ организацию массовых беспорядков, «связанных с...». В целом, учитывая, что формулировка ст. 212 УК РФ громоздка и нарушает системность уголовного закона [6, с. 102], представляется необходимым перечисленные в части первой общественно опасные действия оставить, а организацию и подготовку лица для организации таких массовых беспорядков или участия в них предусмотреть в перечне статей ч. 1 ст. 205.4 УК РФ, склонение, вербовку или иное вовлечение (ч. 1.1 ст. 212) – в ч. 1 ст. 205.1 УК РФ, призывы к действиям, предусмотренным ч. 1 ст. 212 (ч. 3 ст. 212), – в п. 2 примечания к ст. 205.2 УК РФ, прохождение обучения, приобретение знаний, практических умений и навыков... (ч. 4 ст. 212) – в ст. 205.3 УК РФ.

Обращает на себя внимание и ряд альтернативных самостоятельных общественно опасных действий: насилие, погром, поджог, уничтожение имущества, применение оружия, взрывных устройств, взрывчатых, отравляющих либо иных веществ и предметов, представляющих опасность для окружающих, а также оказание вооруженного сопротивления представителю власти (ч. 1 ст. 212 УК РФ). Непо-

* Приговор Московского городского суда от 25 апр. 2013 г. по делу N 2-***/13. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

средственно совершение указанных посягательств участниками массовых беспорядков предусмотрено ч. 2 ст. 212 УК РФ. В то же время отсутствие конкретных официальных разъяснений, касающихся данных действий (например, Пленумом Верховного Суда Российской Федерации), применительно к массовым беспорядкам вызывает соответствующие затруднения в деятельности судебно-следственных органов, нуждающихся в сформированном едином подходе к квалификации этого преступления.

Между тем в работах ведущих правоведов дается неоднозначная трактовка понятия действий, которые охватываются массовыми беспорядками, и их квалификация [7, с. 77-79; 8, с. 7-8]. Не вдаваясь в дискуссию, рассмотрим данные понятия и представим свою точку зрения на квалификацию насилия, погрома, поджога и уничтожения имущества, опираясь на общепризнанные в теории уголовного права правила квалификации. Так, в соответствии с правилом конкуренции, если признаки состава преступления, предусмотренного нормой-частью, полностью охватываются признаками состава, предусмотренного нормой-целым, а санкция его меньше или равна санкции нормы-целого, то квалификация по совокупности преступлений не требуется. Причем применяемые оружие, взрывные устройства, взрывчатые и отравляющие вещества являются орудиями совершения указанных криминальных деяний и представляют собой предмет совершения преступления, предусмотренный ст.ст. 222-223.1, 226 УК РФ, что требует дополнительной квалификации по ст. 212 УК РФ.

Насилие – это деяние, понимаемое в уголовном праве как физическое воздействие на организм потерпевшего или психологическое воздействие (угроза причинения вреда жизни, здоровью или телесной неприкосновенности), которое может быть как неопасным, так и опасным для жизни и здоровья человека [7, с. 77]. Таким образом, насилие при массовых беспорядках включает в себя все формы уголовно наказуемого принудительного воздействия на организм потерпевшего, в том числе умышленное причинение любых видов вреда здоровью человека (ст.ст. 116, 115, 112, ч. 1 ст. 111 УК РФ). Кроме того, с учетом

характера (дополнительного объекта чч. 1 и 2 ст. 212 УК РФ) и степени общественной опасности преступлений, отражающихся в санкции, предусматривающей лишение свободы на срок до 8 лет включительно, следует квалифицировать без совокупности с ч. 2 ст. 212 УК РФ и насильственное хищение (п. «г» ч. 2 ст. 161, ч. 1 ст. 162 УК РФ). Убийство, совершенное во время массовых мероприятий, должно квалифицироваться по совокупности со ст. 105 УК РФ (санкции лишения свободы более 15 лет).

В судебной практике также возникает вопрос и к оценке насилия в отношении представителя власти в рамках состава, предусмотренного ч. 2 ст. 212 УК РФ. Ответом на него являются апелляционные решения, в которых было определено, что применение насилия в отношении представителя власти образует самостоятельный состав преступления и не охватывается диспозицией ст. 212 УК РФ, в связи с чем судебная коллегия считает, что действия осужденных судом правильно квалифицированы по двум составам преступлений, предусмотренным ч. 1 ст. 318 и ч. 2 ст. 212 УК РФ, а доводы апелляционных жалоб в этой части – несостоятельными*. Конституционный Суд Российской Федерации, изучив представленные материалы указанного апелляционного определения, не нашел оснований для принятия данной жалобы к рассмотрению, так как «...оспариваемые положения ч. 2 ст. 212 и ч. 1 ст. 318 УК РФ содержат описание разных, по существу, преступлений, которые различаются родовым объектом (в первом случае это общественная безопасность, во втором – порядок управления), объективной стороной (которая выражается в участии в массовых беспорядках в первом случае и в применении насилия, не опасного для жизни или здоровья, либо угрозе применения насилия в отношении представителя власти или его близких в связи с исполнением им своих должностных обязанностей – в другом) и, соответственно, содержанием субъективной стороны. Данные нормы

* См.: Апелляционные определения Московского городского суда от 20 июня 2014 г. по делу N 10-7610/2014 и от 26 апр. 2016 г. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

не соотносятся между собой как общая и специальная, как целое и часть, поскольку не могут рассматриваться как компоненты друг друга»*.

Погромы как часть массовых беспорядков обычно сопровождаются вышерассмотренным насилием, включают в себя повреждение чужого имущества (независимо от вида собственности) (ст.ст. 167, 267 УК РФ), кражу (чч. 1-3 ст. 158, 158.1 УК РФ), ненасильственный грабеж (чч. 1 и 2 ст. 161 УК РФ) и охватываются степенью общественной опасности, предусмотренной ст. 212 УК РФ.

Под поджогами принято понимать умышленные действия, приведшие к воспламенению и горению имущества, зданий, сооружений, транспортных средств, растительных насаждений и т.п. [7, с. 79]. При этом на квалификацию не влияет то, что имущество, которое поджигалось, не было повреждено или уничтожено, так как начавшийся пожар удалось погасить. Под уничтожением имущества в теории уголовного права понимается приведение его разными способами в полную негодность, то есть в такое состояние, при котором наступает полная утрата им своих потребительских свойств и экономической ценности.

Отметим, что наиболее проблемной сферой в уголовном праве при квалификации криминальных происшествий является оценка и выбор одного из внешне схожих между собой признаков состава преступления, предусмотренных различными статьями Особенной части УК РФ. Это в большей степени относится и к отграничению хулиганства, совершенного в соисполнительстве многими лицами, от массовых беспорядков. Решение этой задачи возможно посредством применения специального правила квалификации, когда уголовно-правовые нормы, предусмотренные ст.ст. 212 и 213 УК РФ, находятся в отношениях конкуренции. Критериями разграничения выступают субъективные признаки: мотив и цель осуществления общественно опасных действий (для организаторов массовых беспорядков ха-

рактерны экономические, политические, социальные мотивы и разрушение существующих основ безопасности как цель таких действий, для группового хулиганства определяющим является хулиганский мотив поведения участников, проявление явного неуважения к обществу, стремление грубо нарушить общественный порядок). Однако для отдельных участников массовых беспорядков, поддавшихся «психологии толпы», возможно наличие хулиганского мотива их действий.

При этом представляется, что норма об ответственности за массовые беспорядки является специальной, поскольку с наибольшей полнотой охватывает содеянное. Специализация данной нормы основывается главным образом на признаках объективной стороны состава преступления. Изначально при совершении преступления, предусмотренного ст. 212 УК РФ, общественный порядок нарушается совместными действиями значительного количества человек, интенсивность деяний которых в последующем представляет посягательство на общественную безопасность. Причем это количество должно образовывать толпу, массу людей. Кроме того, в ст. 212 УК РФ более точно, по сравнению со ст. 213 УК РФ, обозначены способы совершения преступления [2, с. 155].

В судебной практике имеются уголовные дела, в которых деяния при совершении группового хулиганства после присоединения к правонарушителям большого количества людей, выполняющих действия, характеризующие объективную сторону массовых беспорядков, были квалифицированы как хулиганство [9, с. 49-50]. Однако правильной представляется их квалификация по ч. 2 ст. 212 УК РФ. Аналогично следует оценивать и ситуацию, если такие лица после совершения хулиганских действий осуществляют призывы к насилию и к массовым беспорядкам, принимая затем в них участие [3, с. 13].

Пунктом «а» ч. 1 Федерального закона от 30 декабря 2020 г. N 543-ФЗ «О внесении изменений в статью 213 Уголовного кодекса Российской Федерации»** установлена ответственность за применение

* Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 29 сент. 2015 г. N 2288-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

** Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://parvo.gov.ru>

насилия к гражданам либо угрозу его применения, а частью второй — за «то же деяние, совершенное с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия, либо группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой либо связанное с сопротивлением представителю власти либо иному лицу, исполняющему обязанности по охране общественного порядка или пресекающему нарушение общественного порядка». Поскольку насилие для хулиганства ранее рассматривалось как факультативный признак состава преступления, то теперь это один из обязательных способов деяния, которое является таковым и в составе массовых беспорядков. Это обстоятельство еще больше усложнит деятельность правоприменителя по отграничению массовых беспорядков от хулиганства по признакам объективной стороны.

Например, в отношении участников несогласованной протестной акции, состоявшейся 27 июля 2019 г. в центре г. Москвы, Следственный комитет Российской Федерации возбудил несколько уголовных дел по ст.ст. 212 и 318 УК РФ. 15 человек, игнорируя законные требования представителей власти, грубо нарушая общественный порядок, применили насилие в отношении представителей власти, провали оцепление и, выйдя на проезжую часть, парализовали движение автотранспорта на Садовом кольце, а также совершили иные противоправные действия. Впоследствии обвинения по ст. 212 УК РФ со всех обвиняемых были сняты, действия некоторых квалифицированы по ст.ст. 318, 212.1 и 213 УК РФ [5, с. 184]. Тем самым в очередной раз было подчеркнута несовершенство ст.ст. 212 и 213 УК РФ.

Однако одна из основных причин проблемы разграничения массовых беспорядков и хулиганства видится в непосредственном указании в названии статьи на термин «беспорядки», производный от слова «порядок». Как справедливо отмечает С.А. Елисеев, словосочетание «массовые беспорядки» используется не только в диспозиции статьи для обрисовки объективной стороны преступления, но и для его наименования в заголовке статьи. При этом давно известно, что назначение заголовка статьи, представляющего собой

часть нормативно-правового текста, — лаконично выразить объем содержащегося в статье нормативно-правового предписания [10, с. 37].

В уголовном законе общественный порядок как непосредственный объект преступления связан с характером общественной опасности деяний, предусмотренных ст.ст. 212.1, 213 и 214 УК РФ. Если термин «беспорядок» официально не раскрыт, то под грубым нарушением общественного порядка применительно к уголовно наказуемому хулиганству понимается «явное неуважение к обществу, которое совершено с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия, либо по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы»*. Уместно заметить, что в рамках действующей редакции ст. 213 УК РФ данное разъяснение Верховного Суда Российской Федерации будет актуальным, если его скорректировать с учетом способа совершения хулиганства, направленного на применение физического или психического насилия к гражданам, которое имеет место и при применении хулиганом оружия или предметов, используемых в качестве оружия.

В свою очередь, объектом уголовно-правовой охраны в случае массовых беспорядков, по мнению большинства правоведов, выступает посягательство на общественную безопасность, непосредственно связанную с качественной характеристикой понятия «массовость», которая отражается в повышенной общественной опасности, единстве целей толпы, ее готовности совершать погромы, поджоги и другие уголовно наказуемые деяния [1, с. 80]. Количественная составляющая этого понятия не закреплена ни уголовным правом, ни разъяснениями Верховного Суда Российской Федерации. Представленные в научных публикациях доктринальные мнения право-

* См.: Пункт 1 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 ноября 2007 г. N 45 «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений». (Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»).

ведов, в общем, выражают мнение о том, что количество людей, образующих толпу, должно быть достаточным для совершения деяний, предусмотренных ч. 1 ст. 212 УК РФ, то есть уголовно-правовая наука не связывает понятия массовости с конкретным количественным критерием [11, с. 184].

При этом в Постановлении Правительства Российской Федерации от 25 марта 2015 г. N 272 «Об утверждении требований к антитеррористической защищенности мест массового пребывания людей и объектов (территорий), подлежащих обязательной охране войсками национальной гвардии Российской Федерации, и форм паспортов безопасности таких мест и объектов (территорий)»* установлены три категории мест массового пребывания людей, потенциально представляющих угрозу общественной безопасности:

а) место массового пребывания людей 1 категории – в нем при определенных условиях может одновременно находиться более 1000 человек;

б) место массового пребывания людей 2 категории – в нем при определенных условиях может одновременно находиться от 200 до 1000 человек;

в) место массового пребывания людей 3 категории – в нем при определенных условиях может одновременно находиться от 50 до 200 человек.

Очевидно, что данные категории установлены исходя из опыта правоохранительной деятельности по пресечению локальных правонарушений и необходимы для определения расчета сил и средств подразделений войск национальной гвардии, способных обеспечить общественный порядок в местах проведения различных гражданских мероприятий. Следует отметить, что, например, в случае «перерастания» массового пребывания митингующих

людей в бесчинствующую толпу, совершающую погромы, привлекается усиленный состав различных правоохранительных органов, включая армейские подразделения (в зависимости от масштабов чрезвычайного обстоятельства).

Количество участников совершения массовых беспорядков является конструктивным признаком, непосредственно связанным с качеством предусмотренных объективной стороной данного состава преступления посягательств на объекты уголовно-правовой охраны. В связи с этим следует рекомендовать судебным следственным органам учитывать ориентировочное количество участников массовых беспорядков – более 50 человек. Между тем, как правило, правоприменитель вначале оценивает общественную опасность деяния, его отягчающие признаки, а затем уже лиц, виновных в этом преступлении, определяя форму их соучастия. Следовательно, полагаем, что устанавливать конкретное минимальное количество виновных в уголовном законе нецелесообразно, так как оно должно оцениваться в комплексе со всеми признаками состава преступления, предусмотренного ст. 212 УК РФ.

Таким образом, определение понятия «массовость» в контексте данного состава преступления более точно характеризует рассматриваемое деяние, являясь отличительным признаком его объективной стороны, включающим в себя комбинацию таких факторов, как общественно опасное посягательство в отношении одновременно нескольких объектов уголовно-правовой охраны и большое скопление лиц, способных его совершить.

В заключение следует предложить решения вышеизложенных вопросов уголовно-правовой оценки состава преступления, предусмотренного ст. 212 УК РФ.

1. Необходимо включить ст. 212 УК РФ в перечень статей, содержащийся в п. 2 примечания к ст. 205.2 УК РФ, в котором под террористической деятельностью понимается совершение хотя бы одного из преступлений, предусмотренных ст.ст. 205-206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279, 360, 361 УК РФ, поскольку в настоящее время массовые беспорядки совершаются с целью посягательства на основы безопасности и стабильности в обществе.

* Об утверждении требований к антитеррористической защищенности мест массового пребывания людей и объектов (территорий), подлежащих обязательной охране войсками национальной гвардии Российской Федерации, и форм паспортов безопасности таких мест и объектов (территорий): постановление Правительства Российской Федерации от 25 марта 2015 г. N 272: ред. от 29 июля 2020 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://parvo.gov.ru>

2. Необходимо изменить законодательную конструкцию ст. 212 УК РФ, исключив из текста статьи предусмотренные ей деяния с дальнейшим указанием на них в следующем порядке: организация и подготовка лица для организации массовых беспорядков или участия в них — в перечне статей, содержащемся в ч. 1 ст. 205.4 УК РФ; склонение, вербовка или иное вовлечение (ч. 1.1 ст. 212) — в ч. 1 ст. 205.1 УК РФ; призывы к действиям, предусмотренным ч. 1 ст. 212 (ч. 3 ст. 212), — в п. 2 примечания к ст. 205.2 УК РФ; прохождение обучения, приобретение знаний, практических умений и навыков... (ч. 4. ст. 212) — в ст. 205.3 УК РФ.

3. Для обеспечения единообразного подхода к уголовно-правовой оценке (квалификации) общественно опасных деяний, предусмотренных ч. 1 ст. 212 УК РФ, и четкого понимания отграничения массовых беспорядков от смежных составов преступлений необходимы соответствующие разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

4. Для построения более логичной и понятной юридической конструкции исследуемого состава преступления ст. 212 УК РФ необходимо изложить в следующей редакции:

«Статья 212. Массовое посягательство на общественную безопасность

1. Участие в организованном совершении общественно опасного посягательства, связанного с насилием, погромами, поджогами, уничтожением имущества, применением оружия, взрывных устройств, взрывчатых, отравляющих либо иных веществ и предметов, представляющих опасность для окружающих, а также оказанием вооруженного сопротивления представителю власти, в целях дестабилизации социально-политической обстановки либо воздействия на принятие решений органами власти, —

наказывается...

2. Те же деяния:

а) повлекшие по неосторожности смерть человека;

б) повлекшие причинение значительного имущественного ущерба либо наступление иных тяжких последствий, — наказываются...

3. Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, повлекшие умышленное причинение смерти человеку, —

наказываются...».

Список источников

1. Кумышева М.К. К вопросу о массовости в уголовно-правовой характеристике массовых беспорядков // Пробелы в российском законодательстве. 2018. N 3. С. 79-81.
2. Вдовиченко К.Г. Актуальные вопросы квалификации массовых беспорядков // Общество и право. 2014. N 4 (50). С. 153-155.
3. Векленко С.В., Якунин А.И. Спорные вопросы разграничения массовых беспорядков и группового хулиганства // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2012. N 3 (29). С. 7-16.
4. Кабанов Н.А. Отдельные вопросы юридической оценки деяний, связанных с массовыми беспорядками // Вестник экономической безопасности. 2019. N 3. С. 156-160.
5. Кудашкин С.К. К вопросу о разграничении массовых беспорядков и группового хулиганства // Вестник Московского университета МВД России. 2020. N 3. С. 184-188.
6. Кудашкин С.К. К вопросу об объективных признаках составов преступлений, ответственность за которые предусмотрена ст. 212 УК РФ // Вестник Московского университета МВД России. 2019. N 3. С. 101-106.
7. Багмет А.М. Криминология уголовного закона: проблемы правового регулирования массовых беспорядков как вида насильственной преступности // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2013. N 1. С. 76-84.
8. Векленко С.В., Якунин А.И. Совершенствование уголовного законодательства в сфере регламентации ответственности за массовые беспорядки // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2012. N 1 (27). С. 7-12.
9. Демидов Ю.Н. Массовые беспорядки: уголовно-правовой и криминологический аспекты: учеб. пособие. Москва: Изд-во Акад. МВД России, 1994. 84 с.
10. Елисеев С.А. Определение массовых беспорядков в уголовных законах России // Вестник Томского государственного университета. Право. 2020. N 38. С. 33-41.

11. Иваненко Я.И. Массовость как признак объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 212 УК РФ // Пробелы в российском законодательстве. 2014. N 2. С. 183-185.

References

1. Kumysheva M.K. On the issue of mass character in the criminal law characterization of mass riots. Gaps in Russian legislation, 2018, no. 3, pp. 79-81. (In Russ.).
2. Vdovichenko K.G. Topical issues of qualification of mass riots. Society and Law, 2014, no. 4 (50), pp. 153-155. (In Russ.).
3. Veklenko S.V., Yakunin A.I. Controversial issues of delimitation of riots and group hooliganism. Bulletin of the Kaliningrad branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2012, no. 3 (29), pp. 7-16. (In Russ.).
4. Kabanov N.A. Separate questions of the legal assessment of acts related to mass riots. Bulletin of economic security, 2019, no. 3, pp. 156-160. (In Russ.).
5. Kudashkin S.K. On the issue of delimitation of mass riots and group hooliganism. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2020, no. 3, pp. 184-188. (In Russ.).
6. Kudashkin S.K. To the question of objective signs of the elements of crimes, responsibility for which is provided for in Art. 212 of the Criminal Code of the Russian Federation. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2019, no. 3, pp. 101-106. (In Russ.).
7. Bagmet A.M. Criminology of criminal law: problems of legal regulation of mass riots as a type of violent crime. Criminological journal of the Baikal State University of Economics and Law, 2013, no. 1, pp. 76-84. (In Russ.).
8. Veklenko S.V., Yakunin A.I. Improvement of criminal legislation in the field of regulation of responsibility for mass riots. Bulletin of the Kaliningrad branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2012, no. 1 (27), pp. 7-12. (In Russ.).
9. Demidov Yu.N. Mass riots: criminal law and criminological aspects. Moscow, Publishing House of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 1994. 84 p.
10. Eliseev S.A. Determination of riots in the criminal laws of Russia. Bulletin of the Tomsk State University. Right, 2020, no. 38, pp. 33-41. (In Russ.).
11. Ivanenko Ya.I. Mass character as a sign of the objective side of the crime under Art. 212 of the Criminal Code of the Russian Federation. Gaps in Russian legislation, 2014, no. 2, pp. 183-185. (In Russ.).

Вклад авторов:

Хоменко А.Н. – определение основных направлений исследования, разработка теоретических предпосылок, доработка текста, формулирование общих выводов, научное редактирование текста;
Князев К.С. – идея исследования, сбор и обработка эмпирического материала, анализ научной литературы по теме исследования, написание текста и выводов статьи.

Contributions of authors:

Khomenko A.N. – determining the main directions of the research, developing the theoretical premises, revising the text, formulating the general conclusions, scientific editing of the text;
Knyazev K.S. – the idea of the research, collecting and processing the empirical material, analyzing the scientific literature, preparing the basic version of the text, formulating the article's conclusions.

Научная специальность: 12.00.08 (5.1.4)

Понятие и признаки пожизненного лишения свободы

Максим Анатольевич Тулиглович,

кандидат юридических наук, доцент, Дальневосточный филиал Российского государственного университета правосудия, Хабаровск, Россия, tu-m-an@yandex.ru

Аннотация. В статье предпринята попытка изучить имеющиеся в теории уголовного права дефиниции пожизненного лишения свободы и посредством анализа различных точек зрения представителей отечественной юридической науки дать оценку всем выделяемым признакам данного понятия. Несмотря на то, что пожизненное лишение свободы выступает самым строгим реализуемым уголовным наказанием, в теории уголовного права сложилось неоднозначное отношение к определению данного вида наказания и его характерным чертам. На практике подобная законодательная неопределенность приводит к неточностям в текстах судебных решений, возникающим из-за неверного понимания места пожизненного лишения свободы в современной системе уголовных наказаний. Автором статьи сформулированы предложения по совершенствованию соответствующих норм уголовного закона.

Ключевые слова: уголовное наказание, пожизненное лишение свободы, признаки пожизненного лишения свободы

Для цитирования: Тулиглович М.А. Понятие и признаки пожизненного лишения свободы // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2022. N 3 (61). С. 32-39.

The concept and features of life imprisonment

Maxim A. Tuliglovich,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Far Eastern Branch of the Russian State University of Justice, Khabarovsk, Russia, tu-m-an@yandex.ru

Abstract. The author of the article attempts to analyze different definitions of life imprisonment existing in the theory of criminal law and to assess all the distinguished features by analyzing the various viewpoints of the representatives of the domestic legal science. Despite the fact that life imprisonment is the severest implemented criminal penalty, in the theory of criminal law there is an ambiguous attitude to defining this type of penalty and its characteristic features. In practice, such legislative uncertainty leads to some inaccuracies in the texts of the judicial decisions arising from the misunderstanding of the place of life imprisonment in the modern system of criminal penalties. Some proposals to improve the relevant norms of the criminal law are provided.

Keywords: criminal penalty, life imprisonment, features of life imprisonment

For citation: Tuliglovich M.A. The concept and features of life imprisonment // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2022. No. 3 (61). P. 32-39.

Попытки сформулировать дефиницию пожизненного лишения свободы, определить его сущность, содержание и характерные черты (признаки) неоднократно предпринимались представителями уголовно-правовой науки. Обобщая имеющиеся определения, можно выделить несколько ключевых подходов.

Первый основан на использовании семантического анализа всех входящих в определение слов. «Анализ термина “пожизненное лишение свободы”, — указы-

вает Б.З. Маликов, — дает возможность более полно постичь сущность данного правового и социального явления: 1) пожизненное — на протяжении всей жизни и до ее конца; 2) лишение — утрата, потеря, принудительное ограничение в пользовании определенными благами; 3) свобода (в философии) — возможность проявления субъектом своей воли на основе осознания законов развития природы и общества, познанная необходимость (независимость, отсутствие стеснений и огра-

ничений)» [1, с. 79-80]. «Таким образом, — пишет Б.З. Маликов, — под пожизненным лишением свободы, с точки зрения философии и теории права, следует понимать особый вид лишения свободы, назначаемый судом лицу, виновному в совершении особо тяжкого преступления, и выражающийся в утрате, потере субъектом возможности проявления в полном объеме своей воли, независимости, а также в наличии стеснений и ограничений, обеспечиваемых принудительно, в течение всей последующей жизни путем изоляции осужденного от общества и содержания его в специально предназначенном для этих целей учреждении под надзором и охраной» [1, с. 80].

Заметим, однако, что при формулировании окончательной дефиниции в ней появляются сущностные и содержательные характеристики, не вытекающие из проведенного автором анализа значений, смысла слов. Причина в данном случае лежит на поверхности. Определить понятие «пожизненное лишение свободы» как утрату до конца жизни возможности проявления субъектом своей воли, независимости, наличие стеснений и ограничений можно только в самом широком смысле. Однако для установления сущности уголовного наказания этого, по всей видимости, будет не вполне достаточно.

Следовательно, семантический анализ в чистом виде для выполнения поставленной задачи не подходит. В связи с этим те случаи, когда используют семантический анализ только части терминов, составляющих искомое определение, объединяя его с профессиональной терминологией (законодательными терминами), можно обозначить как комплексно-семантический анализ. Например, Н.В. Желокhov, соединив словарные разъяснения понятия «пожизненное» и содержащиеся в ч. 1 ст. 56 УК РФ признаки «лишения свободы», получил следующее определение: пожизненное лишение свободы — это изоляция осужденного от общества путем направления его в колонию определенного вида режима на срок, ограничиваемый физиологическим существованием человека, то есть его смертью [2, с. 90]. В литературе схожие интерпретации являются достаточно частыми [3, с. 17].

Второй подход активно применяется при подготовке учебных изданий и связан с использованием при формулировании определения понятия «пожизненное лишение свободы» законодательных положений, закрепленных в ч. 1 ст. 57 УК РФ. Пожизненное лишение свободы при этом понимается как вид наказания, применяемый только за совершение особо тяжких преступлений, посягающих на жизнь, а также за совершение особо тяжких преступлений против здоровья населения и общественной нравственности, общественной безопасности, половой неприкосновенности несовершеннолетних [4; 5]. На наш взгляд, в данном случае упускаются очень важные признаки этого наказания. Но главное — в нем не раскрывается сущность пожизненного лишения свободы, поскольку, как указывает В.Н. Кудрявцев, «не возмездие и страдания есть цель пожизненного заключения, а только изоляция от общества» [6, с. 184].

В рамках *третьего* подхода, который условно можно именовать интегративным, авторы включают в анализируемое понятие признаки (характерные черты), присущие не только лишению свободы (ч. 1 ст. 56 УК РФ), но и наказанию в целом, а также условия назначения пожизненного лишения свободы (ч. 1 ст. 57 УК РФ). Рассмотрим некоторые из них.

«Пожизненное лишение свободы представляет собой вид лишения свободы, назначаемый за совершение указанных в законе особо тяжких преступлений, заключающийся в изоляции осужденного от общества в специальном учреждении (в исправительных колониях особого режима) бессрочно, т.е. пожизненно» [7].

По мнению О.В. Захарихиной, «пожизненное лишение свободы является самостоятельным исключительным видом наказания, назначаемым бессрочно лицам мужского пола, признанным судом виновными в совершении особо тяжких преступлений против жизни и общественной безопасности, и выражающимся в установлении осужденным определенных правоограничений, предусмотренных действующим уголовным и уголовно-исполнительным законодательством в целях восстановления социальной справедливости, исправления осужденных и пред-

упреждения совершения преступлений как осужденными, так и иными лицами» [8, с. 38].

Н.В. Желоков определяет пожизненное лишение свободы как «исключительный вид наказания, назначаемый судом за совершение особо тяжких преступлений, связанных с гибелью людей, в случаях, предусмотренных санкциями статей УК РФ, исполняемый в условиях строгой изоляции осужденного от общества в полном соответствии с нормами уголовно-исполнительного законодательства до конца жизни, с правом на условное освобождение, с учетом тяжести совершенного преступления и повышенной общественной опасности лица, его совершившего» [2, с. 90].

«Пожизненное лишение свободы, — указывает А.И. Рарог, — заключается в изоляции осужденного от общества путем помещения в специальные исправительные колонии особого режима для осужденных, отбывающих пожизненное лишение свободы, и для осужденных, которым смертная казнь заменена пожизненным лишением свободы» [9, с. 104].

А.А. Жевнеров признает его «мерой государственного принуждения, состоящей в строгой изоляции осужденного на неопределенный срок с покамерным содержанием его в специальных учреждениях, назначаемой судом за совершение особо тяжких преступлений, посягающих на жизнь, общественную безопасность и безопасность человечества» [10, с. 228].

Е.Л. Кирюхина рассматривает пожизненное лишение свободы как «наказание, бессрочно назначаемое лицам мужского пола, осужденным за совершение особо тяжких преступлений, посягающих на жизнь и общественную безопасность, отбываемое в колониях особого режима и выражающееся в установлении для осужденного правоограничений, предусмотренных действующим уголовным и уголовно-исполнительным законодательством, в целях восстановления социальной справедливости, исправления осужденных и предупреждения совершения преступлений» [11, с. 15].

О.А. Антонов понимает под ним «основной вид наказания, назначаемый лицу, виновному в совершении особо тяжкого преступления, предусмотренного уголов-

ным законодательством Российской Федерации, и заключающийся в принудительной изоляции осужденного от прежней социальной среды и содержании его в специально предназначенном для этих целей учреждении под надзором и охраной в течение пожизненного срока» [12, с. 34].

«Пожизненное лишение свободы, — пишет Ю.Е. Мазурина, — есть мера государственного принуждения, назначаемая судом за совершение особо тяжких преступлений, посягающих на жизнь, общественную безопасность и безопасность человечества, заключающаяся в строгой изоляции осужденного с покамерным содержанием его в специальных учреждениях» [13, с. 39].

Б.З. Маликов предлагает под пожизненным лишением свободы понимать «основной вид наказания, предусмотренный уголовным законодательством РФ, назначаемый лицу, виновному в совершении особо тяжкого преступления, и заключающийся в принудительной изоляции от общества осужденного в течение всей последующей жизни путем содержания его в специально предназначенном для этих целей учреждении под надзором и охраной» [1, с. 152].

Приведенные определения понятия пожизненного лишения свободы в ряде случаев значительно отличаются друг от друга не только по количеству включенных в дефиницию признаков, но и подходом к определению сущности и содержания данного наказания, в очередной раз демонстрируя полисемантическую научную дефиниций при отсутствии официального толкования.

Учитывая, что в понятии должны найти отражение только те существенные признаки, которые в своей совокупности будут достаточны, чтобы с их помощью можно было отличить данный предмет от всех остальных и обобщить однородные предметы в класс [14, с. 43], проанализируем представленные признаки подробнее.

Характерные черты, присущие, по мнению авторов, пожизненному лишению свободы, можно объединить в несколько групп для облегчения последующего анализа:

1. Указание на наказание: наказание (Е.Л. Кирюхина); основной вид наказания

(Б.З. Маликов, О.А. Антонов); исключительный вид наказания (Н.В. Желоков), исключительный, самостоятельный вид наказания (О.В. Захарихина); мера государственного принуждения (Ю.Е. Мазурина, А.А. Жевнеров).

2. Вид лишения свободы (Н.Е. Крылова).

3. Назначается судом (Ю.Е. Мазурина, А.А. Жевнеров, Н.В. Желоков, О.В. Захарихина).

4. Назначается виновному (Б.З. Маликов, О.А. Антонов, О.В. Захарихина).

5. Назначается лицам мужского пола (Е.Л. Кирюхина, О.В. Захарихина).

6. Указание на категорию преступления и объект уголовно-правовой охраны* (Ю.Е. Мазурина, Б.З. Маликов, Е.Л. Кирюхина, А.А. Жевнеров, Н.В. Желоков, О.В. Захарихина): особо тяжкое преступление, предусмотренное уголовным законодательством Российской Федерации (О.А. Антонов); в случаях, предусмотренных санкциями статей УК РФ (Н.В. Желоков); указанные в законе особо тяжкие преступления (Н.Е. Крылова).

7. Указание на место отбывания наказания: с камерным содержанием в специальных учреждениях (Ю.Е. Мазурина, А.А. Жевнеров); в специально предназначенном для этих целей учреждении под надзором и охраной (Б.З. Маликов, О.А. Антонов); в колониях особого режима (Е.Л. Кирюхина, Н.Е. Крылова); в специальных исправительных колониях особого режима для осужденных, отбывающих пожизненное лишение свободы, и для осужденных, которым смертная казнь заменена пожизненным лишением свободы (А.И. Рарог).

8. Изоляция: принудительная изоляция от общества (Б.З. Маликов) или от прежней социальной среды (О.А. Антонов); строгая изоляция осужденного (Ю.Е. Мазурина, А.А. Жевнеров), от общества (Н.В. Желоков); изоляция осужденного (А.И. Рарог) от общества (Н.Е. Крылова).

9. В течение всей последующей жизни (Б.З. Маликов); пожизненного срока (О.А. Антонов); бессрочно (Е.Л. Кирю-

хина, О.В. Захарихина), т.е. пожизненно (Н.Е. Крылова); на неопределенный срок (А.А. Жевнеров); до конца жизни (Н.В. Желоков).

10. Выражается в установлении для осужденного правоограничений, предусмотренных действующим уголовным и уголовно-исполнительным законодательством (Е.Л. Кирюхина, О.В. Захарихина).

11. В полном соответствии с нормами уголовно-исполнительного законодательства (Н.В. Желоков).

12. В целях восстановления социальной справедливости, исправления осужденных и предупреждения совершения преступлений (Е.Л. Кирюхина, О.В. Захарихина).

13. С правом на условное освобождение (Н.В. Желоков).

В представленных признаках имеется указание на исключительность данного вида наказания (Н.В. Желоков, О.В. Захарихина). В качестве критериев исключительности называются: осуждение только за совершение особо тяжких преступлений, связанных с гибелью людей; это единственный вид наказания, запрещающий условно-досрочное освобождение при наличии определенных обстоятельств.

Использовать термин «исключительность» применительно к пожизненному лишению свободы необходимо, на наш взгляд, с достаточной степенью условности, по следующим основаниям. Во-первых, исключительным в законе назван только один вид наказания — смертная казнь. Во-вторых, необходимость назначения пожизненного лишения свободы обусловлена исключительной опасностью для общества лица, совершившего преступление**. В-третьих, данный вид наказания назначается не только за совершение особо тяжких преступлений, связанных с гибелью людей, но и за совершение особо тяжких преступлений против здоровья населения и общественной нравственности, общественной безопасности, половой неприкосновенности несовершеннолетних. Принимая во внимание то, что данный перечень периодически расширяется, его

* Указание на объект уголовно-правовой охраны у авторов может значительно отличаться, поскольку он неоднократно менялся в законодательстве.

** О судебном приговоре: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 нояб. 2016 г. N 55 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2017. N 1.

нельзя учитывать при отнесении рассматриваемого вида наказаний к исключительным.

Нельзя согласиться с мнением Н.В. Желокова о том, что признак самостоятельности (О.В. Захарихина) не отражает сущность этого наказания [2, с. 56]. Вопрос о целесообразности включения данного признака зависит от подхода авторов к месту и роли пожизненного лишения свободы в системе наказаний. «Отметим, что нельзя игнорировать то обстоятельство, что законодатель последовательными своими действиями демонстрирует отношение к пожизненному лишению свободы как к основному, самостоятельному виду уголовного наказания» [15, с. 55]. Вместе с тем обобщающее понятие «лишение свободы», используемое в тексте Общей части УК РФ (в ч. 1 ст. 58, ч. 2 ст. 71, ч. 1 ст. 72, ч. 1 ст. 79, ч. 1 ст. 80 и т.д.), вносит законодательную неопределенность относительно места пожизненного лишения свободы в системе уголовных наказаний, что приводит к неточностям в тексте судебных решений*.

Упоминание в определении всех общих признаков наказания: мера государственного принуждения (Ю.Е. Мазурина, А.А. Жевнеров), назначаемая по приговору суда (Ю.Е. Мазурина, А.А. Жевнеров, Н.В. Желоков, О.В. Захарихина), его цели (Е.Л. Кирюхина, О.В. Захарихина) считаем избыточным, поскольку если в дефиниции будет указано, что искомый объект является наказанием, следовательно, ему (объекту) будут присущи все признаки, отражающие характерные черты самого наказания. Это же касается упоминания виновности (Б.З. Маликов, О.А. Антонов, О.В. Захарихина).

Мужской пол лиц, которым может быть назначено анализируемое наказание (Е.Л. Кирюхина, О.В. Захарихина), в целом может рассматриваться как характерная черта пожизненного лишения свободы, однако с небольшим уточнением. Законодатель рассматривает его с позиции не только гендерного, но и возрастного подхода. Причем обязательным является указание

как на достижение восемнадцатилетнего и недостижение шестидесятипятилетнего возраста, так и на то, что сами преступления должны совершаться исключительно в совершеннолетнем возрасте [13, с. 39].

«Изоляция» указывается в качестве признака большинством авторов. Как уже было отмечено, изоляция выступает первичным, неотъемлемым «вещественным атрибутом» лишения свободы. В связи с этим исключение понятия изоляции из дефиниции пожизненного лишения свободы (Е.Л. Кирюхина, О.В. Захарихина) является достаточно спорным. В то же время указанные авторы не уходят полностью от сути изоляции, а увязывают признаки наказания с правоограничениями, предусмотренными в уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве. Однако не следует забывать, что сами по себе правоограничения присущи большинству из существующих видов наказаний, к тому же в теории уголовного права их относят к элементам изоляции [16, с. 190].

Использование широкого спектра содержательных характеристик изоляции в анализируемых определениях: принудительная изоляция (Б.З. Маликов, О.А. Антонов), строгая изоляция (Ю.Е. Мазурина, А.А. Жевнеров, Н.В. Желоков), изоляция (А.И. Парог, Н.Е. Крылова) предоставляет возможность выбора той формы, которая наиболее точно будет отражать особенности изоляции при пожизненном лишении свободы. Вместе с тем исследования показывают, что принудительность выступает важной и неотъемлемой характеристикой самого процесса изоляции [3, с. 14; 17, с. 15]. В связи с этим выносить ее за рамки определения нецелесообразно. Кроме того, сложно представить, что изоляция, выступающая сущностью лишения свободы, которое является мерой государственного принуждения, может не носить принудительный характер.

Термин «строгая изоляция» выступает сущностью другого наказания. Он используется точно, применительно к аресту, причем в рамках как уголовного (ст. 54 УК РФ), так и уголовно-исполнительного законодательства (ст. 69 УИК РФ). Таким образом, в данном случае наиболее оптимальным видится использование официальной конструкции, за-

* Приговор Верховного суда Республики Дагестан (дело 2-13/2013 (2-78/2012)) // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. URL: <https://sudact.ru>

крепленной в ст. 56 УК РФ, — «изоляция осужденного от общества».

По мнению некоторых авторов (Е.Л. Кирюхина, О.В. Захарихина, Н.Е. Крылова), пожизненное лишение свободы является бессрочным. Следует поддержать точку зрения тех, кто считает использование данного термина не вполне целесообразным. «Нет сомнения в том, что и при бессрочном, и при пожизненном лишении свободы осужденный на длительный срок изолируется от общества, — пишет Н.В. Желоков, — однако следует полагать, что при бессрочном лишении свободы осужденный должен оставаться в местах лишения свободы, без ограничения срока его жизнью, и после его физиологической смерти, навечно» [2, с. 59]. Кроме того, следует учитывать, что в уголовном законодательстве дореволюционной России пожизненное и бессрочное лишение свободы применялись как различные виды наказаний. бессрочное — «на сколько государь укажет», пожизненное — до кончины осужденного [18, с. 85].

Указание на пожизненный срок в качестве ключевого признака пожизненного лишения свободы, содержащееся в международных документах*, является еще одной крайностью в представленных определениях. В данном случае мы имеем дело с нарушением одного из ключевых правил конструирования дефиниций — определение не должно заключать в себе круга. «Нельзя определять понятие через самое себя или определять его через такое другое понятие, которое, в свою очередь, определяется через него» [19, с. 135]. Применительно к нашему исследованию разновидностью круга в определении является ошибка «тавтология», или «то же через то же», в случаях, когда указывают, что пожизненное лишение свободы — это наказание, назначаемое пожизненно (Н.Е. Крылова) или в течение пожизненного срока (О.А. Антонов).

* Рекомендации N Rec (2003) 23 Комитета министров Совета Европы «Об осуществлении исполнения наказания в виде пожизненного заключения и других длительных сроков заключения администрациями мест лишения свободы» (Принята 9 окт. 2003 г. на 855-ом заседании представителей министров). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Не совсем оправданной является в определении ссылка на исполнение наказания в полном соответствии с нормами уголовно-исполнительного законодательства (Н.В. Желоков), поскольку все наказания должны исполняться подобным образом.

Спорной видится и необходимость учета в дефиниции пожизненного лишения свободы права осужденного на условно-досрочное освобождение. Считаем, что данный признак не определяет сущность и содержание данного наказания, а лишь указывает на относительный характер пожизненного лишения свободы в уголовном законодательстве России. Кроме того, если подходить к вопросу с точки зрения логики, то слова «пожизненное» и «освобождение» взаимоисключают друг друга, поскольку при применении досрочного освобождения наказание перестает быть пожизненным по своей сути. Таким образом, здесь вопрос о содержании понятия «пожизненное лишение свободы» подменяется вопросом об освобождении от него. Однако это противоречие следует учитывать исключительно при формулировании анализируемого понятия, поскольку на практике условно-досрочное освобождение от отбывания пожизненного лишения свободы не нивелирует пожизненный срок полностью. Если в период «испытательного срока» лицо совершит новое преступление, то пожизненный срок заключения будет восстановлен.

Обобщая вышесказанное, можно предложить следующее определение. Пожизненное лишение свободы представляет собой наказание, заключающееся в изоляции осужденного от общества в исправительных колониях особого режима до конца жизни и назначаемое лицам мужского пола, совершившим преступления после достижения восемнадцати лет и не достигшим шестидесятипятилетнего возраста, за совершение особо тяжких преступлений в случаях, предусмотренных санкциями статей УК РФ. Использование в рамках представленной дефиниции выражения «в случаях, предусмотренных санкциями статей УК РФ» считаем оправданным, поскольку, как показала практика, законодатель постоянно дополняет указание на соответствующие объекты уголовно-правовой охраны, содержащиеся в ч. 1 ст. 57 УК РФ. Кроме того, и в уже представленной системе имеются изъяны.

Так, в основу законодательной конструкции ч. 1 ст. 57 УК РФ положены категория преступления (особо тяжкие преступления) и объект уголовно-правовой охраны (жизнь, здоровье населения и общественная нравственность, общественная безопасность, половая неприкосновенность несовершеннолетних). В научной литературе уже достаточно давно поднимается вопрос о причинах отсутствия в ч. 1 ст. 57 УК РФ указания на мир и безопасность человечества в качестве объекта, посягательство на который может влечь назначение наказания в виде пожизненного лишения свободы. Дело в том, что с момента принятия уголовного закона в санкции ст. 357 УК РФ предусматривался данный вид наказания.

Как отмечает Н.В. Желоков, законодатель в данном случае намеренно не включил указанный объект в ст. 57 УК РФ, так как преступления против мира и безопасности человечества — преступления, посягающие на жизнь [2, с. 56]. Однако не следует забывать, что дополнительным объектом этого преступления выступает не только жизнь, но и здоровье людей определенных законом групп (в целом), права и свобода человека [20]. Кроме того, в иных объектах уголовно-правовой охраны, описанных в ч. 1 ст. 57 УК РФ, жизнь также включена в качестве дополнитель-

ного объекта. Из этого следует, что мир и безопасность человечества необходимо включить в систему объектов уголовно-правовой охраны, за посягательства на которые может быть назначено пожизненное лишение свободы. Данный вывод вполне логично распространяется и на другие объекты уголовно-правовой охраны, за посягательства на которые может быть назначено пожизненное лишение свободы, например, основы конституционного строя и безопасность государства (применительно к ст. 281 УК РФ).

Кроме того, в законодательной конструкции ч. 1 ст. 57 УК РФ имеет место последовательность изложения объектов уголовно-правовой охраны. Логика конструирования уголовно-правовых предписаний в тех случаях, когда идет перечисление объектов: они должны быть изложены в соответствии со структурой Особенной части. Примером может служить последовательность изложения задач, стоящих перед УК РФ в диспозиции ч. 1 ст. 2 УК РФ. Таким образом, рассматриваемые объекты должны располагаться в следующем порядке:

- 1) жизнь;
- 2) половая неприкосновенность несовершеннолетних;
- 3) общественная безопасность;
- 4) здоровье населения и общественная нравственность.

Список источников

1. Маликов Б.З. Теоретические проблемы сущности и содержания лишения свободы и их выражение в уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве России: дис. ... д-ра юрид. наук. Рязань, 2004. 482 с.
2. Желоков Н.В. Пожизненное лишение свободы в системе наказаний УК РФ и его назначение: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2007. 197 с.
3. Королева К.В. Лишение свободы в аспекте достижения целей наказания: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2003. 22 с.
4. Палий В.В. Глава 14. Система и виды наказаний // Уголовное право России. Общая и Особенная части: учебник / отв. ред. Ю.В. Грачева, А.И. Чучаев. Москва: КОНТРАКТ, 2017. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Стеничкин Г.А., Бриллиантов А.В. Глава 16. Система и виды наказаний // Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник / под ред. А.В. Бриллиантова. Москва: Проспект, 2015. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Кудрявцев В.Н. Стратегии борьбы с преступностью. Москва: Юристъ, 2003. 349 с.
7. Крылова Н.Е., Леонтьев Б.М. Глава XVIII. Система и виды наказаний // Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник для вузов / под ред. В.С. Комиссарова, Н.Е. Крыловой, И.М. Тяжковой. Москва, Статут, 2012. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. Захарихина О.В. Исполнение наказания в виде пожизненного лишения свободы в России: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2005. 208 с.
9. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. А.И. Рарога. Москва: Проспект, 2011. 848 с.
10. Жевнеров А.А. Понятие пожизненного лишения свободы в современном уголовном праве России и его место в системе уголовных наказаний // Правовая система современной России: проблемы и перспективы их преодоления. 2012. N 1. С. 228-232.

11. Кирюхина Е.Л. Уголовно-правовые и уголовно-исполнительные аспекты применения наказания в виде пожизненного лишения свободы: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2008. 174 с.
12. Антонов О.А. Правовое регулирование назначения и исполнения наказания в виде пожизненного лишения свободы: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 1998. 164 с.
13. Мазурина Ю.Е. Уголовное наказание в виде пожизненного лишения свободы и его объект: дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2010. 207 с.
14. Гетманова А.Д. Логика для юристов: со сборником задач: учеб. пособие. Москва, 2015. 340 с.
15. Тулиглович М.А. Назначение наказания в виде пожизненного лишения свободы // Правосудие. 2020. Т. 2. N 4. С. 44-61.
16. Маковик Р.С., Бессараб Н.Р. Изоляция личности в российском праве и законодательстве: учебник. Москва: Экзамен, 2007. 319 с.
17. Колеватов П.И. Правовое и организационное обеспечение изоляции осужденных в исправительной колонии: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2001. 22 с.
18. Попова Л.Н. История развития домашнего ареста как вида наказания // Человек: преступление и наказание. 2017. Т. 25. N 1. С. 84-89.
19. Ивин А.А. Логика: учеб. пособие для студентов вузов. Москва: Оникс: Мир и Образование, 2008. 336 с.
20. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 4 т. Т. 4: Особенная часть. Разделы X-XII (постатейный) / отв. ред. В.М. Лебедев. Москва: Юрайт, 2017. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

References

1. Malikov B.Z. Theoretical problems of the essence and content of deprivation of liberty and their expression in the criminal and penitentiary legislation of Russia. Doct. Diss. Ryazan, 2004. 482 p. (In Russ.).
2. Zhelokov N.V. Life imprisonment in the system of punishments of the Criminal Code of the Russian Federation and its appointment. Cand. Diss. Saratov, 2007. 197 p. (In Russ.).
3. Koroleva K.V. Deprivation of liberty in the aspect of achieving the goals of punishment. Autoabstract Cand. Diss. Saratov, 2003. 22 p. (In Russ.).
4. Paliy V.V. Chapter 14. System and types of punishments. Criminal law of Russia. General and Special parts. Moscow, CONTRACT Publ., 2017. Available at the reference-legal system "ConsultantPlus". (In Russ.). (The authors of the chapter are).
5. Stenichkin G.A., Brilliantov A.V. Chapter 16. System and types of punishments. Criminal law of Russia. Parts General and Special. Moscow, Prospect Publ., 2015. Available at the reference-legal system "ConsultantPlus". (In Russ.). (The authors of the chapter are Stenichkin G.A., Brilliantov A.V.).
6. Kudryavtsev V.N. Crime control strategies. Moscow, Yurist" Publ., 2003. 349 p. (In Russ.).
7. Krylova N.E., Leontiev B.M. Chapter XVIII. System and types of punishments. Criminal law of the Russian Federation. General part. Moscow, Statut Publ., 2012. Available at the reference-legal system "ConsultantPlus". (In Russ.).
8. Zakharikhina O.V. Execution of punishment in the form of life imprisonment in Russia. Cand. Diss. Moscow, 2005. 208 c. (In Russ.).
9. Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation. Moscow, Prospect Publ., 2011. (In Russ.).
10. Zhevnerov A.A. The concept of life imprisonment in the modern criminal law of Russia and its place in the system of criminal penalties. The legal system of modern Russia: problems and prospects for overcoming them, 2012, no. 1, pp. 228-232. (In Russ.).
11. Kiryukhina E.L. Criminal-legal and penitentiary aspects of the application of punishment in the form of life imprisonment. Cand. Diss. Moscow, 2008. 174 p. (In Russ.).
12. Antonov O.A. Legal regulation of the appointment and execution of punishment in the form of life imprisonment. Cand. Diss. Rostov-on-Don, 1998. 164 p. (In Russ.).
13. Mazurina Yu.E. Criminal punishment in the form of life imprisonment and its object. Cand. Diss. Ryazan, 2010. 207 p. (In Russ.).
14. Getmanova A.D. Logic for lawyers: with a collection of tasks. Moscow, 2015. 340 p. (In Russ.).
15. Tuliglovich M.A. Assignment of punishment in the form of life imprisonment. Justice, 2020, vol. 2, no. 4, pp. 44-61. (In Russ.).
16. Makovik R.S., Bessarab N.R. Personal Isolation in Russian Law and Legislation. Moscow, Examen Publ., 2007. 319 p. (In Russ.).
17. Kolevatov P.I. Legal and organizational support for the isolation of convicts in a correctional colony. Autoabstract Cand. Diss. Moscow, 2001. 22 p. (In Russ.).
18. Popova LN. The history of the development of arrest as a form of punishment. Man: crime and punishment, 2017, vol. 25, no. 1, pp. 84-89. (In Russ.).
19. Ivin A.A. Logics. Moscow, Oniks: Mir i Obrazovanie Publ., 2008. 336 p. (In Russ.).
20. Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation. In 4 volumes. Volume 4. Moscow, Yurayt Publ., 2017. Available at the reference-legal system "ConsultantPlus". (In Russ.).

Раздел 4. Правоохранительная политика

Научная специальность: 12.00.08 (5.1.4)

Концептуальные ориентиры уголовной политики современной России

Павел Александрович Яковенко,

Дальневосточное окружное управление материально-технического снабжения Министерства внутренних дел Российской Федерации, Хабаровск, Россия, p_yakovenko@internet.ru

Аннотация. В статье отражены актуальные проблемы содержания категорий, характеризующих национальную уголовную политику. Обозначена необходимость переоценки составляющих государственной уголовной политики. Посредством анализа различных точек зрения представителей отечественной юридической науки дается оценка элементов механизма противодействия преступности. Отмечено наличие существенных недостатков законодательства, а равно отсутствие современного представления об объекте уголовно-правовой охраны, приоритетов в выборе вида наказания, выступающего показателем важности и эффективности обеспечения национальных интересов. Вместе с тем автор акцентирует внимание на важности обращения к традициям и обычаям правового поведения и воспитания, характерным для российского общества.

Ключевые слова: уголовная политика, национальные интересы, уголовный закон, уголовно-правовой запрет, идеология

Для цитирования: Яковенко П.А. Концептуальные ориентиры уголовной политики современной России // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2022. N 3 (61). С. 40-47.

Conceptual guidelines for the criminal policy of modern Russia

Pavel A. Yakovenko,

Far Eastern District Logistics Department of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Khabarovsk, Russia, p_yakovenko@internet.ru

Abstract. The author of the article analyzes the actual problems of the content of the categories characterizing the national criminal policy. The necessity of reevaluation of the components of the state criminal policy is indicated. Having analyzed various points of view of the representatives of domestic legal science, the author gave an assessment of the elements of the crime prevention mechanism. It is noted that there are significant shortcomings of legislation, as well as the lack of a modern understanding of the object of criminal law protection, priorities in choosing the type of punishment, which is as an indicator of the importance and effectiveness of ensuring national interests. At the same time, the author draws attention to the importance of referring to the traditions and customs of legal behavior and upbringing that are typical for Russian society.

Keywords: criminal policy, national interests, criminal law, criminal law prohibition, ideology

For citation: Yakovenko P.A. Conceptual guidelines for the criminal policy of modern Russia // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2022. No. 3 (61). P. 40-47.

Несовершенство практической реализации мер уголовно-правового противодействия преступности на современном этапе оправдывается недостатками законодательного регулирования, причина которых заключается в стремительных изменениях в обществе. Научно-техническая революция, глобализационные процессы, взаимообусловленность политики, эконо-

мики и социальной сферы на фоне активизации борьбы за мировое господство, сопровождаемые угрозами национальной безопасности, — ежедневные составляющие «жизнедеятельности» современного государства. Динамичность процессов, влекущих необратимые изменения миропорядка, необходимость взаимодействия с «недружественными странами», поиск и

использование нетрадиционных методов решения проблем, порождающих дестабилизацию и приоритет частных интересов над публичными, обуславливают потребность в молниеносной реакции государства. Современное общество отказывается от участия в конструктивном диалоге в пользу санкционных методов решения любых вопросов, а международное право утрачивает первенство среди неотъемлемых составляющих взаимодействия и дипломатии.

Государственная политика — многокомпонентное явление, состоящее из различных направлений деятельности, обеспечивающих полноценное функционирование и развитие государства. Однако существенной угрозой любого общества и государства является преступность — исторически сложившееся явление, не подлежащее искоренению. Поиск стратегий, методов и способов противодействия данному явлению обусловил возникновение уголовной политики, суть которой заключается в организации эффективной борьбы с различными проявлениями преступности в разных сферах жизнедеятельности.

Таким образом, уголовная политика является неотъемлемой составляющей государственной политики, сущность и содержание которой регламентированы в национальном законодательстве. Однако уже на этом этапе исследования данного явления следует отметить наличие проблематики. Прежде всего, отсутствует единый нормативный правовой акт, закрепляющий сущность и содержание данного направления деятельности государства.

Поскольку в демократическом обществе имеется множество общественных отношений, нуждающихся в действенной уголовно-правовой охране, постольку был принят ряд нормативных правовых актов, определяющих специфику их защиты. Например, акцентировано внимание на охране общественной безопасности*, необходимости развития национальной системы противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных пре-

* Концепция общественной безопасности в Российской Федерации: утв. Президентом Российской Федерации от 14 нояб. 2013 г. N Пр-2685. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ступным путем, и финансированию терроризма**, информационной безопасности детей***, системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних****. Обозначенные сферы важны как в глобальном, так и в стратегическом плане развития государства. Но при осуществлении уголовной политики в этих направлениях невозможен единый подход, в результате чего появляется множество специфических механизмов, отвечающих требованиям различных нормативных актов. Очевидно, что в данном случае речь идет не о сущности и содержании уголовной политики государства, а о механизме ее реализации.

При определении уголовной политики как неотъемлемой части социальной политики становится совершенно очевидной необходимость уяснения элементов, составляющих правовую и социальную природу понятия, его целей, задач, сущности и содержания. Отсутствие регламентации обозначенных категорий препятствует качественному правотворчеству, эффективной правореализации и, как результат, противодействию преступности.

Общепризнано, что основополагающим нормативным правовым актом, выражающим основные направления уголовной политики на современном этапе, является Уголовный кодекс Российской Федерации. Закрепленные в нем основания и принципы уголовной ответственности, признаки преступления и наказания позволяют в целом получить представление о таком сложном явлении.

** Концепция развития национальной системы противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма: утв. Президентом Российской Федерации 30 мая 2018 г. // Там же.

*** Об утверждении Концепции информационной безопасности детей: распоряжение Правительства Российской Федерации от 2 дек. 2015 г. N 2471-р // Там же.

**** Об утверждении Концепции развития системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних на период до 2025 года и плана мероприятий на 2021-2025 годы по ее реализации: распоряжение Правительства Российской Федерации от 22 марта 2017 г. N 520-р // Там же.

Однако уголовная политика предполагает масштабную деятельность широкого круга лиц, обеспечивающих защиту прав и свобод человека и гражданина, общества и государства от общественно опасных посягательств посредством использования уголовно-правового механизма, включающего разнообразные инструменты репрессивного и поощрительного характера. Криминализация и декриминализация, тенденции и перспективы совершенствования института уголовной ответственности и наказания, общая и частная превенция – базовые составляющие на протяжении длительного периода времени.

Вполне очевидно, что при таком подходе уголовная политика воспринимается в обществе лишь с позиции нескольких норм уголовного закона. С этим трудно согласиться, поскольку политика государства, направленная на противодействие различным преступным посягательствам, не должна быть ограничена нормами материального права. Недопустимо игнорирование норм процессуального права, а равно условий соблюдения положений уголовно-исполнительного права. Указанное обстоятельство свидетельствует о необходимости выработки самостоятельного нормативного правового документа, в котором в первую очередь будут представлены основы уголовной политики вне зависимости от различных сфер ее реализации (унифицированное понятие уголовной политики, понятийный аппарат, характерные признаки, разъяснение сущности и содержания, основных направлений деятельности).

В настоящее время отсутствие правовой регламентации отражается на процессе совершенствования уголовной политики, сводящегося преимущественно к установлению новых форм общественно опасного поведения, которое не всегда сопровождается глубокой научной проработкой как самих нормативных конструкций, так и последствий их применения на практике [1, с. 81]. Помимо этого, тенденцией современной уголовной политики стало возрождение норм преюдициального характера, расширение императивных норм об освобождении от уголовной ответственности в Особенной части УК РФ с детализацией оснований и условий для их применения [2, с. 44].

Разумеется, подобный подход не только не способствует оптимизации уголовной политики, но и усложняет ее, а имеющиеся инструменты не обеспечивают эффективную реализацию закона.

Отмеченные противоречивость и хаотичность законодательной инициативы посредством возвращения к ранее утратившим силу позициям, дублирования отдельных составов и иных «традиционных» способов «перекраивания» закона и попытка охватить все влияния уголовно-правового запрета не оказывают должного эффекта в плане жизнеспособности целей и задач, а равно средств и методов противодействия преступности. Представляется стратегически важным выявление новых тенденций развития современной уголовной политики, реконструирование перспективного плана государственного противостояния внутренним и внешним угрозам личности, общества и государства, кардинального изменения расстановки приоритетов национального механизма борьбы с негативными социальными явлениями, связанными с преступностью. УК РФ продолжает оставаться «избирательно-репрессивным», предусматривая достаточно большие сроки наказания за отдельные виды преступлений и закрепляя возможность освобождения от уголовной ответственности по широкому кругу преступных деяний в связи с возмещением ущерба (ст. 76.1 УК РФ) или в связи с уплатой судебного штрафа (ст. 76.2 УК РФ) [3, с. 40].

Говоря о гармонизации уголовного закона в рамках совершенствования уголовной политики, следует начать с оценки соблюдения норм и правил юридической техники, соответствия содержания терминологическому единству, а равно недопустимости оценочных категорий. В свою очередь, эффективность правоприменительной деятельности в полной мере зависит от степени адаптации законодательства к современным тенденциям общественного развития. Нередко именно стремление к «соответствию» реалиям становится причиной игнорирования критериев целесообразности, рациональности, эффективности. Мериторичный подход к устранению противоречий и коллизий, порожденных конфликтом законодателя и правоприменителя, конвергенция и стандартизация

уголовно-правовых запретов, доступных для понимания и соблюдения неопределенным кругом лиц, обеспечит уголовный закон необходимыми механизмами для полноценной реализации новых идей современной уголовной политики.

В связи с этим первоочередным регулятором противодействия преступности должна стать идеологическая составляющая, о необходимости которой на протяжении последних лет высказываются достаточно сдержанно. Поскольку уголовная политика — неотъемлемая часть политики государственной, то она должна формироваться на основе неких более общих идей, формирующих идеологическую платформу. Важно определить центральную идею, вокруг которой строился бы весь механизм уголовно-правового воздействия, найти подтверждение этой идеи в общественном сознании [4, с. 137].

Складывающийся из фрагментарных и разнородных норм уголовно-правовой запрет не обеспечивает построение универсального правового механизма защиты разнообразных объектов уголовно-правовой охраны. В этом смысле категория «идеология», на наш взгляд, должна стать базовой, формирующей системное сознание и понимание негативного влияния нарушения норм уголовного закона на государство, общество и само лицо, нарушившее принципы и идеи правового государства.

Вместе с тем важность глубокого осознания непрерывности российской истории, массив наработанных позитивных традиций являются основой для энергичного продвижения вперед и утверждения по праву принадлежащей нашей стране роли одного из ведущих центров современного мира [5, с. 104].

Исторически государственная уголовная политика строилась на основе стремления достичь соответствия издаваемых законов национальным особенностям понятия морали. Представляется верной точка зрения о том, что для укрепления государства и обеспечения снижения преступности в стране целесообразно проводить уголовную политику в соответствии с национально-этническим укладом народа [6, с. 303].

С одной стороны, национальное уголовное законодательство, формировав-

шееся веками, провозглашает приоритет принципов и норм, сложившихся в международном праве за последние полвека, а с другой стороны, игнорирует национальные интересы, утрачивая тем самым связь с историей, культурой, патриотизмом.

Исходя из этих соображений, можно заключить, что идеологическая составляющая концепции уголовной политики достаточно динамична, поскольку находится в значительной зависимости от качественных и структурных изменений социально-экономических составляющих, уровня развития государства и его права и, безусловно, криминогенной ситуации в государстве и за его пределами. Корректировка целей и задач национальной уголовной политики обеспечивает соответствие законодательства и процесса его реализации потребностям общества. Очевидно, на разных этапах потребности могут трансформироваться, однако идеологическая составляющая должна базироваться на приоритете и верховенстве права вне зависимости от политических, экономических, культурных факторов.

Уголовная политика государства представляет собой систему методов и форм воздействия на преступность, а также механизм ее предупреждения. Все ее составляющие взаимосвязаны и не могут развиваться изолированно. Соответственно, первоочередной задачей уголовной политики является совершенствование системы объектов уголовно-правовой охраны.

Будучи публичной отраслью, уголовное право охраняет обобщенные интересы личности, общества и государства, создавая благоприятные условия для их реализации [7, с. 132]. Например, концептуальная идея о приоритете охраны личности от преступных посягательств, ставшая в последующем политической идеологией, находит свое выражение в программных документах. В частности, в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации в качестве основной угрозы национальной и общественной безопасности обозначены преступные посягательства, направленные против личности, а главным направлением обеспечения государственной и общественной безопасности — усиление роли государства в качестве гаранта безопасности личности [8, с. 5]. Вместе с тем не

теряет своей актуальности борьба с коррупцией, терроризмом, экологическими и киберпреступлениями. Эти и другие направления реализуются в жизнь через конкретные мероприятия, проводимые в рамках уголовно-правовой политики [9, с. 351].

В связи с вышеизложенным возникает вопрос о том, действительно ли верно обозначены общественные отношения, требующие внимания со стороны уголовного права. Многочисленные методы уголовно-правового воздействия не только не оказывают должного влияния на обеспечение интересов в той или иной сфере, но и требуют все большего внимания, тем самым отвлекая от действительно важных позиций. В частности, длительный период времени вне правовой защиты остаются национальные интересы и интересы национальной безопасности Российской Федерации, состоящие в политической, экономической и социальной стабильности, в безусловном обеспечении законности и поддержании правопорядка, в развитии равноправного и взаимовыгодного международного сотрудничества [10, с. 7].

Практика зарубежных стран идет по пути приоритета «мер безопасности» вопреки правам и свободам человека, когда под предлогом и лозунгом безопасности грубейшим образом нарушаются элементарные права человека — право на неприкосновенность личной жизни, на свободу мнений и их высказывание, право на свободу протестных акций, право на свободу мирных собраний, митингов [11, с. 109].

Именно через характер изменений уголовного закона становятся очевидными основные тенденции уголовной политики государства, направленной на «разгрузку» судебной системы, системы исполнения наказаний, на предоставление возможности для граждан, совершивших малозначительные деяния, исправиться без негативных последствий в виде судимости и жить полноценной жизнью [12, с. 205].

Уголовный закон перестает быть карательным орудием уголовной политики и приобретает статус символа защиты, справедливости, законности. Так, сомнительным представляется совершенствование уголовного законодательства посредством криминализации или декриминализации. Определяя для человека круг запретов,

законодательство тем самым акцентирует внимание на единственно возможном способе соблюдения закона — посредством санкций. При этом вид предусмотренного наказания может не только быть сомнительным с точки зрения его целей, но и существенно снижать ценность самого объекта. Соответственно, содержание уголовной политики из социально обусловленного и превентивного в очередной раз переполняется репрессивной составляющей.

Например, очевидным условием криминализации публичного распространения заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации, исполнении государственными органами Российской Федерации своих полномочий выступает заявленный курс национальной государственной политики на недопущение дискредитации авторитета государственной власти. Однако, исходя из содержания запрета, возникает вопрос о его «целевой аудитории», которая должна начать испытывать большее доверие к государственной власти или опасаться распространения данных об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации. Сложность определения приоритета объекта уголовно-правовой охраны данной нормы национального уголовного закона в целом подкрепляется наличием санкции, позволяющей в случае нарушения прибегнуть к денежному взысканию с виновного лица.

Таким образом, преобразования, происходящие в государстве и обществе, должны найти свое отражение в системе их ценностей. Объекты уголовно-правовой охраны не должны определяться из тенденций уголовной политики государства. Именно трансформация общественной жизни должна диктовать государственной власти перспективы и направления для уголовной политики, направленной на ее защиту, восстановление нарушенного права. Стратегическая система ценностей, выявленная в результате взаимодействия государства и общества, должна быть заложена в систему уголовной политики. При этом национальный уголовный закон должен быть направлен на торжество позитивной ответственности, заключающейся в неукоснительном соблюдении норм и недопустимости совершения деяний,

в первую очередь, угрожающих национальным интересам. Требуется запрет на искупление вины по ряду составов преступлений посредством соответствующей денежной компенсации, поскольку это обесценивает идеи и принципы уголовной политики государства.

Вместе с тем направления противодействия преступности не могут быть отделены от государственной воли, выражающейся в приоритетных направлениях внутренней и внешней политики. Задающая деятельность компетентных органов сложившаяся ситуация с приматом международного права в современном мире заставляет иначе воспринимать общепризнанные принципы и нормы. Изменение ситуации в мире, Европе, России обусловило необходимость переоценки тенденций международной и внутригосударственной уголовной политики. Использование накопленного международным сообществом правового опыта не приветствуется, правовые позиции ряда зарубежных стран кардинально меняются, подстраиваясь под ситуацию и персоналии. При этом уголовная политика государства не может остановиться в развитии, а концептуальные положения не перестанут быть основополагающими под давлением политических и экономических процессов. Сила права проявляется именно в конгломерате международных и национальных стандартов. Выработанные направления уголовной политики Российской Федерации не потеряли своей актуальности, несмотря на современную внешнеполитическую ситуацию. Скорее наоборот, отстаивание приоритета прав человека на международной арене обязывает не допускать даже малейших отступлений от общепризнанных принципов и норм международного права.

Возникновение противоречивых подходов неизбежно и вполне предсказуемо, особенно в ситуации, когда единый стандарт прав человека устанавливается для государств, имеющих различия, порой существенные. Особую настороженность вызывает возникновение конфликта, связанного с оценкой законов, подлежащих применению, проблема многократно осложняется, приобретает политический оттенок и обсуждается уже не только с точки зрения защиты прав человека, но и в

плане вмешательства во внутренние дела государства [13, с. 178].

Оспаривание беспрекословности и верховенства международного права приводит к тому, что оно обесценивается. В свою очередь, национальное право «обрастает» региональными, политическими, экономическими, силовыми мерами. В этом потоке «правовой анархии» в процессе реализации уголовной политики необходимо строго придерживаться нейтралитета с сохранением генеральной государственной позиции по ряду принципиальных вопросов защиты личности, общества и государства, с одной стороны, и соблюдения норм международного права – с другой.

Если оценивать историческое прошлое, то следует отметить, что уголовная политика России достаточно долго характеризовалась как репрессивно направленная. Законодательное закрепление приоритета прав человека, утверждение личностных приоритетов обозначили переход от репрессивного к охранительному типу, что символизирует приверженность государства ценностям гуманизма и фундаментальных прав и свобод человека [14, с. 117-118].

В связи с этим призывы к расширению уголовной ответственности не гармонируют с такими направлениями современной уголовной политики Российской Федерации, как гуманизация, повышение защищенности личности, демократизация мер борьбы с преступностью [15, с. 201].

Важнейшим аспектом при формировании уголовной политики является вопрос применения мер принуждения, не противоречащих гарантированным правам человека. Речь должна идти о балансе личных, общественных и государственных интересов при противодействии преступности.

Говоря о современной уголовной политике, нельзя оставить без внимания важность ее реализации с непосредственным участием заинтересованных представителей общественности, имеющих принципиальный интерес к предупреждению и профилактике преступности. Важный ресурс любого государства – это его граждане. Активное участие гражданского общества в формировании стратегии реализации уголовной политики не только

позволит обеспечить безопасность и порядок, но и будет направлено на формирование направлений уголовной политики исходя из потребностей конкретного региона и граждан, нуждающихся в защите. Понимание важности роли гражданского общества в сфере противодействия преступности не только доказывает приоритет прав и свобод человека в государстве, но и способствует повышению доверия общества к правоохранительным органам. Очевидно, что в рамках реализации концепций по противодействию преступности необходимо предусмотреть механизм взаимодействия компетентных органов государственной власти с общественными организациями, неправительственными организациями, деловым сектором и отдельными гражданами.

Гармония прав и свобод в гражданском обществе обусловлена верховенством закона, стабильностью норм и правил поведения, наличием механизма защиты и восстановления нарушенных прав. Уголовной политике в этом аспекте отведено достаточно важное место, поскольку реализация закона в части защиты и

представляет собой верховенство права. Процесс борьбы с преступностью осуществляется строго в рамках закона, основная цель которого должна быть сведена к минимизации карательного воздействия, являющегося крайней мерой воздействия на нарушителя, и к приоритету устранения социальных противоречий, формированию среды нетерпимости нарушения закона, устранению факторов, провоцирующих негативное поведение, формированию системы воспитания, уважения закона.

Таким образом, современные составляющие уголовной политики государства не отвечают национальным интересам. Формирование новой идеи уголовной политики, обусловленной необходимыми концептуальными ориентирами современного государственного и правового устройства, поможет изменить ее восприятие обществом. Позволит не только расширить границы правового и социального воздействия в отношении профилактики и предупреждения правонарушений и преступлений, но и обосновать меры воспитательного влияния на современное общество.

Список источников

1. Волков К.А. К вопросу о понимании, соотношении и взаимном влиянии уголовной политики и судебной практики // Уголовная политика и правоприменительная практика: сб. ст. по материалам VI междунар. науч.-практ. конф., г. Санкт-Петербург, 2 ноября 2018 г. / отв. редактор Е.Н. Рахманова. Санкт-Петербург, 2019. С. 76-84.
2. Огородникова Н.В. Совершенствование норм Уголовного кодекса Российской Федерации как реализация уголовно-правовой политики // Теория и практика общественного развития. 2018. N 3 (121). С. 42-45.
3. Романова Л.И., Крайнова Н.А. Некоторые современные тенденции уголовной политики России в сфере противодействия преступности // Ученые записки юридического факультета. 2021. N 3. С. 39-43.
4. Бавсун М.В., Векленко В.В. Идеологические основы уголовно-правового воздействия // Российский юридический журнал. 2013. N 5(92). С. 131-138.
5. Лавров С.В. Мы – вежливые люди! Размышления о внешней политике. Москва: Книжный мир, 2018. 544 с.
6. Пещеров Г.И. Эволюция и перспективы развития уголовной политики России // Уголовная политика и правоприменительная практика: сб. ст. по материалам VI междунар. науч.-практ. конф., г. Санкт-Петербург, 2 ноября 2018 г. / отв. редактор Е.Н. Рахманова. Санкт-Петербург, 2019. С. 301-305.
7. Дворянсков И.В. Интересы судебной власти Как объект уголовно-правовой охраны Уголовная политика и правоприменительная практика: сб. ст. по материалам VI междунар. науч.-практ. конф., г. Санкт-Петербург, 2 ноября 2018 г. / отв. редактор Е.Н. Рахманова. Санкт-Петербург, 2019. С. 129-136.
8. Уголовная политика Российской Федерации: учебник: в 2 ч. Ч. 2 / под ред. Л.И. Беляевой. Москва: Акад. управления МВД России, 2020. 262 с.
9. Епифанова Е.В. О составляющих элементах доктрины уголовной политики // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2018. N 3. С. 345-355.
10. Иншакова А.О. Приоритеты уголовно-правовой политики в сфере обеспечения национальной безопасности // Правовая парадигма. 2018. Т. 17. N 2. С. 6-9.
11. Гилинский Я.И. Уголовная политика и человек // Уголовная политика и правоприменительная практика: сб. ст. по материалам VI междунар. науч.-практ. конф., г. Санкт-Петербург, 2 ноября 2018 г. / отв. редактор Е.Н. Рахманова. Санкт-Петербург, 2019. С. 105-111.

12. Кobleva M.M. Гуманизация уголовного законодательства как основное направление уголовной политики Уголовная политика и правоприменительная практика: сб. ст. по материалам VI междунар. науч.-практ. конф., г. Санкт-Петербург, 2 ноября 2018 г. / отв. редактор Е.Н. Рахманова. Санкт-Петербург, 2019. С. 199-206.

13. Пудовочкин Ю.Е., Бабаев М.М. Противоречия судебно-уголовной политики // Правоприменение. 2022. Т. 6. N 1. С. 174-190.

14. Шестакова С.Д. Состязательность уголовного процесса. Санкт-Петербург, 2001. 219 с.

15. Новиков С.А. Институт показаний в свете современной уголовно-процессуальной политики России: тенденции развития и актуальные проблемы // Правоведение. 2013. N 2. С. 199-210.

References

1. Volkov K.A. On the question of understanding, correlation and mutual influence of criminal policy and judicial practice. Criminal policy and law enforcement practice. St. Petersburg, 2019. Pp. 76-84. (In Russ.).

2. Ogorodnikova N.V. Improving the norms of the Criminal Code of the Russian Federation as the implementation of criminal law policy. Theory and practice of social development, 2018, no. 3 (121), pp. 42-45. (In Russ.).

3. Romanova L.I., Kraynova N.A. Some modern trends in Russia's criminal policy in the field of combating crime. Scientific notes of the Faculty of Law, 2021, no. 3, pp. 39-43. (In Russ.).

4. Bavsun M.V., Veklenko V.V. Ideological foundations of criminal legal impact. Russian Law Journal, 2013, no. 5(92), pp. 131-138. (In Russ.).

5. Lavrov S.V. We are polite people! Reflections on foreign policy. Moscow, Knizhnyi mir Publ., 2018. 544 p. (In Russ.).

6. Peshcherov G.I. Evolution and prospects for the development of criminal policy in Russia. Criminal policy and law enforcement practice. St. Petersburg, 2019. Pp. 301-305. (In Russ.).

7. Dvoryanskov I.V. Interests of the judiciary as an object of criminal law protection Criminal policy and law enforcement practice. St. Petersburg, 2019. Pp. 129-136. (In Russ.).

8. Criminal policy of the Russian Federation. In 2 parts. Part 2. Moscow, Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2020. 262 p. (In Russ.).

9. Epifanova E.V. On the constituent elements of the doctrine of criminal policy. Bulletin of the Voronezh State University. Series: Law, 2018, no. 3, pp. 345-355. (In Russ.).

10. Inshakova A.O. Priorities of criminal law policy in the field of national security. The legal paradigm, 2018, vol. 17, no. 2, pp. 6-9.

11. Gilinskiy Ya.I. Criminal policy and man. Criminal policy and law enforcement practice. St. Petersburg, 2019. Pp. 105-111.

12. Kobleva M.M. Humanization of criminal legislation as the main direction of criminal policy. Criminal policy and law enforcement practice. St. Petersburg, 2019. Pp. 199-206.

13. Pudovochkin Yu.E., Babaev M.M. Contradictions of judicial and criminal policy. Law enforcement, 2022, vol. 6, no. 1, pp. 174-190.

14. Shestakova S.D. The adversarial nature of the criminal process. St. Petersburg, 2001. 219 p.

15. Novikov S.A. The Institute of testimony in the light of modern criminal procedural policy of Russia: development trends and current problems. Jurisprudence, 2013, no. 2, pp. 199-210.

Раздел 5. Уголовно-процессуальное обозрение

Научная специальность: 12.00.09 (5.1.4)

Признаки преступления или признаки состава преступления должны быть основанием для возбуждения уголовного дела?

Светлана Викторовна Корнакова,

кандидат юридических наук, доцент, Байкальский государственный университет, Иркутск, Россия, Svetlana-kornakova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6506-795X>

Аннотация. Автором рассматривается дискуссионный вопрос о правомерности употребления в статье 140 УПК РФ понятия «признаки преступления», которое, по мнению отдельных исследователей, целесообразно заменить понятием «признаки состава преступления». Анализируются мнения ученых о соотношении данных понятий. Подвергается критической оценке представление о том, что признаков преступления в природе не существует. Аргументируется вывод о том, что понятия «преступление» и «состав преступления» имеют родовидовое (внутрикатегориальное) отношение, в котором первое из них по объему является более широким, поэтому наличие в части 2 статьи 140 УПК РФ понятия «признаки преступления» правомерно. Для выполнения предписания указанной нормы о достаточности данных о признаках преступления необходимо установить лишь такие свойства и черты события, благодаря которым оно распознается как общественно опасное и противоправное. Вопрос о том, действительно ли эти свойства и признаки образуют преступное деяние, подлежит разрешению уже в процессе доказывания по уголовному делу.

Ключевые слова: уголовный процесс, основание возбуждения уголовного дела, признаки преступления, признаки состава преступления, достаточные данные

Для цитирования: Корнакова С.В. Признаки преступления или признаки состава преступления должны быть основанием для возбуждения уголовного дела? // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2022. N 3 (61). С. 48-56.

Should elements of crime or elements of corpus delicti be the ground for initiating a criminal case?

Svetlana V. Kornakova,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Baikal State University, Irkutsk, Russia, Svetlana-kornakova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6506-795X>

Abstract. The controversial issue concerning the appropriateness of using the concept of "elements of crime" in Article 140 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation is analyzed by the author of the article. According to some researchers' points of view, it is advisable to replace it with the concept of "elements of corpus delicti". Scientific opinions on the correlation of these concepts are analyzed. The idea that there are no elements of crime in nature is critically evaluated. The author substantiates the conclusion that the concepts of "crime" and "corpus delicti" have a generic (intra-categorical) relationship, where the concept of "crime" is a broader one, therefore, enshrining the concept of "elements of crime" in part 2 of Article 140 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation is relevant. In order to fulfill the requirement of the specified norm concerning the sufficiency of data about the elements of crime, it is necessary to discover only such characteristics and features of the event, due to which it can be recognized as socially dangerous and illegal. The question of whether these characteristics and features can be qualified as a criminal act must be resolved during the process of proving in a criminal case.

Keywords: criminal process, grounds for initiating a criminal case, elements of crime, elements of corpus delicti, sufficient data

For citation: Kornakova S.V. Should elements of crime or elements of corpus delicti be the ground for initiating a criminal case? // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2022. No. 3 (61). P. 48-56.

На протяжении уже довольно продолжительного времени остается спорным вопрос о том, какие данные должны являться достаточными для инициирования уголовного преследования. В частности, ряд авторов считают явно некорректной используемую в ст. 140 УПК РФ формулировку «признаки преступления» в качестве основания для возбуждения уголовного дела, поскольку эта формулировка, по их мнению, построена без учета положений материального права. При этом в качестве обоснования данного вывода используется утверждение А.В. Наумова о том, что преступлений вообще в природе не существует, а есть убийство, кража, получение взятки и т.д. [1, с. 7].

А.Д. Прошляков также считает, что признаков преступления вообще в принципе быть не может, поскольку они всегда конкретны и отражены в нормах Особенной части УК РФ [2, с. 128]. В связи с этим, по мнению многих авторов, в ст. 140 УПК РФ должна использоваться не формула «признаки преступления», а формула «признаки состава преступления».

Думается, что, во-первых, к признакам преступления «вообще» относятся такие признаки, как противоправность, общественная опасность, виновность и уголовная наказуемость, и каждое конкретное преступление должно обладать этими признаками, в противном случае не может относиться к таковым.

Во-вторых, трудно согласиться с аргументом о несуществовании преступлений в природе. Невозможно одновременно утверждать, что кража в реальности существует, а преступление — нет, если первое является видом последнего. Противоречие здесь явное, свидетельствующее о нарушении логического закона исключенного третьего. Если допустить, что преступления в природе не существуют, то с необходимостью придется допустить и то, что не могут существовать ни убийства, ни кражи, ни получение взятки и т.д. Еще Аристотель убедительно доказал, что нет ничего в мыслях, чего прежде не было в чувствах. Если бы в реальности не было таких явлений, как преступление, в том числе убийство, кража, получение взятки, то не было бы соответствующих им понятий. Более того, не было

бы и именуемой понятием самой формы мышления.

Понятие — это фиксирующая признаки явления, в нашем случае преступления, мысль. Отсюда понятие и явление принципиально различаются по способу существования: первое существует объективно, второе — субъективно, то есть в сознании. В связи с этим любое научное понятие — это абстракция (от лат. — отвлечение, удаление), посредством которой происходит отвлечение (отбрасывание) второстепенных, несущественных признаков и обобщение (мысленное выделение) только существенных признаков какого-либо предмета или явления. Существующие в реальности кража или убийство потому так и называются, что соответствуют абстрактному понятию о них — кража вообще, как и убийство вообще, в их общих существенных признаках. При этом существенность признаков каждого вида преступления призваны определять нормы материального права.

Заметим, что в законе не названы признаки состава преступления, его дефиниция отсутствует. Напротив, именно в законодательном определении преступления используется понятие «деяние», которое наиболее близко к тому, что имело место в действительности, и, в отличие от понятия «состав преступления», понятие «преступление» используется в обыденном языке.

В связи с этим следует согласиться с учеными, понимающими под преступлением конкретный поведенческий акт, а под составом преступления — его законодательную модель, «скелет» реального преступления, абстракцию, с которой соотносится конкретное деяние [3, с. 59]. В частности, А.И. Плотников пишет, что если с преступлениями мы сталкиваемся в жизни, в обществе, то составы преступления имеют своим источником закон [4, с. 75].

В научных источниках приводятся и другие аргументы, якобы подтверждающие то, что в ст. 140 УПК РФ должна использоваться не формула «признаки преступления», а формула «признаки состава преступления». В частности, В.И. Ялеев усмотрел противоречие в законодательных требованиях к возбуждению и отказу в возбуждении уголовного дела, поскольку

для первого требуется наличие оснований, а для второго — их отсутствие. По мнению автора, если речь здесь идет об одном и том же, то недопустимо первое именовать признаками преступления, а второе — признаками состава преступления [5, с. 225].

Прежде всего, следует указать на ошибочное понимание цитируемым автором оснований для отказа в возбуждении уголовного дела: закон требует не отсутствия «признаков состава преступления», а отсутствия состава преступления. Очевидно, что это не одно и то же. Например, разница между понятиями «признаки непогоды» и «непогода» состоит в том, что первое понятие предполагает только вероятность наступления плохой погоды. По этой причине принципиальным аргументом для возражения здесь является то, что для возбуждения уголовного дела достаточно вероятного знания, но для отказа в этом знание должно быть достоверным.

В соответствии с этим, на наш взгляд, основным заблуждением В.И. Ялеева является отождествление качественных характеристик оснований для возбуждения и отказа в возбуждении уголовного дела. Между тем, если для первого достаточно вероятного установления наличия признаков преступления, то для второго необходимо достоверное установление отсутствия события или состава преступления.

Т.В. Зеленской в связи с этим правомерно отмечается, что начальная стадия процесса при решении ее задач в случае наличия оснований к возбуждению уголовного дела является побудительной к дальнейшей уголовно-процессуальной деятельности, но при отсутствии таких оснований — единственной и окончательной [6, с. 36]. При этом некоторыми авторами предлагается дополнить УПК РФ указанием на возможность отказа в возбуждении уголовного дела «по мотивам нецелесообразности» [7, с. 91], что вряд ли будет отвечать критерию достоверности положенного в основу решения знания.

Следует указать также, что такой подход уже подвергался критике. П.А. Лупинская еще в конце прошлого века писала, что «решение, которое должно быть принято при наличии повода и основания к возбуждению уголовного дела, выбрано самим законодателем и не допускает ино-

го поведения (например, отказа в возбуждении дела по мотивам нецелесообразности расследования преступления, не представляющего большой общественной опасности)» [8, с. 47].

Между тем по смыслу правовых позиций, сформулированных Конституционным Судом Российской Федерации, «постановление об отказе в возбуждении уголовного дела должно основываться на достоверных сведениях, которые могут быть проверены в предусмотренном уголовно-процессуальным законом порядке, иное свидетельствовало бы о произвольности выводов должностного лица относительно вероятного события преступления и об ограничении возможности заинтересованных лиц оспорить это процессуальное решение»*.

Кроме этого, законы принимаются не только для правоприменителя, но и для граждан. Как указывает в связи с этим Д.И. Мейер, важно, чтобы «сами граждане понимали волю законодателя, так как им приходится соотносить с ней свои действия... Если она выражена на языке живом, общепотребительном, то понимание закона представляет менее затруднения» [9, с. 36]. Именно доступностью понимания законодательных формулировок определяется возможность любого гражданина в разумных пределах предвидеть последствия своего поведения [10, с. 139]. В этом отношении использование абстрактной и довольно сложной конст-
рук-

* По делу о проверке конституционности статьи 21 и статьи 21.1 Закона Российской Федерации «О государственной тайне» в связи с жалобой гражданина О.А. Лаптева: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 6 нояб. 2014 г. N 27-П // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2015. N 1; По делу о проверке конституционности статей 21 и 21.1 Закона Российской Федерации «О государственной тайне» в связи с жалобой гражданина Е.Ю. Горовенко: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 23 нояб. 2017 г. N 32-П // Там же. 2018. N 1; По жалобе гражданина Сулова Олега Борисовича на нарушение его конституционных прав частями первой, шестой и седьмой статьи 148 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 12 марта 2019 г. N 578-О // Там же. 2019. N 3.

ции «состав преступления», о признаках которой вряд ли имеются представления в сознании далеких от юриспруденции и правоприменения простых граждан, явно «проигрывало» бы по сравнению с употребительным понятием «преступление», использованным в нормах, определяющих основание для начала уголовного преследования.

Как известно, для законного возбуждения уголовного дела необходимы повод и основание, которые относятся к числу основных понятий этого института. В науке уголовно-процессуального права при их характеристике доминирует информационный подход. Согласно этому подходу повод — это не только источник сведений о преступлении, но и сама информация о нем и связанных с ним обстоятельствах. Именно эта информация должна подлежать правовой оценке для установления наличия или отсутствия основания к возбуждению уголовного дела. При этом до возбуждения уголовного дела, как небезосновательно указывает А.Н. Ратьков, речи о преступлении вообще быть не может, поэтому должна проводиться проверка сообщения не о преступлении, а о происшествии [11, с. 91], результаты которой могут дать основание для возбуждения уголовного дела.

В свою очередь, анализируя правовую природу такого основания, П.Г. Марфицин указывает на необходимость наличия трех его элементов: во-первых, признаков преступления, во-вторых, данных об этих признаках и, в-третьих, их достаточности [12, с. 508].

Последний элемент прямо отражен в ч. 2 ст. 140 УПК РФ. Вместе с тем в указанной норме отсутствует ответ на вопрос о том, какая совокупность данных может являться достаточной для возбуждения уголовного дела. По мнению Н.А. Колоколова, ответ на этот вопрос дает теория уголовного права, согласно которой «признаки преступления должны быть существенными, отличительными, необходимыми и достаточными для квалификации преступления» [13, с. 63]. Думается, что при таком подходе к характеристике требуемых для принятия решения данных произойдет смешение задач стадий возбуждения и расследования уголовного дела. Между

тем, как подчеркивает Л.Д. Гаухман, квалификация имеет место уже на этапе правовой оценки в части отграничения преступного от непроступного, когда такая оценка приводит к выводу, что деяние является преступлением, хотя и без четкой конкретизации его состава [14, с. 16], и именно такой уровень знаний достаточен для принятия отвечающего требованиям закона решения о необходимости инициирования уголовного преследования.

По справедливому мнению В.П. Божьева, для возбуждения уголовного дела необходимо «наличие сведений, дающих основания допускать возможность совершения преступления. Такой информации достаточно, чтобы возбудить уголовное дело, а в ходе предварительного расследования (нередко и судебного разбирательства) убедиться, было ли совершено преступление» [15, с. 19].

В связи с этим нами разделяется позиция ученых, которые, рассматривая этот вопрос, считают, что для его законного разрешения «достаточно установить лишь признаки, относящиеся преимущественно к объективной стороне деяния, и признаки объекта» [16, с. 428]. При этом, на наш взгляд, из приведенного утверждения отнюдь не следует, что в ст. 140 УПК РФ речь должна идти не о признаках преступления, а о признаках его состава.

Как известно, к обязательным признакам объективной стороны составов всех преступлений, вне зависимости от их конструкции в уголовном законе, относится общественная опасность деяния. Но общественная опасность — это один из объективных атрибутов и понятия преступления. В этом заключается общность рассматриваемых понятий, и именно поэтому многими исследователями понятия «признаки преступления» и «признаки состава преступления» отождествляются [12, с. 508].

При установлении соотношения рассматриваемых понятий, как указывает А.В. Шеслер, следует учитывать, что понятие преступления своим содержанием призвано обобщить все без исключения разновидности преступных деяний, тогда как понятие состава преступления призвано производить их юридическое разграничение на конкретные виды с учетом сово-

купности законодательно определенных, типичных признаков. Первое понятие отвечает на вопрос о том, что является преступлением, а второе – какое именно преступление совершено [17, с. 123].

Как представляется, именно в такой последовательности и ставятся вопросы субъектом доказывания в процессе уголовно-процессуального познания: прежде устанавливается, является ли деяние преступным, и лишь затем конкретизируются его индивидуальные признаки, соответствующие определенному составу преступления.

Таким образом, общность характеристики преступления и состава преступления в том, что они являются категориями, вызывающими в сознании как правоприменителя, так и любого гражданина представление о преступлении. Но эти представления о преступлении, как подчеркивается в научной литературе, существенно различаются углом зрения. Если раскрытое в ст. 14 УК РФ понятие преступления отражает его смысл как социального явления и его сущность заключается в общественной опасности, то понятие состава преступления призвано давать представление о преступлении по содержащимся в законе элементам (элементарное представление). По этой причине неразрывная связь этих понятий при определении наличия преступления является очевидной [4, с. 75].

Следовательно, понятия «преступление» и «состав преступления» имеют родовидовое (внутрикатегориальное) отношение, в котором понятие «преступление» по объему является более широким, поэтому понятие «признаки преступления» в ст. 140 УПК РФ употреблено верно.

Закон устанавливает, что на начальной стадии речь должна идти только о признаках преступления, но не о факте преступления. Обнаружение, например, признаков убийства должно влечь возбуждение уголовного дела по факту обнаружения деяния, лишь подпадающего под признаки убийства, но не по факту убийства. Установление последнего – задача предварительного расследования, а впоследствии – суда.

Некоторые авторы полагают, что в ч. 2 ст. 140 УПК РФ в качестве основания для возбуждения уголовного дела долж-

но быть отражено «наличие достаточных данных, указывающих на признаки конкретного состава преступления» [18, с. 10]. На наш взгляд, такая формулировка представляется излишней и не принесет в закон ничего нового, поскольку требование об указании конкретной нормы уголовного закона в постановлении о возбуждении уголовного дела уже содержится в п. 4 ч. 2 ст. 146 УПК РФ.

Вместе с тем наличие указанного требования не означает необходимости предельной точности квалификации деяния уже на начальном этапе уголовного судопроизводства, такая задача и не может ставиться перед этой стадией в связи с ограниченностью ее средств. Вред, причиненный определенному объекту уголовно-правовой охраны, здесь устанавливается лишь предположительно и, следовательно, определение нарушенной нормы уголовного закона может быть только наиболее приближенным. Это естественно, поскольку принятие решения при ограниченных данных вряд ли может быть обосновано с полной достоверностью. Соответственно, сведения, лежащие в основе решения, не обязательно должны характеризоваться как полные и согласованные между собой во всех деталях и исключать возможность иного, даже противоположного, вывода [12, с. 517].

В связи с этим требования п. 4 ч. 2 ст. 146 УПК РФ следует трактовать не иначе, как лишь вероятную оценку степени соответствия признаков совершенного с признаками определенной нормы уголовного закона, поскольку данным, обосновывающим это соответствие, еще только предстоит получить статус доказательств в ходе их проверки и оценки на последующих этапах производства по делу.

Допустим, обнаружение при осмотре места происшествия следов насильственной смерти на трупе человека или нарушенных запоров на дверях помещения и пропажи определенных предметов требует в силу предписаний ч. 2 ст. 21 УПК РФ незамедлительной реакции правоохранительных органов. При таких исходных данных в первом случае дело будет возбуждено по признакам убийства, а во втором – по признакам кражи с проникновением. Не исключена возможность того, что по мере

получения новых данных уже в ходе расследования квалификация будет изменена и расследуемое событие в первом случае будет оценено как причинение смерти по неосторожности или даже не подпадающий под признаки преступления несчастный случай, а во втором — как разбой.

Безусловно, в приведенных примерах речь идет об установлении, хоть и приблизительно, признаков состава преступления. Но, например, выяснение того, что содеянное относится к гражданско-правовым отношениям и не вышло за его рамки, не исключая противоправности, все же исключает его уголовную наказуемость. В таких ситуациях имеет место не отсутствие признаков состава преступления, а отсутствие именно признаков преступления, что отнюдь не является редким, особенно при возбуждении дел о преступлениях в сфере коммерческой деятельности. В связи с этим полагаем, что при использовании в ст. 140 УПК РФ понятия «признаки состава преступления» будут нарушены правила юридической техники, в данном случае — недостаточная обобщенность нормы.

Отметим, кроме этого, что положение закона, отраженное в п. 4 ч. 2 ст. 146 УПК РФ, нередко справедливо, на наш взгляд, критикуется в связи с тем, что точность юридической оценки криминального события «нацеливает» правоприменителя стремиться к получению о нем исчерпывающих сведений и откладывать решение вопроса о возбуждении уголовного дела, превращая начальную стадию в своего рода «репетицию» предварительного расследования. В частности, как правомерно отмечает К.В. Муравьев, «целесообразно допустить первоначальную юридическую оценку содеянного по принадлежности к объекту группы преступных деяний (например, предусмотренных определенной главой УК РФ) и разрешить квалификацию по конкретной статье УК РФ после получения достаточных для этого доказательств на предварительном расследовании (такой подход использован, например, в ст. 398 УПК Латвии)» [19, с. 456].

Думается, что в такой рекомендации по совершенствованию законодательства содержится рациональное зерно, поскольку ее реализация, безусловно, будет способствовать минимизации случаев не-

обоснованного затягивания сроков начала предварительного расследования*.

Кроме этого, считаем несправедливым высказываемый некоторыми авторами упрек законодателю в том, что он, по их мнению, не видит принципиальной разницы в содержании понятий «признаки преступления» и «признаки состава преступления» [1, с. 6]. Думается, что это не так. В УПК РФ 28 раз употреблено понятие «признаки преступления» и лишь однажды — понятие «признаки состава преступления». Отметим, что последнее понятие употреблено в норме, регламентирующей отношения уже на заключительном этапе уголовного судопроизводства — этапе судебного разбирательства (ч. 8 ст. 335 УПК РФ).

Также следует указать на то, что определенность нормативного материала с необходимостью должна предполагать однозначность использования терминологических единиц. В частности, в ч. 3 ст. 450 УПК РФ законодателем использовано понятие «признаки совершения преступления», обнаружение которых позволяет произвести осмотр в помещениях, используемых для адвокатской деятельности. Думается, что именно признаки противоправности и запрещенности уголовным законом определенных действий адвоката могут служить основанием для проведения осмотра, но никак не признаки состава преступления. Это еще раз свидетельствует о большей обобщенности понятия «признаки преступления» по сравнению с понятием «признаки состава преступления».

При отсутствии различия в этих понятиях не было бы смысла при постановлении приговора в необходимости наличия двух строго последовательных ответов на вопросы в п. 3 ч. 1 ст. 299 УПК РФ: является ли это деяние преступлением и какими пунктом, частью, статьей УК РФ оно предусмотрено. Но если в указанной норме речь идет об оценке уже совершенного, то на стадии возбуждения уголовного дела оценивается только предположительно совершенное, поэтому речь и должна идти лишь о признаках и первого, и второго.

* Следует отметить, что в соответствии со ст. 112 УПК РСФСР достаточно было указывать лишь статью уголовного закона, по признакам которого возбуждается дело.

При этом очевидно, что при отрицательном ответе на первый вопрос полностью исключается необходимость ответа на второй, а положительный ответ на вопрос о наличии признаков преступления уже является достаточным основанием для инициирования уголовного преследования.

Подводя итог, укажем, что нами разделяется позиция Ю.К. Якимовича, считающего, что на этой стадии необходимо установить, имеются ли данные, достаточные для предположения (не обязательно для уверенности), что имело место именно преступление (Якимович Ю.К., 2015). Подчеркнем, что данная позиция разделяется и судом высшей инстанции. Например, согласно постановлению Конституционного Суда Российской Федерации от 14 января 2000 г. N 1-П «возбуждение уголовного дела представляет собой стадию уголовного процесса, в ходе которой устанавливается наличие или отсутствие самого основания к возбуждению дела — достаточных данных, указывающих на признаки именно преступления»*.

В соответствии с Толковым словарем В.И. Даля признак — это все, по чему узна-

ют что-либо, отличие, знак, метка, запримета [20, с. 528]. В Философском энциклопедическом словаре признак также определяется как свойство, по которому узнают или познают предмет [21, с. 362]. На наш взгляд, в понятии «признак преступления» его первое слово (признак) должно пониматься в том значении, которое оно имеет в общеупотребительном смысле, как отличающее, разграничивающее одно от другого, в нашем случае — преступное от не преступного.

В свою очередь, исходя из соотношения понятий «признаки преступления» и «признаки состава преступления», в котором первое понятие, являясь подчиняющим, а потому и наиболее общим, следует, что любой признак состава преступления — это одновременно и признак преступления, поэтому не должно усматриваться никакой ошибки законодателя в употреблении именно последнего понятия в ч. 2 ст. 140 УПК РФ. С целью выполнения предписания указанной нормы о достаточности данных о признаках преступления необходимо установить лишь такие свойства и черты события, благодаря которым оно распознается как общественно опасное и противоправное. В свою очередь, вопрос о том, действительно ли эти свойства и черты образуют преступное деяние и какое именно, подлежит разрешению уже в процессе доказывания по уголовному делу. Такое понимание вполне соответствует и требованиям ч. 2 ст. 21 УПК РФ, в которой также употреблено понятие «признаки преступления».

* По делу о проверке конституционности отдельных положений Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, регулирующих полномочия суда по возбуждению уголовного дела, в связи с жалобой гражданки И.П. Смирновой и запросом Верховного Суда Российской Федерации: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 янв. 2000 г. N 1-П // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2000. N 2.

Список источников

1. Ковтун Н.Н., Ярцев Р.В. Особый порядок возбуждения уголовного дела в отношении специальных субъектов или их привлечения в качестве обвиняемых (глава 52 УПК РФ) // Уголовное судопроизводство. 2008. N 1. С. 5-12.
2. Прошляков А.Д. Проблемы применения норм главы 52 УПК РФ // Российский юридический журнал. 2007. N 1 (53). С. 127-130.
3. Уголовное право России: учебник для вузов: в 2 т. Т. 1: Общая часть / отв. ред. А.Н. Игнатов, Ю.А. Красиков. Москва: НОРМА (НОРМА – ИНФРА-М), 2000. 639 с.
4. Уголовное право России. Общая часть: учебник для бакалавров / отв. ред. А.И. Плотников. Оренбург: Университет, 2016. 442 с.
5. Ялеев В.И. О некоторых проблемах применения Инструкции «О порядке представления результатов ОРД следователю, дознавателю, прокурору или в суд» // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2012. N 2 (18). С. 224-226.
6. Зеленская Т.В. Актуальные вопросы обеспечения прав и интересов лиц, участвующих в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2019. N 3 (25). С. 35-43.

7. Вилкова Т.Ю., Мазюк Р.В., Хохряков М.А. Целесообразность как принцип и как основание для принятия решений в уголовном судопроизводстве: зарубежный опыт и перспективы применения в России // Всероссийский криминологический журнал. 2022. Т. 16. N 1. С. 91-100.
8. Лупинская П.А. Решения в уголовном судопроизводстве. Их виды, содержание и формы. Москва: Юрид. лит., 1976. 166 с.
9. Мейер Д.И. Русское гражданское право: в 2 т. Т. 1 / под ред. А. Вицына. Санкт-Петербург: Тип. Н. Тиблена, 1861. 367 с.
10. Шадрин М.Ю. Общие начала назначения наказания в свете действия статьи 2 Конституции Российской Федерации // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2019. N 2 (24). С. 134-141.
11. Ратьков А.Н. Выверенность процессуальных конструкций как основа эффективной уголовно-процессуальной политики // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2017. N 4 (18). С. 85-93.
12. Уголовный процесс. Проблемные лекции / под ред. В.Т. Томина, И.А. Зинченко. Москва: Юрайт, 2013. 799 с.
13. Колоколов Н.А. Актуальные проблемы защиты прав, свобод и законных интересов личности в уголовном процессе: в призме результатов мониторинга 2008-2009 гг. Москва: Юрист, 2009. 368 с.
14. Гаухман Л.Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. Москва: ЮрИнфоР, 2001. 316 с.
15. Божьев В.П. Предисловие к научно-практическому комментарию к УПК РФ / под общ. ред. В.М. Лебедева; науч. ред. В.П. Божьев. 3-е изд., перераб. и доп. Москва: Юрайт-Издат, 2014. 851 с.
16. Гриненко А.В. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: постатейный научно-практический комментарий: учеб. пособие. Москва: Проспект, 2017. 1040 с.
17. Уголовное право. Общая часть: учеб. пособие / под общ. ред. В.А. Уткина, А.В. Шеслера. Томск: Изд. дом Томского гос. ун-та, 2016. 600 с.
18. Галиуллин Ш.Р. Судебный контроль за законностью и обоснованностью уголовного преследования, реализуемого в отношении специальных субъектов уголовного судопроизводства России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Москва, 2008. 30 с.
19. Муравьев К.В. «Пропасть» между теорией и практикой возбуждения дел – результат уголовно-процессуальной политики // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. N 2 (34). С. 453-457.
20. Даль В.И. Толковый словарь русского языка. Современная версия. Москва: Эксмо, 2006. 736 с.
21. Философский энциклопедический словарь. Москва: ИНФРА-М, 2007. 576 с.

References

1. Kovtun N.N., Yartsev R.V. A special procedure for initiating a criminal case against special subjects or involving them as defendants (Chapter 52 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation). Criminal proceedings, 2008, no. 1, pp. 5-12. (In Russ.).
2. Proshlyakov A.D. Problems of application of the norms of Chapter 52 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. Russian Law Journal, 2007, no. 1 (53), pp. 127-130. (In Russ.).
3. Criminal law of Russia. In 2 volumes. Vol. 1. General part. Moscow, NORMA (NORMA – INFRA-M) Publ., 2000. 639 p. (In Russ.).
4. Criminal law of Russia. General part. Orenburg, Universitet Publ., 2016. 442 p. (In Russ.).
5. Yaliev V.I. About some problems with the application of the Instruction "On the procedure for submitting the results of the ORD to the investigator, the investigator, the prosecutor or to the court". Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2012, no. 2 (18), pp. 224-226. (In Russ.).
6. Zelenskaya T.V. Topical issues of ensuring the rights and interests of persons involved in the production of procedural actions when verifying a crime report. Siberian Criminal Procedural and Criminalistic Readings, 2019, no. 3 (25), pp. 35-43. (In Russ.).
7. Vilkova T.Yu., Mazyuk R.V., Khokhryakov M.A. Expediency as a principle and as a basis for decision-making in criminal proceedings: foreign experience and prospects of application in Russia. All-Russian Journal of Criminology, 2022, vol. 16, no. 1, pp. 91-100. (In Russ.).
8. Lupinskaya P.A. Decisions in criminal proceedings. Their types, content and forms. Moscow, Yuridicheskaya literature Publ., 1976. 166 p. (In Russ.).
9. Meyer D.I. Russian civil law. In 2 volumes. Vol. 1. St. Petersburg, Printing house of N. Tiplen, 1861. 367 p. (In Russ.).
10. Shadrin M.Yu. General principles of sentencing in the light of Article 2 of the Constitution of the Russian Federation. Siberian Criminal Procedural and Criminalistic Readings, 2019, no. 2 (24), pp. 134-141. (In Russ.).
11. Rat'kov A.N. Verification of procedural constructions as the basis of effective criminal procedural policy. Siberian Criminal Procedural and Criminalistic Readings, 2017, no. 4 (18), pp. 85-93. (In Russ.).

12. Criminal proceedings. Problem lectures. Moscow, Yurayt Publ., 2013. 799 p. (In Russ.).
13. Kolokolov N.A. Actual problems of protection of rights, freedoms and legitimate interests of the individual in criminal proceedings: in the prism of monitoring results 2008-2009 Moscow, Yurist Publ., 2009. 368 p. (In Russ.).
14. Gaukhman L.D. Qualification of crimes: law, theory, practice. Moscow, YurInFor Publ., 2001. 316 p. (In Russ.).
15. Bozh'ev V.P. Preface to the scientific and practical commentary to the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. Moscow, Yurayt-Izdat Publ., 2014. 851 p. (In Russ.).
16. Grinenko A.V. Criminal Procedure Code of the Russian Federation: article-by-article scientific and practical commentary. Moscow, Prospect Publ., 2017. 1040 p. (In Russ.).
17. Criminal law. General part. Tomsk, Publishing House of Tomsk State University, 2016. 600 p. (In Russ.).
18. Galiullin Sh.R. Judicial control over the legality and validity of criminal prosecution carried out against special subjects of criminal proceedings in Russia. Autoabstract Cand. Diss. Moscow, 2008. 30 p. (In Russ.).
19. Murav'ev K.V. The "gap" between the theory and practice of initiating cases is the result of criminal procedural policy. Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2016, no. 2 (34), pp. 453-457. (In Russ.).
20. Dal'V.I. Explanatory dictionary of the Russian language. The modern version. Moscow, Eksmo Publ., 2006, 736 p. (In Russ.).
21. Philosophical Encyclopedic Dictionary. Moscow, INFRA-M Publ., 2007. 576 p. (In Russ.).

Научная специальность: 12.00.09 (5.1.4)

Основания избрания мер пресечения в уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации

Светлана Сергеевна Чернова,

кандидат юридических наук, Тюменский институт повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации, Тюмень, Россия, chernovaswetlana@mail.ru

Аннотация. Автор статьи, основываясь на теоретическом анализе научных трудов, посвященных вопросам избрания и применения мер пресечения, а также судебных решений и иных материалов правоприменительной практики, исследует основания избрания мер пресечения, указанные в части 1 статьи 97 УПК РФ. Выделен ряд проблем, связанных с несовершенством действующего законодательства или ненадлежащим образом сложившейся правоприменительной практикой. Сформулирована авторская позиция относительно юридической конструкции «при наличии достаточных оснований полагать». Внесены предложения по совершенствованию правоприменительной практики. Определены направления для дальнейшего изучения вопросов, связанных с основаниями избрания мер пресечения в уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации.

Ключевые слова: мера пресечения, основания избрания меры пресечения, надлежащее поведение, подозреваемый, обвиняемый

Для цитирования: Чернова С.С. Основания избрания мер пресечения в уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2022. N 3 (61). С. 57-65.

Grounds for choosing the measures of restraint in the criminal procedure legislation of the Russian Federation

Svetlana S. Chernova,

Candidate of Legal Sciences, Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Tyumen, Russia, chernovaswetlana@mail.ru

Abstract. Having analyzed the scientific works devoted to the issues of choosing and using the measures of restraint, as well as the court decisions and data on law enforcement practice, the author of the article examines the grounds for choosing the measures of restraint specified in Part 1 of Article 97 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. A number of problems concerning the imperfection of the current legislation or improperly established law enforcement practice are identified. The author's opinion regarding the phrase "if there are sufficient grounds to believe" is formulated. Proposals for improving the law enforcement practice are made. Directions for future research of the issues related to the grounds for choosing the measures of restraint in the criminal procedure legislation of the Russian Federation are identified.

Keywords: measure of restraint, grounds for choosing the restraint, proper behavior, suspect, accused

For citation: Chernova S.S. Grounds for choosing the measures of restraint in the criminal procedure legislation of the Russian Federation // Legal science and law enforcement practice. 2022. No. 3 (61). P. 57-65.

Оценка дознавателем, следователем, судом оснований избрания в отношении обвиняемого, подозреваемого меры пресечения является одной из наиболее актуальных проблем. Об этом свидетельствуют

изменения, неоднократно вносившиеся в ст. 97 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), а также обзоры практики рассмотрения ходатайств об избрании мер пресечения,

подготовленные Верховным Судом Российской Федерации.

Например, в 2021 году судами были отклонены (в том числе по причине отсутствия оснований, указанных в ст. 97 УПК РФ) 10 129 (10 %) ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, 907 (11 %) ходатайств об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста, 272 (9 %) ходатайства об избрании меры пресечения в виде залога, 1 536 (5 %) ходатайств об избрании меры пресечения в виде запрета определенных действий*.

Кроме того, в связи с возникающими в правоприменительной практике вопросами Верховный Суд Российской Федерации внес ряд изменений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2013 г. N 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога» (далее — постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. N 41), указав на то, что ни одна из мер пресечения не может быть избрана при отсутствии оснований, предусмотренных ст. 97 УПК РФ**, а именно «достаточных данных полагать, что подозреваемый или обвиняемый:

- 1) скроется от дознания, предварительного следствия или суда;
- 2) может продолжать заниматься преступной деятельностью;
- 3) может угрожать свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства, уничтожить доказательства либо иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу».

В соответствии с ч. 2 ст. 97 УПК РФ мера пресечения также может быть избрана для обеспечения исполнения приговора

или возможной выдачи лица в порядке, предусмотренном ст. 466 УПК РФ.

При этом внимание правоприменителей следует обратить на определение Конституционного Суда Российской Федерации от 19 марта 2009 г. N 384-О-О, согласно которому «до постановления приговора необходимость его исполнения не может служить основанием для избрания меры пресечения»***. На наш взгляд, позиция Конституционного Суда Российской Федерации связана с принципом презумпции невиновности, закрепленным в ч. 1 ст. 14 УПК РФ и запрещающим «предопределять решение вопроса о виновности лица» до момента вступления в законную силу приговора суда [1, с. 41]. Следовательно, указанное основание неприменимо при избрании меры пресечения в ходе производства предварительного расследования****.

Также надлежит обратить внимание на формулировку ч. 1 ст. 97 УПК РФ, предусматривающую возможность избрания меры пресечения «при наличии достаточных оснований полагать».

Л.Б. Кюлмамедова указывает, что данная формулировка «направлена на обстоятельство будущего, точное определение которого не представляется возможным, и должностные лица могут лишь предполагать степень вероятности наступления указанных в законе обстоятельств». Однако далее автор делает противоречивый вывод о необходимости наличия всех оснований, предусмотренных в ст. 97 УПК РФ, «которые должны быть установлены с помощью достоверных фактических доказательств» [2, с. 216].

Д.С. Турсунбаева и Я.М. Ишмухаметов считают, что в законодательстве используется юридическая конструкция,

*** Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Переверзева А.А. на нарушение его конституционных прав ч. 2 ст. 97 УПК РФ: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 19 марта 2009 г. N 384-О-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

**** Аналогичной позиции по данному вопросу придерживается Европейский Суд по правам человека (ЕСПЧ) (см., например: Постановление ЕСПЧ от 8 нояб. 2005 г. по делу «Худоеров против Российской Федерации», жалоба N 15217/07 // Там же).

* Судебная статистика РФ: сайт. URL: <http://stat.api-пресс.пф>

** О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 дек. 2013 г. N 41: ред. от 11 июня 2020 г. N 7 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2014. N 2; 2020. N 8.

подчеркнувшая, что вывод о возможном ненадлежащем поведении обвиняемого, подозреваемого носит вероятностный характер. Данный вывод, по мнению исследователей, производится на основании «закона, совести, здравого смысла, достаточных сведений» [3, с. 95].

На «здравый смысл»* при оценке вероятности возможного ненадлежащего поведения обвиняемого, подозреваемого (оснований для применения меры пресечения) указывают и другие ученые**. Например, А.Б. Судницын и Д.А. Воронов отмечают целесообразность использования указанного подхода при «определении вероятности обстоятельств, возможность наступления которых является основанием для применения меры пресечения» [5, с. 42]. При этом авторы считают «неоправданно категоричным» подход исследователей, придерживающихся противоположной точки зрения.

Л.К. Трунова, указывая на значимую роль УПК РФ в защите прав граждан (по отношению к УПК РСФСР, выступающему как «средство борьбы с преступностью»), подчеркивает неуместность категории «полагать», поскольку она является субъективной. По ее мнению, основанием для избрания мер пресечения в уголовном процессе может служить только уже состоявшееся ненадлежащее поведение обвиняемого, подозреваемого, а не субъективное мнение о его вероятном поведении [6, с. 75].

Аналогичную точку зрения высказывает Е.Г. Переславцева, считающая, что решение об избрании меры пресечения только тогда будет достоверным, когда в его основу положены достоверные фактические данные [7, с. 312]. Л.В. Кокорева, поддерживая суждения Е.Г. Переславцевой и Л.К. Труновой, отмечает, что подобный подход является недостижимым для правоприменителей, поскольку последние не имеют возможности «отслеживать по-

* Здравый смысл – используемые в повседневной (практической) жизни человека знания, навыки, взгляды и т.д. [см., например: 4, с. 9].

** Аналогичной позиции по данному вопросу придерживается ЕСПЧ (см., например: Постановление ЕСПЧ от 7 апр. 2005 г. по делу «Рохлина против Российской Федерации» // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. Российское издание. 2006. N 6. С. 53-68).

ведение обвиняемого, подозреваемого с целью своевременного выявления фактов приготовления к преступлению или попыток помешать производству по уголовно-уголовному делу» [8, с. 104].

Таким образом, ученые в области уголовного процесса предлагают два различных подхода к пониманию формулировки «при наличии достаточных оснований полагать»:

1) ненадлежащее поведение обвиняемого, подозреваемого должно быть доказано;

2) вероятность ненадлежащего поведения обвиняемого, подозреваемого, прогнозируемая должностным лицом «исходя из своего профессионального и жизненного опыта», является основанием для избрания меры пресечения [8, с. 104].

Более убедительным представляется подход первой группы ученых, поскольку в ч. 1 ст. 108 УПК РФ прямо закреплено требование о содержании в постановлении судьи конкретных фактических обстоятельств, на основании которых он принял решение об избрании меры пресечения. При этом такими обстоятельствами не могут являться данные, не проверенные в ходе судебного заседания, в частности результаты оперативно-розыскной деятельности, представленные в нарушение требований ст. 89 УПК РФ (или вообще не представленные).

В поддержку данной точки зрения можно привести ряд судебных решений. Например, судья Ленинского районного суда г. Тюмени, рассмотрев ходатайство следователя об избрании меры пресечения в отношении О., указала, что доводы следователя из материалов уголовного дела не следуют***. Другой пример – решение Ковылкинского районного суда Республики Мордовия, который, аргументируя наличие основания, предусмотренного п. 1 ч. 1 ст. 97 УПК РФ, а именно намерения Л. скрыться, сослался на оперативную информацию о намерении последнего выехать в г. Москву. Верховный суд Республики Мордовия, отменив указанное решение, отметил, что «в постановлении не приведены конкретные фактические дан-

*** Уголовное дело N 20090331571. Расследовалось СО N 1 СУ при УВД по г. Тюмени.

ные, не проверена и не дана оценка оперативной информации, на которую ссылается следователь»*.

Судебная коллегия Волгоградского областного суда, отменяя постановление об изменении в отношении Ф. меры пресечения на более строгую, указала, что ссылка в решении суда на предоставленную УФСБ по Волгоградской области информацию о намерении Ф. выехать в г. Пермь, а затем в Италию, объективными и достоверными сведениями не подтверждается**.

Анализируя последний пример, А.Б. Судницын и Д.А. Воронов делают частный вывод о том, что результаты оперативно-розыскной деятельности, отвечающие требованиям, предъявляемым к доказательствам, могут быть использованы при обосновании избрания меры пресечения, и общий вывод о том, что все сведения, на основе которых будет принято решение об избрании меры пресечения, «должны быть облечены в форму доказательств» [5, с. 44].

Таким образом, несмотря на то, что в ч. 1 ст. 97 УПК РФ основания избрания мер пресечения закреплены в форме предположений, следует ссылаться на конкретные доказательства, имеющиеся в материалах уголовного дела [9, с. 33].

Основания избрания мер пресечения, указанные в ч. 1 ст. 97 УПК РФ, целесообразно рассматривать, основываясь на теоретическом анализе научных трудов, посвященных указанной проблематике, а также судебных решений и иных материалов правоприменительной практики.

1. Имеются достаточные основания полагать, что обвиняемый, подозреваемый скроется от дознания, предварительного следствия или суда.

* Обзор практики рассмотрения судами ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и продлении срока содержания под стражей: утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 18 янв. 2017 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

** Обзор кассационной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации за второе полугодие 2010 г. // Верховный Суд Российской Федерации: официальный сайт. URL: <https://www.vsrfr.ru>

В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. N 41 содержится несколько ключевых моментов, на основании которых можно сделать вывод о возможности лица скрыться:

– «наличие гражданства (подданства) иностранного государства, отсутствие в Российской Федерации постоянного места жительства»***;

Согласно результатам опроса, проведенного Л.В. Кокоревой, на это основание респонденты указывали в 62,5 % ходатайств об избрании меры пресечения [8, с. 105];

– «подтвержденные факты продажи принадлежащего лицу на праве собственности имущества на территории Российской Федерации, наличие за рубежом источника дохода, финансовых (имущественных) ресурсов»;

– «нарушение лицом ранее избранной в отношении его меры пресечения (не связанной с лишением свободы)».

Л.В. Кокорева указывает на 41,3 % респондентов, в основу ходатайств которых было положено данное основание [8, с. 105].

В материалах судебных решений содержатся и иные формулировки, указывающие, по нашему мнению, на неоднозначность сложившегося подхода к оценке возможности обвиняемого, подозреваемого скрыться от дознания, предварительного следствия или суда: обвиняемый проживает не по месту регистрации; не имеет жилплощади; регулярно выезжает за рубеж как по служебным вопросам, так и в частном порядке, его работа имеет разъездной или вахтовый характер.

Например, Е.Г. Переславцева приводит фрагмент постановления Куйбышевского районного суда г. Омска, из которого следует, что суд, обосновывая избрание

*** Аналогичной позиции по данному вопросу придерживается ЕСПЧ, который наличие гражданства иностранного государства в качестве основания для избрания меры пресечения рассматривает только в совокупности с отсутствием у лица постоянного места жительства на территории Российской Федерации (см., например: Постановление ЕСПЧ от 29 апр. 2010 г. по делу «Юрий Яковлев против Российской Федерации», жалоба N 5453/08. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»).

меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении обвиняемого Д., указал, что последний проживает не по месту регистрации [7, с. 312].

Красноглинский районный суд г. Самары, напротив, отказал в избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в отношении Б., несмотря на то, что она, совершив преступление в г. Самаре, в этом городе не зарегистрирована и не имеет постоянного места жительства. В обоснование принятого решения суд указал, что Б. имеет постоянное место жительства в Оренбургской области*. Йошкар-Олинский городской суд Республики Марий Эл также не согласился с доводами следователя, указавшего на то, что основанием полагать, что М. скроется, является совершение последним преступления в другом регионе, не по месту постоянного жительства**.

И.М. Хапаев, обобщая изученную им правоприменительную практику, приводит следующие статистические данные: в 85,6 % случаев судами отсутствие постоянного места жительства было оценено в качестве обстоятельства, косвенно указывающего на наличие основания, предусмотренного п. 1 ч. 1 ст. 97 УПК РФ. При этом автор поясняет, что речь должна идти только об отсутствии места жительства на территории Российской Федерации и наличии такового в иностранном государстве, отнесение же к данному основанию иных случаев является «ошибочным толкованием закона» (например, отсутствие места жительства по месту производства предварительного расследования) [10, с. 84].

Разделяя суждения И.М. Хапаева и называя формулировку «обвиняемый проживает в другой области» «противоречащей закону трафаретной записью», А.Б. Судницын и Д.А. Воронов обращают внимание на то, что подобное обстоятельство не может быть основанием для

применения меры пресечения, но может учитываться, «обеспечивая такое свойство процессуального решения, как обоснованность» [5, с. 37].

Поддерживая точку зрения И.М. Хапаева, А.Б. Судницына и Д.А. Воронова, в качестве аргумента приведем содержащееся в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. N 41 разъяснение о том, что отсутствие у лица регистрации на территории Российской Федерации само по себе не является обстоятельством, указывающим на отсутствие у обвиняемого, подозреваемого постоянного места жительства на территории Российской Федерации.

Кроме того, еще одним подтверждением наличия основания, предусмотренного в п. 1 ч. 1 ст. 97 УПК РФ, является отмеченная в указанном постановлении «тяжесть предъявленного обвинения и возможность назначения наказания в виде лишения свободы на длительный срок».

По данным опроса, проведенного Л.В. Кокоревой, на это основание респонденты указывали в 76,3 % ходатайств об избрании меры пресечения [8, с. 105].

И.М. Хапаев, изучив материалы 700 судебных производств об избрании меры пресечения, в 50 ходатайствах выявил указание на тяжесть совершенного преступления в качестве основания избрания меры пресечения в виде заключения под стражу. В 42 случаях судами подобные ходатайства были удовлетворены. Негативным образом оценивая сложившуюся правоприменительную практику***, исследователь указывает на следующий аргумент в обоснование своей позиции: «мера пресечения принципиально тем и отличается от уголовного наказания, что она не состоит и не может состоять в прямой зависимости от тяжести содеянного» [10, с. 82].

Кроме того, надлежит учитывать, что в момент избрания меры пресечения действия обвиняемого могут квалифициро-

* Обзор практики рассмотрения судами ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и продлении срока содержания под стражей: утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 18 янв. 2017 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

** Там же.

*** Аналогичной позиции по данному вопросу придерживается ЕСПЧ, из решений которого следует, что опасность побега нельзя оценивать только на основании тяжести наказания (см., например: Постановление ЕСПЧ от 25 окт. 2007 г. по делу «Коршунов против Российской Федерации»). Доступ из справ.-правовой системы «Гарант»).

ваться как совершение тяжкого или особо тяжкого преступления, а затем деяние переквалифицируется на менее тяжкое (например, преступление средней тяжести).

Поддерживая точку зрения И.М. Хапаева, обратим внимание правоприменителей на то, что тяжесть совершенного преступления, которая определяется квалификацией преступления, количеством совершенных преступлений, в соответствии со ст. 99 УПК РФ относится к другим обстоятельствам, учитываемым при избрании меры пресечения.

Следовательно, тяжесть совершенного преступления учитывается наряду с основаниями, указанными в ст. 97 УПК РФ, а не вместо них. Например, Никулинский районный суд г. Москвы, отказывая в удовлетворении ходатайства следователя об избрании в отношении Х. меры пресечения в виде заключения под стражу, подчеркнул, что в постановлении следователя отсутствуют фактические данные, свидетельствующие о наличии оснований для избрания меры пресечения, а тяжесть преступления не является основанием для избрания меры пресечения*.

Кроме того, вызывает ряд вопросов и сама формулировка, указывающая на тяжесть совершенного преступления. Например, в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. N 41 используется словосочетание «тяжесть предъявленного обвинения». В Обзоре практики рассмотрения судами ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и продлении срока содержания под стражей приведены следующие формулировки: «жестокость с которой обвиняемый, подозреваемый совершил преступление», «характер преступных проявлений», а также указание на конкретную статью УК РФ**.

Н.А. Симагина считает использование термина «тяжесть преступления» не-

* Кассационное определение Московского городского суда от 11 окт. 2010 г. по делу N 22-13322. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

** См.: Обзор практики рассмотрения судами ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и продлении срока содержания под стражей: утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 18 янв. 2017 г.

корректным, предлагая заменить его на «характер и степень общественной опасности», являющийся, по ее мнению, более традиционным для уголовного законодательства [11, с. 58].

Учитывая, что целью настоящего исследования является анализ оснований избрания меры пресечения, предусмотренных ст. 97 УПК РФ, позволим себе, обозначив существующие подходы к термину «тяжесть совершенного преступления», оставить вопросы, связанные с обстоятельствами, учитываемыми при избрании меры пресечения, для дальнейшего исследования.

2. Имеются достаточные основания полагать, что обвиняемый, подозреваемый может продолжить заниматься преступной деятельностью.

В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. N 41 указано, что «о намерении лица продолжить заниматься преступной деятельностью могут свидетельствовать ранее совершенное преступление, неснятая или непогашенная судимость».

В частности, Куйбышевский районный суд г. Омска, избирая меру пресечения в отношении Д., обвиняемого в совершении в отношении падчерицы преступления, предусмотренного ст. 132 УК РФ, в постановлении указал, что последний ранее неоднократно судим, в том числе за совершение особо тяжкого преступления, имеет непогашенную судимость, оставаясь на свободе, может продолжить преступную деятельность, поскольку проживает совместно с малолетней потерпевшей [7, с. 312].

Райчихинский городской суд Амурской области на основании ходатайства дознавателя избрал в отношении Г. меру пресечения в виде домашнего ареста. Обосновывая ходатайство, дознаватель указал, что Г. не работает, законных источников дохода не имеет, склонен к совершению преступлений, освобожден из мест лишения свободы менее трех месяцев назад***. Другой пример: следователь в ходатайстве об избрании в отношении Т. меры пресечения указал, что последний нигде не работает, соответственно, средств

*** Там же.

к существованию не имеет, ранее судим за совершение преступления, предусмотренного ст. 158 УК РФ, обвиняется в совершении аналогичного преступления*.

Таким образом, правоприменители аргументируют наличие основания, предусмотренного п. 2 ч. 1 ст. 97 УПК РФ, не только неоднократностью совершения преступления, наличием судимости, но и взаимосвязью совершения преступления с целью получения дохода и невозможностью получить таковой «законным способом»**.

А.О. Зайцев обращает внимание правоприменителей на то, что недопустимо «голословно ссылаться» на намерение лица продолжить заниматься преступной деятельностью при отсутствии доказательств, подтверждающих это основание для избрания меры пресечения [1, с. 35]. Л.В. Кокорева, также обращая внимание на указанную проблему, отмечает, что «неверная формулировка» оснований избрания мер пресечения выявлена в 28,8 % случаев и стала самым распространенным нарушением норм уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации [8, с. 107].

Например, следователь, направляя в Навашинский районный суд Нижегородской области ходатайство об избрании меры пресечения, указал, что С. ранее к уголовной ответственности не привлекался, не судим, но сделал вывод о возможности последнего продолжить заниматься преступной деятельностью. Прилагаемые к ходатайству материалы не содержали доказательств обоснованности подобного вывода [1, с. 35].

Хабаровский краевой суд, отменяя постановление Индустриального районного суда г. Хабаровска, пришел к выводу, что суд первой инстанции вышел за пределы своих полномочий и предмета судебного рассмотрения, указав, что В., находясь на свободе, может продолжить заниматься преступной деятельностью, по-

скольку данное основание в ходатайстве следователя об избрании меры пресечения в отношении В. отсутствовало***.

По мнению О.Д. Вастьяновой, доказательством наличия этого основания выступают содержащиеся в уголовном деле копии приговоров и иных решений суда, сведения о привлечении обвиняемого, подозреваемого к административной ответственности, документы, указывающие на непогашенные судимости [12, с. 79].

3. Имеются достаточные основания полагать, что обвиняемый, подозреваемый может угрожать свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства, уничтожить доказательства либо иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу.

В соответствии с постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. N 41 о том, что «обвиняемый, подозреваемый может угрожать свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства, уничтожить доказательства либо иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу, свидетельствуют наличие угроз со стороны обвиняемого, подозреваемого, его родственников, иных лиц, предложение указанных лиц свидетелям, потерпевшим, специалистам, экспертам, иным участникам уголовного судопроизводства выгод материального и нематериального характера с целью фальсификации доказательств по делу, предъявление лицу обвинения в совершении преступления в составе организованной группы или преступного сообщества».

А.Н. Савченко, анализируя п. 3 ч. 1 ст. 97 УПК РФ, делает вывод о том, что законодатель в один пункт включил несколько самостоятельных оснований избрания меры пресечения, каждое из которых требует отдельного обоснования [13, с. 59]:

- 1) угрозы свидетелю, иным участникам уголовного процесса;
- 2) уничтожение доказательств;
- 3) иные действия, препятствующие производству по уголовному делу.

* Уголовное дело N 20030849832. Расследовалось СО N 2 СУ при УВД г. Сургута.

** Указанное основание для избрания меры пресечения является международно-правовым стандартом, нашедшим свое подтверждение в решениях ЕСПЧ.

*** Обзор практики рассмотрения судами ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и продлении срока содержания под стражей: утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 18 янв. 2017 г.

В поддержку данной точки зрения приведем ряд судебных решений.

«Следователь в ходатайстве об избрании в отношении Г. меры пресечения в виде заключения под стражу указал, что Г. после совершения преступления уничтожил свою одежду, орудие преступления, т.е. пытался скрыть следы, следовательно, может и дальше предпринять попытки уничтожения доказательств по уголовному делу» [9, с. 33].

А.Н. Савченко указывает в качестве ошибки правоприменителей «автоматическое» переписывание п. 3 ч. 1 ст. 97 УПК РФ в полной редакции или приведение в ходатайстве «абстрактных» формулировок. Например, в ходатайстве следователя об избрании меры пресечения в отношении Т. содержится следующая фраза: «...может скрыться или иным способом воспрепятствовать производству по делу» [13, с. 79].

На наш взгляд, юридическая формула «иным способом воспрепятствовать производству по делу» представляет интерес в научном плане.

Так, С.И. Данилова, Г.В. Костылева, И.Е. Муженская, О.И. Цоколова приводят ряд обстоятельств, которые, по мнению исследователей, надлежит рассматривать в качестве «препятствия (со стороны обвиняемого, подозреваемого) производству по уголовному делу»:

- уничтожение следов преступления, доказательств;
- применение насилия в отношении участника уголовного судопроизводства, уничтожение или повреждение его имущества;
- продолжение преступной деятельности и т.д. [14, с. 101].

Список источников

1. Зайцев А.О. Разрешение судом вопроса о наличии (отсутствии) оснований для избрания меры пресечения заключения под стражу в ходе предварительного расследования (международные стандарты и российская практика) // Вестник Томского государственного университета. Право. 2016. N 3 (21). С. 34-44.
2. Кюлмамедова Л.Б. Основания для избрания меры пресечения в виде заключения под стражу // Молодой ученый. 2021. N 23. С. 215-217.
3. Турсунбаева Д.С., Ишмухаметов Я.М. Основания применения мер пресечения в уголовном процессе // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. N 3-3 (66). С. 94-98.
4. Мельник В.В. Здравый смысл – основа интеллектуального потенциала суда присяжных // Российская юстиция. 1995. N 6. С. 8-11.
5. Судницын А.Б., Воронов Д.А. Законность и обоснованность избрания и применения меры пресечения в виде заключения под стражу: учеб. пособие. Красноярск: СибУОИ МВД России, 2020. 64 с.

Высоко оценивая вклад указанных ученых в развитие науки уголовно-процессуального права в целом, позволим себе не согласиться с приведенным высказыванием по следующим причинам:

1) первые два обстоятельства включены в редакцию п. 3 ч. 1 ст. 97 УПК РФ в качестве самостоятельных оснований избрания меры пресечения;

2) третье обстоятельство также является самостоятельным основанием, закрепленным в п. 2 ч. 1 ст. 97 УПК РФ.

По нашему мнению, данный вопрос (связанный с терминологией) нуждается в дополнительном изучении, в основу которого должен быть положен анализ научных трудов, а также судебных решений и иных материалов правоприменительной практики.

Подводя итог, подчеркнем сделанные нами выводы:

1. Избрание в отношении обвиняемого, подозреваемого меры пресечения возможно только при наличии указанных в ст. 97 УПК РФ оснований.

2. Несмотря на то, что в ч. 1 ст. 97 УПК РФ основания избрания мер пресечения закреплены в форме предположений, следует ссылаться на конкретные доказательства, имеющиеся в материалах уголовного дела.

3. Тяжесть совершенного преступления учитывается вместе с основаниями, указанными законодателем в ст. 97 УПК РФ, а не вместо них.

4. Целесообразно продолжить исследование вопросов, связанных с терминологией, используемой законодателем при регламентации избрания мер пресечения (в том числе терминов «тяжесть совершенного преступления», «препятствие производству по уголовному делу»).

6. Трунова Л.К. Соблюдение интересов граждан при применении мер уголовно-процессуального пресечения // Право и политика. 2002. N 8. С. 74-79.
7. Переславцева Е.Г. Цели, основания, условия и порядок применения мер пресечения в России // Молодой ученый. 2020. N 48. С. 311-313.
8. Кокорева Л.В. Процессуальное значение оснований и цели применения мер пресечения в уголовном судопроизводстве // Вестник экономической безопасности. 2016. N 1. С. 103-107.
9. Чернова С.С., Гейн А.К. Меры уголовно-процессуального принуждения в уголовном судопроизводстве Российской Федерации: монография. Тюмень: Филиал Моск. ин-та государственного управления и права в Тюменской области, 2018. 157 с.
10. Хапаев И.М. Обстоятельства, учитываемые при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу // Юристъ-Правоведъ. 2014. N 3 (64). С. 81-85.
11. Симагина Н.А. Меры пресечения и обстоятельства, учитываемые при их избрании (теория и современная практика): дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2019. 206 с.
12. Вастьянова О.Д. Запрет определенных действий как мера пресечения в уголовном процессе России: дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2022. 206 с.
13. Савченко А.Н. Возможность воспрепятствовать судопроизводству как основание для заключения под стражу // Уголовный процесс. 2010. N 8 (68). С. 56-59.
14. Меры пресечения, не связанные с изоляцией подозреваемого, обвиняемого: науч.-практ. пособие / С.И. Данилова, Г.В. Костылева, И.Е. Муженская, О.И. Цоколова. Москва: ВНИИ МВД России, 2012. 130 с.

References

1. Zaitsev A.O. Resolution by the court of the issue of the presence (absence) of grounds for choosing a preventive measure of detention during the preliminary investigation (international standards and Russian practice). Bulletin of Tomsk State University. Right, 2016, no. 3 (21), pp. 34-44. (In Russ.).
2. Kyulmamedova L.B. Grounds for choosing a preventive measure in the form of detention. Young scientist, 2021, no. 23, pp. 215-217. (In Russ.).
3. Tursunbaeva D.S., Ishmukhametov Ya.M. Grounds for the use of preventive measures in criminal proceedings. International Journal of Humanities and Natural Sciences, 2022, no. 3-3 (66), pp. 94-98. (In Russ.).
4. Mel'nik V.V. Common sense is the basis of the intellectual potential of the jury. Russian justice, 1995, no. 6, pp. 8-11. (In Russ.).
5. Sudnitsyn A.B., Voronov D.A. Legality and validity of election and the application of a preventive measure in the form of detention. Krasnoyarsk, 2020. 64 p. (In Russ.).
6. Trunova L.K. Respect for the interests of citizens in the application of measures of criminal procedural restraint. Law and politics, 2002, no. 8, pp. 74-79. (In Russ.).
7. Pereslavtseva E.G. Goals, grounds, conditions and procedure for the application of preventive measures in Russia. Young scientist, 2020, no. 48, pp. 311-313. (In Russ.).
8. Kokoreva L.V. Procedural significance of the grounds and objectives of the application of preventive measures in criminal proceedings. Bulletin of Economic Security, 2016, no. 1, pp. 103-107. (In Russ.).
9. Chernova S.S., Gein A.K. Measures of criminal procedural coercion in criminal proceedings of the Russian Federation. Tyumen, 2018. 157 p. (In Russ.).
10. Khapaev I.M. Circumstances taken into account when choosing a preventive measure in the form of detention. Lawyer-Jurist, 2014, no. 3 (64), pp. 81-85. (In Russ.).
11. Simagina N.A. Preventive measures and circumstances taken into account when electing them (theory and modern practice). Cand. Diss. Moscow, 2019. 206 p. (In Russ.).
12. Vast'yanova O.D. Prohibition of certain actions as a preventive measure in the criminal process of Russia. Cand. Diss. Irkutsk, 2022. 206 p. (In Russ.).
13. Savchenko A.N. The possibility to obstruct legal proceedings as a basis for detention. Criminal trial, 2010, no. 8, pp. 56-59. (In Russ.).
14. Danilova S.I., Kostyleva G.V., Muzhenskaya I.E., Tsokolova O.I. Preventive measures not related to the isolation of the suspect, the accused. Moscow, 2012. 130 p. (In Russ.).

Раздел 6. Совершенствование правоохранительной практики

Научная специальность: 12.00.09 (5.1.4)

«Цифровое» доказательственное право при производстве по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации: вопросы целесообразности

Андрей Борисович Сергеев,

доктор юридических наук, профессор, Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, Sergeev_ab@bk.ru

Аннотация. В статье изложена авторская позиция по остродискуссионному вопросу о том, может ли быть реализована существующая теория доказательственного права без изменения ее основ при производстве по уголовным делам о преступлениях, совершенных в сфере компьютерной информации. Констатируется, что телекоммуникационные технологии сделали возможным и необходимым использование обществом виртуального (а не только реального (материального) пространства. В связи с этим было ожидаемым появление нарушений общественных отношений и в сфере компьютерной информации. Часть из них запрещена уголовным законодательством (статьи 272, 273, 274, 274.1 Уголовного кодекса Российской Федерации). Отмечено, что, в отличие от расследования уголовных дел о преступлениях, совершенных в материальном мире, по которому накоплен большой следственный и судебный опыт, проведены многочисленные научные исследования, расследование преступлений, совершенных в сфере компьютерной информации, пока имеет слабую эмпирическую и научную базу. Автором статьи критически оценивается предложение ряда исследователей модифицировать существующие положения применительно к цифровым следам преступной деятельности.

Ключевые слова: цифровая информация, доказательство, доказательственное право, предмет доказывания, пределы доказывания, цифровой след, трасология

Для цитирования: Сергеев А.Б. «Цифровое» доказательственное право при производстве по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации: вопросы целесообразности // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2022. N 3 (61). С. 66-72.

"Digital" evidentiary law in the proceedings on the criminal cases of crimes in the sphere of computer information: expediency issues

Andrey B. Sergeev,

Doctor of Legal Sciences, Professor, Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, Sergeev_ab@bk.ru

Abstract. The author's position on the controversial issue of implementing the existing theory of evidentiary law without changing its foundations in the proceedings on the criminal cases of crimes committed in the sphere of computer information, is provided. It is stated that telecommunication technologies have made it possible and necessary for society to use virtual (not just real (material) space. In this regard, the appearance of violations of public relations in the telecommunications space is expected. Some of such violations are prohibited by the criminal law (Articles 272, 273, 274, 274.1 of the Criminal Code of the Russian Federation). Unlike the criminal cases of crimes committed in the material world, for which extensive investigative and judicial experience has been accumulated and numerous scientific studies have been carried out, the investigation of crimes committed in the sphere of computer information still has a weak empirical and scientific base. The proposal of a number of researchers on the need to modify the existing provisions related to the digital traces of criminal activity is critically assessed by the author.

Keywords: digital information, proof, evidentiary law, subject of proof, limits of proof, digital trace, trasology

For citation: Sergeev A.B. "Digital" evidentiary law in the proceedings on the criminal cases of crimes in the sphere of computer information: expediency issues // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2022. No. 3 (61). P. 66-72.

Эффективность расследования преступлений, совершенных в сфере компьютерной информации, зависит от ряда факторов субъективного характера и определяется уровнем профессиональной подготовки субъектов расследования. При этом наиболее существенными факторами являются:

– знание теории доказательственного права и особенностей применения теории при расследовании преступлений в сфере компьютерной информации;

– знание следователем локализации следов преступлений, квалифицируемых по ст.ст. 272, 273, 274 УК РФ;

– знание процессуальных средств собирания, проверки и оценки сведений, находящихся в сетевой системе электронного взаимодействия.

Сфера (пространство) электронной (компьютерной) информации (виртуальное пространство) специалистами именуется разными терминами, но их суть имеет единое содержание. Виртуальное пространство воспринимается как некий «мир», возникновение которого возможно посредством программирования [1, с. 7; 2, с. 11-12].

1. Специфика расследования уголовных дел о преступлениях в сфере компьютерной информации

Цель расследования любого преступления вне зависимости от его вида заключается в собирании (обнаружении и процессуальном закреплении) максимально большего количества следов преступления. Такого количества, которое делало бы возможным вывод о том, что восстановлена вся картина преступления, установлена истина о протекании преступного события, получена полная информация о его участниках, степени и характере участия.

Методологически правильный подход к расследованию (установление истины) закреплен в ст.ст. 73, 85 и 86 УПК РФ. В соответствии с принципом публичности субъекты расследования обязаны в процессуальной форме способами, определенными в уголовно-процессуальном законодательстве, объективно, полно и всесторонне

установить и исследовать все обстоятельства совершенного преступления.

Названные концептуальные основы досудебного производства полностью распространяются и на производство по уголовным делам о неправомерном доступе к компьютерной информации (ст. 272 УК РФ); создании, использовании и распространении вредоносных компьютерных программ (ст. 273 УК РФ); нарушении правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных сетей (ст. 274 УК РФ). Специфику уголовного судопроизводства по установлению обстоятельств подготовки, совершения преступлений в сфере компьютерной информации и сокрытия следов преступной деятельности формируют особенности цифрового пространства, которое активно используется, в том числе и в криминальных целях.

Особенности производства по уголовным делам predeterminedены условиями и средствами общения в цифровом пространстве:

- программным обеспечением,
- компьютерным оборудованием,
- сетевыми устройствами.

В зависимости от преступного умысла и цели цифровая информация может быть предметом преступного посягательства или являться средством совершения преступления.

Уникальность средств обеспечения, специфика протекания общественных отношений в цифровом пространстве и совершаемых преступных действий своим следствием, соответственно, имеют выраженное формирование и локализацию следовой картины. Следовая картина преступлений, совершаемых в названной сфере, несопоставима со следами, оставляемыми в материальном мире. Преступлением изменяется не материальное состояние объектов и средств. В цифровом пространстве след имеет цифровое проявление. Блокирование (умышленно созданные сложности к доступу к компьютерной информации без непосредственного ее

уничтожения), модификация (вопреки интересам физических и (или) юридических лиц) несогласованное изменение компьютерной информации или ее параметров), уничтожение (исчезновение, «стирание» (размагничивание) с носителя без возможности восстановления) проявляется в отношении информации и протекает в цифровой форме [3, с. 3]. Положения трасологии как составной части криминалистических знаний о следах преступной деятельности и закономерностях их образования не могут быть применены при производстве по уголовным делам о преступлениях, совершенных в телекоммуникационном (виртуальном) пространстве. Цифровая следовая картина специфична по причине специфичности «электронно-цифрового следа». «“Электронно-цифровой след” означает след, зафиксированный в цифровых ЭВМ (компьютерных системах)... Информативность электронно-цифрового следа — есть свойство содержащихся в нем компьютерных данных» [2, с. 12].

2. Предмет и пределы доказывания при производстве по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации

При всей специфике обнаружения, оценки и процессуального закрепления цифровых следов, использования оригинальных криминалистических технологий согласно теории доказательственного права считается возможным установление юридически значимых обстоятельств расследуемого преступления в цифровом пространстве без изменения и корреляции теоретически обоснованных и практически подтвержденных системно характеризующих преступное деяние обстоятельств.

Вне зависимости от видов преступлений, предусмотренных УК РФ, уголовно-процессуальная наука установила, а законодательство в общем виде закрепило эти обстоятельства в предмете доказывания (ст. 73 УПК РФ). Предмет доказывания — программное направление процессуальной деятельности следователя (дознавателя) по любому уголовному делу. Нормативно закреплённый перечень определяет направления поиска необходимых доказательств, в том числе при производстве по уголовным делам, возбужденным в связи с совершением деяний, предусмотренных

ст.ст. 272, 283, 274 УК РФ. При этом возникает потребность в решении сложной задачи научного обоснования детализации типового нормативного предмета доказывания (ст. 73 УПК РФ). Без изменения положений ст. 73 УПК РФ представляется необходимым в рамках криминалистической методики адаптировать общий предмет доказывания к специфике проявления преступной деятельности в информационном пространстве. Решение столь сложной задачи окажет следователям, дознавателям важную помощь: позволит более глубоко уяснить содержание уголовно-правовых норм; уточнить юридически значимые признаки деяния, установление которых является целью расследования; организовать процесс обнаружения, проверки собираемых доказательств и их оценки на предмет достаточности для достижения целей правосудия [4, с. 434-435].

С понятием предмета доказывания в сфере компьютерной информации (установление всех обстоятельств преступного деяния) тесно связана категория «пределы доказывания». Анализ судебной практики показывает, что и в этой части доказательственного права нет необходимости менять существующий подход к пониманию сущности и содержания категории и создавать для производства по делам о преступлениях в цифровом пространстве дублирующие положения. Утверждение логично вытекает из нижеследующего.

В уголовно-процессуальной теории пределы доказывания рассматриваются в двух атрибутивных аспектах.

Первый аспект заключается в определении пределов установления обстоятельств дела. Для получения достоверного знания об обстоятельствах совершенного преступления следователь по каждому расследуемому уголовному делу решает процессуальные задачи, связанные с тем, достаточно ли только получить сведения относительно самого преступного деяния (первый уровень) или нужно находить сведения и посредством их устанавливать события, которые предшествовали, сопутствовали, следовали за преступным деянием (второй уровень). Если необходимо устанавливать обстоятельства второго уровня, то и здесь пределы доказывания требуют оценки на предмет достаточности.

Для целей производства может оказаться востребованной необходимостью установить события в пределах более дальних «границ» (третий уровень) и т.д.

Второй аспект «пределов» связан с решением задачи о количестве доказательств, которые необходимо найти и процессуально закрепить для установления достоверности каждого отдельно взятого обстоятельства (первого и последующих уровней).

При расследовании преступлений в сфере компьютерной информации значимой является способность следователя четко осознавать важность соотношения категорий «предмет доказывания» (перечень обстоятельств, подлежащих доказыванию) и «пределы доказывания» (количественный фактор): понимание того, что предмет доказывания ставит в процессе расследования перед следователем задачу — что он должен доказать (установить), а пределы доказывания определяют, каким объемом доказательств (информации о следах преступления) он должен располагать, чтобы решить данную задачу.

Практическое значение решения задачи правильного определения пределов доказывания проявляется в том, что уменьшается риск не установить все обстоятельства преступления, входящие в предмет доказывания, но от следователя (дознателя) требуется обязательное их установление. И наоборот, уменьшается вероятность возникновения ситуации, когда следователь (дознатель) необоснованно расширяет сферу поиска. В этом случае не обеспечивается принцип процессуальной экономии и оперативности, избыточное количество доказательств может существенно затруднить установление и оценку фактических обстоятельств дела [4, с. 820].

3. Учение о доказательствах при производстве по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ст.ст. 272, 283, 274 УК РФ

Учение о доказательствах определяет, что судом могут быть отвергнуты сведения об устанавливаемых обстоятельствах совершенного преступления, несмотря на важность их познавательного значения для целей уголовного дела. Основанием для такого решения является суждение суда о том, что представленные доказательства

недопустимы. В связи с этим необходимо признать актуальными и имеющими практическое значение для отправления правосудия ответы на вопрос об условиях, обеспечивающих восприятие судом сведений как судебных доказательств, несущих достоверные знания об устанавливаемом криминальном событии. Решение названной проблемы в значительной мере приходится на досудебное производство, в том числе при производстве по рассматриваемым категориям преступлений (ст.ст. 272, 283, 274 УК РФ).

В части 2 ст. 74 УПК РФ содержится закрытый перечень доказательств. Закрытость перечня объясняется стремлением в законодательстве исключить риск получения сведений, искажение которых может существенно сказаться на эффективности отправления правосудия. Теоретически обоснованный и апробированный существующий перечень источников сведений об обстоятельствах преступления при соблюдении всех требований уголовно-процессуального законодательства позволяет добиться получения информации с максимальной степенью достоверности содержания сведений.

Следует согласиться с учеными и практиками в том, что прогресс информационных технологий способствует активному развитию научных положений об информации в цифровой форме. Такое положение требует осмысления теории доказательств и с этой точки зрения. Проблема проявилась в том, что в науке и на практике понятие «электронные доказательства» является не устоявшейся, а находящейся в процессе становления категорией. Предмет дискуссии составляет вопрос о целесообразности закрепления в доказательственном праве категории «электронное доказательство».

Представители одной позиции приводят аргументы в пользу необходимости ввести названную категорию в теорию о доказательствах [5, с. 198; 6, с. 123]. Представители другой точки зрения обосновывают отсутствие целесообразности введения данной категории. В качестве одного из аргументов они приводят суждение о том, что это «запутает» систему доказательств, правильно утверждая, что электронные доказательства в уголовном судопроизводстве могут выступать и в качестве вещественных

доказательств, и в качестве иных документов [7, с. 685; 8, с. 16-17; 9, с. 18; 10, с. 127].

Часть 1 ст. 74 УПК РФ раскрывает родовое (общее) понятие сведений (информации) как судебных доказательств, которыми руководствуется суд при отправлении правосудия. В законе определено, что доказательствами могут являться «любые сведения» (ч. 1 ст. 74 УПК РФ). Такое положение нельзя рассматривать в широком смысле. «Любые сведения» являются доказательствами только при условии, что эти сведения обладают критериальными характеристиками – свойствами, обеспечивающими их восприятие судом как допустимых (вызывающих доверие) и которыми после проверки и оценки суд руководствуется при вынесении мотивированного решения по делу. Критериальные свойства перечислены в ч. 1 ст. 88 УПК РФ. Это относимость, допустимость, достоверность.

Однако названных свойств недостаточно для признания сведений доказательствами по уголовному делу. В качестве таковых они могут быть признаны только в случае, если сведения представлены в единстве с их источником: содержательном (сущностном) и формальном (материальном).

В содержательном отношении категорию «сведения» характеризует имеющаяся в них информация, а в формальном отношении – материальные носители, на которых они находятся.

В настоящее время происходит адаптация, когда существующее содержание закрытого перечня видов доказательств остается прежним, но осуществляется научное переосмысление содержания отдельных видов доказательств. Сказанное в полной мере относится к вопросу об отнесении источников цифровой информации к вещественным или иным видам доказательств и признании их допустимыми, их оценке с позиции допустимости.

Допустимость электронных доказательств как свойства уголовно-процессуальных доказательств оценивается судом при рассмотрении и разрешении уголовных дел в сфере информационных технологий. Допустимость до судебного исследования сведений об устанавливаемых обстоятельствах имеет конституционно выраженное содержание (ч. 2 ст. 50 Консти-

туции Российской Федерации): требованием допустимости является предписание субъекту расследования строго следовать уголовно-процессуальным нормативным положениям реализации норм доказательственного права (ч. 1 ст. 75 УПК РФ).

Требования допустимости в уголовно-процессуальном законодательстве самостоятельной нормой не закреплены. Но теория и практика развития уголовного судопроизводства сформировала перечень этих требований.

Сведения об обстоятельствах совершенного преступления будут допустимыми (до судебного их исследования), если:

а) сведения (доказательства) получены из одного из источников, указанных в ч. 2 ст. 74 УПК РФ;

б) сведения (доказательства) получены уполномоченным, в том числе на процессуальное закрепление, должностным лицом (следователь, дознаватель). Статус должностного лица (уполномоченного или неуполномоченного) определяется содержанием постановления о принятии уголовного дела к своему производству (п. 2 ч. 2 ст. 38 УПК РФ);

в) сведения получены законным способом. Перечень законных способов (следственные действия) является закрытым и содержится в УПК РФ;

г) при проведении следственного действия (законный способ) порядок производства (процедура, алгоритм, последовательность этапов) выдержан и не нарушен.

Соблюдение перечисленных требований обеспечивает достаточно высокий уровень качества досудебного производства и в целом отправление правосудия по уголовным делам в сфере компьютерной информации (глава 28 УК РФ).

Родовое понятие категории «электронные носители» раскрывается межгосударственным стандартом*. Электронным носителем признается любой материальный носитель, относительно электронной информации обладающий функциональными возможностями (достаточно одной),

* ГОСТ 2.051-2013. Межгосударственный стандарт. Единая система конструкторской документации. Электронные документы. Общие положения (введен в действие приказом Росстандарта от 22 ноября 2013 г. N 1628-ст). М.: Стандартинформ, 2014. (См.: пункт 3.1.9).

а именно способностью ее записывать, хранить, воспроизводить. Другой функциональной возможностью, наличие которой при определенных условиях может перевести материальный носитель в разряд электронных носителей, является способность обрабатывать информацию.

В науке и на практике наиболее устоявшейся дефиницией электронного носителя является следующая: это устройство, конструктивно предназначенное для постоянного или временного хранения информации в виде, пригодном для использования в электронных вычислительных машинах, а также для ее передачи по информационно-телекоммуникационным сетям или обработки в информационных системах [11, с. 11].

Как представляется, названным условиям соответствуют и материальные носители электронной (цифровой) информации. Необходимо признать несостоятельную позицию, основанную на следующих суждениях. Поскольку информация виртуальна, то материальный носитель отсутствует. Материальный носитель цифровой информации не выполняет «доказательственную роль» в уголовно-процессуальном доказывании. Делается соответствующий рассуждениям вывод: «в уголовно-процессуальном доказывании цифровую информацию необходимо рассматривать вне ее материального носителя» [12, с. 13].

Изложенное выше позволяет сформулировать следующие выводы.

1. Несмотря на активное развитие цифрового пространства и расширение в нем коммуникации, в том числе криминальной направленности, в рамках существующей теории доказательственного права разработка специального «цифрового» доказательственного права была бы ошибочным направлением. Существующие нормативные положения о предмете, пределах доказывания; доказательствах; уголовно-процессуальных средствах и способах доказывания в достаточной мере позволяют решать задачи уголовного судопроизводства по делам о преступлениях в сфере компьютерной информации.

2. Специфика уголовного производства по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации обусловлена особенностями формирования следовой картины в информационных сетях, составными частями которых являются программное обеспечение, компьютерное оборудование, сетевые устройства. По этой причине положения трасологии не могут быть применены при производстве по уголовным делам о преступлениях, совершенных в телекоммуникационном (виртуальном) пространстве. В связи с этим научные разработки по криминалистической технике, методике и тактике являются особенно актуальными.

Результаты последних диссертационных исследований показывают, что до настоящего времени эта сложная задача до конца не решена.

Список источников

1. Дрога А.А. Развитие методики судебно-бухгалтерских экспертиз на основе данных, сопряженных с использованием компьютерных средств: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.12. Ростов-на-Дону, 2019. 30 с.
2. Себякин А.Г. Тактика использования знаний в области компьютерной техники в целях получения криминалистически значимой информации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.12. Москва, 2021. 31 с.
3. Гаврилин Ю.В., Шипилов В.В. Особенности слеодообразования при совершении мошенничеств в сфере компьютерной информации // Российский следователь. 2013. N 23. С. 2-5.
4. Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головки. Москва: Статут, 2016. 1276 с.
5. Обидин К.В. Электронное доказательство: необходимый этап развития уголовного судопроизводства // Актуальные проблемы российского права. 2020. N 11. С. 198-206.
6. Оконенко Р.И. Электронные доказательства как новое направление совершенствования российского уголовно-процессуального права // Актуальные проблемы российского права. 2015. N 3. С. 120-124.
7. Ложкин Ю.А. О некоторых вопросах собирания электронных доказательств в рамках предварительного расследования уголовных дел // Пермский юридический альманах. 2019. N 1. С. 678-686.
8. Пастухов П.С. Модернизация уголовно-процессуального доказывания в условиях информационного общества: дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2015. 454 с.
9. Головки Л.В. Цифровизация в уголовном процессе: локальная оптимизация или глобальная революция? // Вестник экономической безопасности. 2019. N 1. С. 15-25.

10. Электронные доказательства в уголовном судопроизводстве: учеб. пособие для вузов / отв. ред. С.В. Зуев. Москва, 2020. 193 с.

11. Балашова А.А. Электронные носители информации и их использование в уголовно-процессуальном доказывании: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2020. 216 с.

12. Арутюнян З.С. Основные проблемы собирания, проверки и оценки электронного документа в уголовно-процессуальном доказывании Республики Армения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ереван, 2018. 22 с.

References

1. Droga A.A. Development of a methodology for forensic accounting expertise based on data associated with the use of computer tools. Autoabstract Cand. Diss. Rostov-on-Don, 2019. 30 p. (In Russ.).

2. Sebyakin A.G. Tactics of using knowledge in the field of computer technology in order to obtain forensically significant information. Autoabstract Cand. Diss. Moscow, 2021. 31 p. (In Russ.).

3. Gavrilin Yu.V., Shipilov V.V. Features of trace formation when committing fraud in the field of computer information. Russian investigator, 2013, no. 23, pp. 2-5. (In Russ.).

4. Course of criminal procedure. Moscow, Statut Publ., 2016. 1276 p. (In Russ.).

5. Obidin K.V. Electronic evidence: a necessary stage in the development of criminal justice. Actual problems of Russian law, 2020, no. 11, pp. 198-206. (In Russ.).

6. Okonenko R.I. Electronic evidence as a new direction for improving Russian criminal procedure law. Actual problems of Russian law, 2015, no. 3, pp. 120-124. (In Russ.).

7. Lozhkin Yu.A. On some issues of collecting electronic evidence as part of the preliminary investigation of criminal cases. Perm Legal Almanac, 2019, no. 1, pp. 678-686. (In Russ.).

8. Pastuhov P.S. Modernization of criminal procedural proof in the conditions of the information society. Doct. Diss. Moscow, 2015. 454 p. (In Russ.).

9. Golovko L.V. Digitalization in the criminal process: local optimization or global revolution? Bulletin of economic security, 2019, no. 1, pp. 15-25. (In Russ.).

10. Electronic evidence in criminal proceedings. Moscow, 2020. 193 p. (In Russ.).

11. Balashova A.A. Electronic media and their use in criminal procedure evidence. Cand. Diss. Moscow, 2020. 216 p. (In Russ.).

12. Arutyunyan Z.S. The main problems of collecting, checking and evaluating an electronic document in the criminal procedural evidence of the Republic of Armenia. Autoabstract Cand. Diss. Yerevan, 2018. 22 p. (In Russ.).

Научная специальность: 12.00.09, 12.00.14 (5.1.4, 5.1.2)

Природа правоотношений, возникающих при фактическом задержании

Ольга Васильевна Десятова,

кандидат юридических наук, доцент, Тюменский институт повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации, Тюмень, Россия, olya.desyatova.80@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1422-6874>

Аннотация. Статья посвящена характеристике правоотношений, возникающих при задержании по подозрению в совершении преступления. Проанализировав действующее законодательство и точки зрения ученых, автор статьи приходит к выводу о том, что задержание по подозрению в совершении преступления представляет собой длящийся процесс, началом которого выступает момент фактического задержания, а конечным моментом — составление протокола задержания. Исследовав вопрос о том, правоотношения какого вида возникают в случае, если на момент фактического задержания уголовное дело еще не возбуждено и, соответственно, задержанное лицо ограничивается в своих конституционных правах на свободу передвижения и личную неприкосновенность, автор приходит к выводу, что названные правоотношения носят уголовно-процессуальный характер.

Ключевые слова: правоотношение, задержание, фактическое задержание, административное задержание, уголовно-процессуальное задержание

Для цитирования: Десятова О.В. Природа правоотношений, возникающих при фактическом задержании // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2022. № 3 (61). С. 73-80.

The nature of legal relations arising during the actual detention

Olga V. Desyatova,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Tyumen Advanced Training Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Tyumen, Russia, olya.desyatova.80@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1422-6874>

Abstract. The article is devoted to the characteristics of legal relations arising during the detention based on suspicion that the person has committed a crime. Having analyzed the current legislation and the points of view of scientists, the author of the article comes to the conclusion that the detention based on suspicion that the person has committed a crime is an ongoing process, the beginning of which is the moment of actual detention, and the final moment is drawing up the detention protocol. The author has also investigated the issue of what kind of legal relationship arises if, at the time of actual detention, a criminal case has not yet been initiated and, accordingly, the detained person is restricted in his constitutional rights to freedom of movement and personal inviolability. According to the author's conclusions, these legal relations are of a criminal procedural nature.

Keywords: legal relation, detention, actual detention, administrative detention, criminal procedural detention

For citation: Desyatova O.V. The nature of legal relations arising during the actual detention // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2022. No. 3 (61). P. 73-80.

Начало XXI века ознаменовалось принятием большого количества значимых законодательных актов, среди которых Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях, Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» и др. Несмотря на

качественное обновление законодательства, проблемы правового механизма реализации института задержания по многим аспектам так и остались неразрешенными. В частности, это касается института задержания лица, подозреваемого в совершении преступления, или, иначе говоря, уголовно-процессуального задержания.

Согласно п. 11 ст. 5 УПК РФ задержание подозреваемого — это мера процессуального принуждения, применяемая органом дознания, дознавателем, следователем на срок не более 48 часов с момента фактического задержания лица по подозрению в совершении преступления.

Моментом фактического задержания, в свою очередь, признается момент производимого в порядке, установленном УПК РФ, фактического лишения свободы передвижения лица, подозреваемого в совершении преступления (п. 15 ст. 5 УПК РФ).

О задержании лица составляется протокол задержания в срок не более трех часов с момента доставления задержанного в орган дознания или к следователю (ст. 92 УПК РФ).

Эти правовые положения дают основание сделать несколько выводов, имеющих важное значение для характеристики правоотношений, возникающих при данной мере процессуального принуждения:

1) задержание по подозрению в совершении преступления представляет собой длящийся процесс;

2) началом этого процесса выступает момент фактического задержания, а конечным моментом — составление протокола задержания;

3) в процессе задержания может принимать участие неопределенный круг лиц. УПК РФ называет конкретных участников уголовного судопроизводства применительно лишь к завершению этого процесса: задержание подозреваемого — «мера процессуального принуждения, применяемая органом дознания, дознавателем, следователем...» (п. 11 ст. 5 УПК РФ); однако при определении момента фактического задержания и доставления лица в орган дознания или к следователю ничего не говорится о том, кто именно может осуществить фактическое задержание (подразумевается период времени с момента фактического задержания в том смысле, в котором он определен в п. 15 ст. 5 УПК РФ, до момента составления протокола задержания либо освобождения задержанного) по подозрению в совершении преступления.

Непрерывность процедуры задержания (включающей три элемента: момент фактического задержания, доставление в орган дознания или к следователю, состав-

ление протокола задержания) не дает возможности согласиться с мнением о двух аспектах задержания — фактическом и процессуальном — как неких относительно самостоятельных правовых категориях [1, с. 7]. Представляется, что и то и другое правильнее будет рассматривать как этапы названной принудительной процедуры.

Если к моменту фактического задержания лица уже было возбуждено уголовное дело о преступлении, по подозрению в совершении которого происходит задержание лица, то сколько-нибудь серьезные правовые проблемы не возникают.

Но если на момент фактического задержания уголовное дело еще не возбуждено (например, лицо застигнуто при совершении преступления), то дискуссионным является вопрос о том, какой вид правоотношений возникает сразу же после указанного момента, вследствие чего задержанное лицо ограничивается в своих конституционных правах на свободу передвижения и личную неприкосновенность. Неясно, какой именно — уголовно-процессуальной или иной — является правовая природа этих правоотношений.

Подытоживая взгляды теоретиков на сформулированную проблему, Л.М. Володина еще в 2004 году пишет: «...необходимо признать моментом возникновения уголовно-процессуальных отношений начало уголовно-процессуальной деятельности в связи с получением первичной информации о совершенном или готовящемся преступлении. Юридическим фактом, влекущим возникновение уголовно-процессуального отношения, являются действия органа (должностного лица), осуществившего прием информации, ее фиксацию в соответствующих документах» [2, с. 139, 142].

Таким образом, в сущности, речь идет о том, что уголовно-процессуальные правоотношения возникают с момента, когда уполномоченному уголовно-процессуальным законом органу или должностному лицу стало известно о подготавливаемом, совершаемом или совершенном преступлении. В связи с этим, если следовать логике изложенной позиции, с момента фактического задержания лица до составления протокола задержания, то есть до того, как о преступлении стало из-

вестно органам или должностным лицам, имеющим право на принятие сообщения о преступлении, уголовно-процессуальные отношения не возникают как таковые. Аналогичной позиции придерживается А.П. Гуляев [3, с. 28], а также ряд других ученых.

Представляется интересным мнение ученых-процессуалистов о том, что «задержание является по своей природе полицейской мерой, т.е. реализацией полицейских функций» [4, с. 524], в отличие от заключения под стражу, являющегося судебной мерой. Аналогичная точка зрения высказана К.В. Муравьевым: «В отличие от заключения под стражу и иных обеспечительных мер, применение которых представляет проявление реализации судебной функции, задержание по своей природе – “полицейская” мера процессуального принуждения, применяемая в экстренном порядке» [5, с. 181]. До принятия Федерального закона от 7 февраля 2011 г. N 3-ФЗ «О полиции» (далее – Федеральный закон «О полиции») внепроцессуальное задержание, то есть осуществлявшиеся большей частью работниками милиции в рамках административной деятельности поимку, захват заподозренного в совершении преступления лица и доставление его в орган дознания или следствия для проведения уголовно-процессуальных действий с целью проверки причастности к совершению преступления, называли «милицейским» [1, с. 7-8].

К сожалению, указанные авторы не поясняют, что они понимают под «полицейской мерой» или «полицейскими функциями». Функции полиции обширны и находятся в административно-правовой и уголовно-процессуальной (поскольку полиция – орган дознания) сферах. Если исходить из того, что полицейская деятельность традиционно рассматривается как разновидность административно-правовой деятельности, то по логике приведенной позиции следует вывод о непроцессуальном (точнее, административно-правовом) характере процедуры задержания по подозрению в совершении преступления с момента фактического задержания до составления протокола задержания. Но тогда все же остается неясным, почему задержание нельзя рассматривать как уголовно-

процессуальную функцию, если полиция – орган дознания. Кроме того, административно-правовое задержание по смыслу ч. 1 ст. 27.3 КоАП РФ имеет своим назначением производство по делу об административном правонарушении; назначение же задержания по подозрению в совершении преступления совсем иное.

Приведенная позиция авторов уязвима и с точки зрения того, что как задержание, так и избрание меры пресечения в виде заключения под стражу происходит в процессе досудебного производства, органически входящего в уголовное судопроизводство (п. 56 ст. 5 УПК РФ). Более того, поскольку задержание по подозрению в совершении преступления предусмотрено и урегулировано нормами уголовно-процессуального закона, постольку оно вследствие этого образует институт уголовно-процессуального права, и нет ни теоретических, ни правовых предпосылок противопоставлять некую «полицейскую меру» «судебной мере», так как они обе во многом осуществляются в рамках единого уголовного процесса и имеют общее назначение.

В.Н. Григорьев рассматривает момент фактического задержания и доставление задержанного лица (если преступный характер деяния задержанного лица неочевиден, а момент фактического задержания и доставление состоялись до возбуждения уголовного дела) в орган дознания или к следователю как имеющие административный характер [6, с. 109].

О.И. Цоколова считает, что «задержание подозреваемого является процессуальным действием с того момента, как лицо доставлено к следователю (в орган дознания)», полагая, что «именно с этого момента начинается фактическое лишение подозреваемого свободы передвижения по процессуальным основаниям» [7, с. 28]. Однако о характере правоотношений, возникающих с момента фактического задержания и длящихся до доставления задержанного в орган дознания или к следователю, автор вполне объяснимо умалчивает. Аналогичное мнение высказано и другими авторами [8, с. 35-36].

Можно констатировать, что рассмотренные позиции не проясняют существенным образом вопрос о характере правоот-

ношений, возникающих с момента фактического задержания лица по подозрению в совершении преступления. В лучшем случае эти правоотношения оцениваются как имеющие административно-правовой характер.

Следует признать, что вопрос о характере (сущности) уголовно-процессуальных правоотношений достаточно сложен. Несмотря на значительное количество публикаций по данной проблематике, теория уголовно-процессуальных отношений сравнительно слабо разработана, что во многом обусловлено невозможностью изучения данных правоотношений только с позиций уголовно-процессуального права.

Во-первых, неоспариваемым в принципе, достаточно давно признанным теорией обстоятельством является то, что, как уже отмечено ранее, уголовно-процессуальные правоотношения всегда имеют материально-правовую основу [9, с. 7]: предположение о подготавливаемом, совершаемом или совершенном деянии, предусмотренном нормами Особенной части УК РФ. Таким образом, возникновение указанных правоотношений должно быть обусловлено определенным юридическим фактом [10, с. 15-16; 11, с. 18]. Вместе с тем в процессе уголовно-процессуальной деятельности появляется множество различных юридических фактов, каждый из которых в различной степени может обусловить не только возникновение, изменение или прекращение тех или иных уголовно-процессуальных правоотношений, но иногда также их содержание и состав субъектов, в них участвующих.

Во-вторых, стадия возбуждения уголовного дела (а в ряде ситуаций – и стадия предварительного расследования) характеризуется своего рода «смешением» правоотношений, регулируемых различными отраслями права.

Согласно ч. 1 ст. 144 УПК РФ следователь или дознаватель вправе давать органу дознания обязательные для исполнения письменные поручения о проведении оперативно-розыскных мероприятий, порядок производства которых регулируется самостоятельной отраслью права, не являющейся частью уголовно-процессуального права.

Ведомственными нормативными правовыми актами, определяющими процессуальные полномочия руководителей следственных органов различного уровня (районного, по субъекту Российской Федерации, федерального), предусматривается возможность изъятия из нижестоящего следственного органа материалов проверки сообщений о преступлениях или уголовных дел и осуществления в дальнейшем производства по таким материалам или делам в вышестоящем следственном органе. Хотя такие нормативные акты и определены как регулирующие «процессуальные» полномочия*, в данном случае речь идет скорее о властно-служебных полномочиях, поскольку нормы УПК РФ вообще не предусматривают возможность передачи материалов и уголовных дел в иерархической структуре следственных органов. Полномочие руководителя следственного органа по передаче дел и материалов другому органу предварительного расследования, предусмотренное п. 12 ч. 2 ст. 38 УПК РФ, в силу прямого указания той же самой нормы закона не распространяется на их передачу в системе одного органа предварительного расследования. Следовательно, «вертикальная» передача материалов проверки по сообщению о преступлении и уголовных дел не носит уголовно-процессуального характера. При этом уголовно-процессуальные и властно-служебные правоотношения тесно взаимосвязаны.

В-третьих, в некоторых случаях уголовно-процессуальные правоотношения выходят за пределы классической модели содержания правоотношения, когда субъективному праву одного из субъектов корреспондирует обязанность другого субъекта, или наоборот, возложенной на одного из субъектов законом обязанности корреспондирует право другого субъекта требовать исполнения такой обязанности. Например, праву следователя самостоятельно направлять ход расследования (п. 3 ч. 2 ст. 38 УПК РФ) не корреспондирует никакая конкретная обязанность

* См., например: О процессуальных полномочиях руководителей следственных органов: приказ МВД России от 8 нояб. 2011 г. N 58 // Рос. газ. 2011. 29 дек.

какого-либо участника уголовного судопроизводства.

В-четвертых, для уголовного процесса характерно вовлечение в него лиц, не являющихся участниками уголовного судопроизводства (например, лиц, которым адресованы запросы суда, следователя, дознавателя о представлении необходимых для уголовного дела документов; законных владельцев предметов или документов, выемка которых имеет доказательственное значение, и т.д.).

Это обстоятельство имеет непосредственное отношение к рассматриваемой в настоящей статье проблеме в той ее части, которая касается осуществления «фактического» задержания лицами, не имеющими права составления протокола задержания в порядке ст. 92 УПК РФ, исключая случаи задержания ими лица по письменному поручению следователя, дознавателя или при выполнении постановления (определения, приговора) суда.

Наконец, вопреки господствующей в теории уголовно-процессуального права точке зрения, согласно которой одной стороной в уголовно-процессуальных правоотношениях всегда является государство в лице уполномоченного органа или должностного лица (Н.С. Алексеев, В.П. Божьев, К.Б. Калиновский, П.А. Лупинская, А.В. Смирнов и др.), что, по мнению ученых, обусловлено публично-правовым началом уголовного судопроизводства, можно привести пример иного состава субъектов таких правоотношений. Так, вступление адвоката в уголовный процесс в качестве защитника, несомненно, является юридическим фактом, порождающим правоотношение между защитником и подозреваемым, обвиняемым, подсудимым, причем если защитник вступает процесс в порядке ч. 2 ст. 50 УПК РФ (по назначению, а не по соглашению), то какие-либо договорные аспекты в таком правоотношении отсутствуют. И возникают в связи с рассматриваемым юридическим фактом уголовно-процессуальные правоотношения не только со следователем (дознавателем) или судом, но и с подзащитным.

В частности, запрет отказа защитника от принятой на себя защиты (ч. 7 ст. 49 УПК РФ) действует в рамках отношения

«защитник — защищаемое лицо». Реализация права защитника на собирание доказательств (п. 2 ч. 1 ст. 53, ч. 3 ст. 86 УПК РФ) происходит также не в рамках правоотношения между защитником и следователем, дознавателем или судом.

В связи с рассматриваемым аспектом считаем уместным сослаться на опубликованную еще в середине прошлого века позицию профессора М.С. Строговича, согласно которой юридическим фактом, влекущим возникновение, изменение или прекращение процессуальных отношений, могут быть действия любого субъекта процесса [12, с. 33-34]. В современный период неоднозначность подхода к составу субъектов уголовно-процессуальных правоотношений отмечается многими учеными-процессуалистами [4, с. 110].

Изложенные и другие факторы свидетельствуют о совершенно специфическом характере уголовно-процессуальных правоотношений. На такой позиции основаны наши дальнейшие суждения в отношении уголовно-процессуального института задержания по подозрению в совершении преступления применительно к проблеме определения характера правоотношений, возникающих в момент фактического задержания лица по подозрению в совершении преступления.

Необходимо проанализировать вопрос о том, к какому виду правоотношений относится фактическое задержание (имеется в виду временной период между моментом фактического задержания и составлением протокола задержания подозреваемого либо моментом освобождения задержанного).

В обобщенной формулировке предметом административного права считаются отношения, возникающие в процессе организации и осуществления государственного управления [13, с. 16]. При этом следует обратить внимание на то обстоятельство, что по своему содержанию задержание по подозрению в совершении преступления вряд ли можно рассматривать как управленческую деятельность.

Административному праву действительно известен институт задержания. Но данный вид задержания не имеет никакого отношения к реализации назначения уголовного судопроизводства, состоящего,

согласно ч. 1 ст. 6 УПК РФ, в защите прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, и защите личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод, либо к обеспечению нормального течения уголовного процесса.

В некоторых научных публикациях имеются ссылки на Федеральный закон «О полиции» в подтверждение «полицейского» (административного) характера деятельности с момента фактического задержания по подозрению в совершении преступления до момента доставления задержанного в орган дознания или к следователю либо до составления протокола задержания. Однако такое обоснование вряд ли можно оценивать как состоятельное. В указанном законе в положениях о полномочиях полиции делаются ссылки на УПК РФ или КоАП РФ (пп. 1 и 5 ч. 2 ст. 14 Федерального закона «О полиции»).

Необходимо отметить, что в ст. 10 Федерального закона от 3 июля 2016 г. N 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации»* также разделяется административное задержание и задержание по подозрению в совершении преступления.

Кроме того, обратим внимание, что оба названных федеральных закона объектом правового регулирования имеют не уголовно-процессуальные правоотношения, а отношения в сфере управления.

С учетом содержания предмета административного права и отмеченных выше обстоятельств отсутствуют какие-либо теоретические или правовые предпосылки считать, что правоотношения, возникающие с момента фактического задержания по подозрению в совершении преступления до момента составления протокола задержания, если этот период времени предшествует получению сообщения о преступлении государственными органами или должностными лицами, уполномоченными принимать такие сообщения, проверять их и принимать по результатам проверки процессуальные решения, могут характеризоваться как административно-правовые.

Таким образом, методом исключения можно прийти к следующему выводу: названные правоотношения носят уголовно-процессуальный характер. В пользу такого вывода свидетельствует и то, что «момент фактического задержания» и «доставление» задержанного в орган дознания или к следователю являются уголовно-процессуальными правовыми категориями, поскольку прямо предусмотрены соответственно в п. 15 ст. 5 и ч. 1 ст. 82 УПК РФ.

Момент фактического задержания, по сути, представляет собой действия, вследствие которых подозреваемое в совершении преступления лицо лишается свободы передвижения. Доставка также является действием и, следовательно, согласно п. 32 ст. 5 УПК РФ момент фактического задержания и доставка правомерно оценивать не иначе, как иные процессуальные действия.

Вполне очевидно, что процессуальные действия могут быть совершены лишь в рамках уголовно-процессуальных правоотношений.

Далее процессуальный срок задержания исчисляется с момента фактического задержания (ч. 3 ст. 128 УПК РФ). Поскольку срок задержания является процессуальным сроком, постольку данное обстоятельство также свидетельствует в пользу позиции о том, что момент фактического задержания по подозрению в совершении преступления служит одновременно началом уголовного судопроизводства (если оно не было начато ранее по иному основанию).

Подтверждением вышесказанного является позиция Конституционного Суда Российской Федерации: «факт уголовного преследования и, следовательно, направленная против конкретного лица обвинительная деятельность могут подтверждаться... иными мерами, предпринимаемыми в целях его изобличения или свидетельствующими о наличии подозрений против него»**. Момент фактического задержания

** Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июня 2000 г. N 11-П по делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина И.В. Маслова // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2000. N 5.

* Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. N 27 (ч. 1). Ст. 4159.

всегда связан именно с наличием подозрения в отношении конкретного лица в совершении им преступления и выступает как раз «иной мерой», свидетельствующей о наличии подозрения в совершении преступления.

Как следствие, возникает предположение о возможности оценки факта доставления задержанного в орган дознания или к следователю в качестве повода для возбуждения уголовного дела, то есть как разновидность сообщения о подготавливаемом, совершаемом или совершенном преступлении.

Подводя итог, сформулируем следующие выводы:

1. Задержание по подозрению в совершении преступления представляет собой длящийся процесс, началом которого выступает момент фактического задержания (п. 15 ст. 5 УПК РФ), далее следует доставление в орган дознания или к следователю, а завершением является составление протокола задержания или освобождение задержанного (ст.ст. 92, 94 УПК РФ). Теоретико-правовые основания разделять, а тем более противопоставлять так называемое фактическое задержание и процессуальное задержание, отсутствуют.

2. Момент фактического задержания, будучи предусмотренным и нормативно определенным уголовно-процессуальным законом, является уголовно-процессуальной категорией независимо от того, в результате действий каких лиц или органов он состоялся. Соответственно, все элементы деятельности по задержанию из-за подозрения в совершении преступления носят уголовно-процессуальный характер.

3. Проблема понимания правовой природы этапа задержания с момента фактического задержания лица по подозрению в совершении преступления и до составления протокола задержания или освобождения задержанного обусловлена недостаточной научной разработанностью одного из базовых понятий теории уголовно-процессуального права – уголовно-процессуального правоотношения.

4. Продолжает оставаться дискуссионной проблема содержания правового статуса лица с момента его фактического задержания до момента составления протокола задержания подозреваемого или до освобождения задержанного, если такой статус не возник до этого момента по иным основаниям, предусмотренным законом.

Список источников

1. Ретюнских И.А. Процессуальные проблемы задержания лица по подозрению в совершении преступления: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2001. 24 с.
2. Володина Л.М. Уголовно-процессуальные правоотношения // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2004. N 1. С. 138-144.
3. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. В.В. Мозякова. Москва: Экзамен, 2002. 912 с.
4. Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головки. Москва: Статут, 2016. 1276 с.
5. Муравьев К.В. Меры процессуального принуждения – особые средства уголовно-правового воздействия: доктрина, применение, оптимизация: монография. Омск: Омская акад. МВД России, 2017. 226 с.
6. Григорьев В.Н. Задержание подозреваемого. Москва: ЮрИнфоР, 1999. 541 с.
7. Цоколова О.И. Теория и практика задержания, ареста и содержания под стражей в уголовном процессе: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2007. 60 с.
8. Меры процессуального принуждения в досудебном производстве по уголовным делам / под ред. М.Е. Токаревой. Москва: Юрлитинформ, 2005. 177 с.
9. Муравьев К.В. Оптимизация уголовного процесса как формы применения уголовного закона: дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2017. 226 с.
10. Элькин П.С. Сущность советского уголовно-процессуального права. Ленинград: Изд-во Ленингр. ун-та, 1963. 172 с.
11. Божьев В.П. Уголовно-процессуальные правоотношения: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 1994. 39 с.
12. Строгович М.С. Уголовное преследование в советском уголовном процессе. Москва: Акад. наук СССР, 1951. 191 с.
13. Кононов П.И. К вопросу о предмете административного права // Вестник Евразийской академии административных наук. 2007. N 1. С. 16-20.

References

1. Retyunskih I.A. Procedural problems of detaining a person on suspicion of committing a crime. Autoabstract Cand. Diss. Ekaterinburg, 2001. 24 p. (In Russ.).
2. Volodina L.M. Criminal procedural legal relations. Bulletin of the Tyumen State University. Socio-economic and legal studies, 2004, no. 1, pp. 138-144. (In Russ.).
3. Commentary to the Criminal Procedure Code of the Russian. Moscow, Ekzamen Publ., 2002. 912 p. (In Russ.).
4. The course of the criminal process. Moscow, Statut Publ., 2016. 1276 p. (In Russ.).
5. Murav'ev K.V. Measures of procedural coercion – special means of criminal legal influence: doctrine, application, optimization. Omsk, Omsk Academy. Ministry of Internal Affairs of Russia, 2017. 226 p. (In Russ.).
6. Grigor'ev V.N. Detention of a suspect. Moscow, YurInFor Publ., 1999. 541 p. (In Russ.).
7. Tsokolova O.I. Theory and practice of detention, arrest and detention in criminal proceedings. Autoabstract Doct. Diss. Moscow, 2007. 60 p. (In Russ.).
8. Measures of procedural coercion in pre-trial proceedings in criminal cases. Moscow, Yurlitinform Publ., 2005. 177 p. (In Russ.).
9. Murav'ev K.V. Optimization of the criminal process as a form of application of the criminal law. Doct. Diss. Omsk, 2017. 226 p. (In Russ.).
10. El'kind P.S. The essence of Soviet criminal procedure law. Leningrad, Publishing House of the Leningrad University, 1963. 172 p. (In Russ.).
11. Bozh'ev V.P. Criminal procedural legal relations. Autoabstract Doct. Diss. Moscow, 1994. 39 p. (In Russ.).
12. Strogovich M.S. Criminal prosecution in the Soviet criminal process. Moscow, Academy of Sciences of the USSR, 1951. 191 p. (In Russ.).
13. Kononov P.I. On the subject of administrative law. Bulletin of the Eurasian Academy of Administrative Sciences, 2007, no. 1, pp. 16-20. (In Russ.).

Научная специальность: 12.00.14, 12.00.08 (5.1.2, 5.1.4)

Бродяжничество и попрошайничество несовершеннолетних: вопросы предупреждения органами внутренних дел

Александр Анатольевич Беженцев,

кандидат юридических наук, доцент, Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия, adovd@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9909-9869>

Аннотация. В представленной статье рассмотрены вопросы административной ответственности за занятия бродяжничеством и попрошайничеством, предложены пути повышения ее эффективности. Констатируется необходимость более качественного выявления фактов вовлечения несовершеннолетних в занятия бродяжничеством и попрошайничеством. Обосновывается, что для этого требуется анализ оперативной обстановки на территории обслуживания, усиление взаимодействия между подразделениями органов внутренних дел, а также органов внутренних дел с иными организациями, повышение качества проведения проверки по сообщениям о преступлениях, в том числе путем обучения сотрудников по делам несовершеннолетних тактическим приемам производства проверочных действий. Представлены предложения по совершенствованию форм и методов расследования уголовных дел, возбужденных по статьям 150 и 151 Уголовного кодекса Российской Федерации, предложено внести изменения в диспозиции норм указанных статей.

Ключевые слова: бродяжничество несовершеннолетних, попрошайничество несовершеннолетних, безнадзорность несовершеннолетних, беспризорность несовершеннолетних, вовлечение в бродяжничество, вовлечение в попрошайничество, профилактика правонарушений несовершеннолетних, подразделения по делам несовершеннолетних

Для цитирования: Беженцев А.А. Бродяжничество и попрошайничество несовершеннолетних: вопросы предупреждения органами внутренних дел // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2022. N 3 (61). С. 81-88.

Vagrancy and begging of minors: issues of preventing by law enforcement bodies

Alexandr A. Bezhentsev,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, St. Petersburg University of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia, adovd@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9909-9869>

Abstract. The administrative responsibility for vagrancy and begging is considered. The ways of improving its effectiveness are proposed. The need for better identification of the facts of involving the minors in vagrancy and begging is stated. It is substantiated that it requires analyzing the operational environment in the service area, strengthening the interaction between law enforcement departments (as well as interaction between law enforcement bodies and other organizations), improving the quality of conducting the inspection of crime reports, including training the juvenile officers in techniques of conducting inspection activities. Some proposals on improving the forms and methods of investigation of the criminal cases, initiated according to the Articles 150 and 151 of the Criminal Code of the Russian Federation, are formulated. Amending the dispositions of the norms of these articles is proposed.

Keywords: vagrancy of minors, begging of minors, neglect of minors, homelessness of minors, involvement in vagrancy, involvement in begging, juvenile delinquency prevention, juvenile affairs departments

For citation: Bezhentsev A.A. Vagrancy and begging of minors: issues of preventing by law enforcement bodies // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2022. No. 3 (63). P. 81-88.

Деятельность органов внутренних дел по предупреждению безнадзорности, беспризорности, бродяжничества и попрошайничества несовершеннолетних достаточно сложная и многообразная. Как отмечается в специальной литературе, данные отрицательные явления находят отражение в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных, утвержденном 15 августа 1845 г., по которому бродяжничаящие лица подлежали отдаче в исправительные арестантские отделения на 4 года, после чего, а равно и в случае негодности к работам в арестантских отделениях, ссылались в сибирские или отдаленные губернии [1, с. 35].

Четкое закрепление в законодательстве норм о бродяжничестве и попрошайничестве произошло в советский период истории. В СССР масштабное противодействие этим деяниям берет начало в 60-е годы, когда Указом Президиума Верховного Совета СССР от 23 июля 1951 г. «О мерах борьбы с антиобщественными, паразитическими элементами»* предписывалось лиц, задержанных за попрошайничество, которые, являясь трудоспособными, злостно уклоняются от общественно полезного труда, а также бродяг, не имеющих определенных занятий и места жительства, направлять на спецпоселение в отдаленные районы Советского Союза сроком на пять лет с обязательным привлечением их к трудовой деятельности по месту поселения.

В статье 209 УК РСФСР от 27 октября 1960 г.** «за систематическое занятие бродяжничеством или попрошайничеством» устанавливалась уголовная ответственность в виде лишения свободы на срок до 2 лет или исправительных работ на срок от 6 до 12 месяцев.

Постановлением Президиума Верховного Совета РСФСР от 13 декабря 1984 г. «О порядке применения статьи 209

* О мерах борьбы с антиобщественными, паразитическими элементами: указ Президиума Верховного Совета СССР от 23 июля 1951 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

** Уголовный кодекс РСФСР от 27 окт. 1960 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. N 40. Ст. 591.

Уголовного кодекса РСФСР»*** уточнены определения: бродяжничество – «скитание лица, не имеющего постоянного места жительства, из одного населенного пункта в другой либо в одном городе (районе) из одного места в другое, проживающего на нетрудовые доходы с уклонением от общественно полезного труда более 4 месяцев подряд или в течение года в общей сложности более 4 месяцев»; попрошайничество – «проживание лица на нетрудовые доходы, добываемые путем выпрашивания у посторонних граждан денег, продуктов питания, одежды и иных материальных ценностей». Статья 209 была исключена из Уголовного кодекса только 5 декабря 1991 г., в настоящее время уголовная ответственность за данные деяния отсутствует.

Если бродяжничество взрослых не вызывает особых опасений со стороны государства до тех пор, пока такие лица не совершают административные правонарушения и преступления, то применительно к несовершеннолетним бродяжничество и попрошайничество – это большая проблема, требующая комплексного решения. Таких несовершеннолетних следует изымать из неблагоприятной среды в кратчайшие сроки, пока они еще не превратились в правонарушителей и преступников.

Но при этом нельзя считать, что нет необходимости воздействовать и на взрослых, занимающихся бродяжничеством и попрошайничеством, так как они могут вовлекать в данную деятельность несовершеннолетних. Решение данной проблемы осложняется отсутствием юридической ответственности за бродяжничество и попрошайничество.

В ряде случаев лица, занимающиеся попрошайничеством, при совершении дополнительных действий могут привлекаться к административной ответственности по ст. 20.1 КоАП РФ за мелкое хулиганство, однако диспозиции норм данной статьи не охватывают простое попрошайничество без нецензурной брани в общественных местах, оскорбительного приставания к гражданам, уничтожения или повреждения чужого имущества. В связи с этим

*** Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1984. N 51. Ст. 1793.

частично решение данной проблемы происходит на уровне субъектов Российской Федерации, в которых принимаются нормы, предусматривающие ответственность за подобные действия. В качестве примера можно привести следующие пути решения данной проблемы в субъектах Российской Федерации:

— в Кодексе г. Москвы об административных правонарушениях* содержится ст. 3.8 «Приставание к гражданам в общественных местах»;

— в Кодексе Томской области об административных правонарушениях** — ст. 3.15 «Назойливое приставание к гражданам в общественных местах»;

— в Кодексе Республики Башкортостан об административных правонарушениях*** — ст. 13.3 «Приставание к гражданам»;

— в Законе Свердловской области от 14 июня 2005 г. N 52-ОЗ «Об административных правонарушениях на территории Свердловской области»**** — ст. 41 «Приставание к гражданам»;

— в Законе Ярославской области от 3 декабря 2007 г. N 100-з «Об административных правонарушениях»***** — ст. 16 «Приставание к гражданам»;

— в Законе Омской области от 24 июля 2006 г. N 770-ОЗ «Кодекс Ом-

ской области об административных правонарушениях»***** — ст. 51 «Назойливое приставание к гражданам».

Казалось бы, проблему противодействия бродяжничеству и попрошайничеству можно решить путем введения аналогичных норм в каждом субъекте Российской Федерации и установления адекватной ответственности за рассматриваемые деяния. Однако следует учитывать проблему правоприменения, которая возникает в связи с ограниченными полномочиями органов внутренних дел при выявлении административных правонарушений, ответственность за которые установлена законодательством субъектов Российской Федерации. Для того чтобы сотрудники полиции могли выявлять соответствующие правонарушения и составлять административные протоколы, необходимо наличие соглашения между органами внутренних дел и органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации о передаче осуществления части полномочий. Если же данного соглашения нет, то и деятельность органов внутренних дел является вспомогательной, они могут лишь оказывать содействие в сборе материала.

В качестве одной из причин недостаточной эффективности реализации административной ответственности за рассматриваемую деятельность можно также назвать незначительный размер административного штрафа, который к тому же лица, привлеченные за попрошайничество, как правило, не оплачивают.

Вышеуказанные проблемы давно привлекают внимание исследователей, среди которых распространено мнение о необходимости ввести административную ответственность за бродяжничество и попрошайничество на федеральном уровне, предусмотрев в федеральных законах и КоАП РФ соответствующие нормы [2, с. 24]. Целесообразность введения такой ответственности подчеркивается наличием подобных норм в некоторых зарубежных странах. Например, законодательством

* Кодекс города Москвы об административных правонарушениях: закон г. Москвы от 21 нояб. 2007 г. N 45 // Ведомости Московской городской Думы. 2007. N 12.

** Кодекс Томской области об административных правонарушениях от 26 дек. 2008 г. N 295-ОЗ // Собрание законодательства Томской области. 2009. N 1.

*** Об административных правонарушениях: кодекс Республики Башкортостан от 23 июня 2011 г. N 413-з // Ведомости Государственного Собрания — Курултая, Президента и Правительства Республики Башкортостан. 2011. N 16 (358). Ст. 1151.

**** Об административных правонарушениях на территории Свердловской области: закон Свердловской области от 14 июня 2005 г. N 52-ОЗ // Собр. законодательства Свердловской области. 2005. N 6-1. Ст. 738.

***** Об административных правонарушениях: закон Ярославской области от 3 дек. 2007 г. N 100-з // Губернские вести. 2007. 8 дек.

***** Кодекс Омской области об административных правонарушениях: закон Омской области от 24 июля 2006 г. N 770-ОЗ // Омский вестник. 2006. N 54.

Дании*, Объединенных Арабских Эмиратов**, Турции***, Узбекистана**** установлена юридическая ответственность за попрошайничество.

Как положительный можно отметить подход стран романо-германской правовой системы к установлению ответственности за попрошайничество, который реализовывался на протяжении длительного периода времени. Соответствующая норма не сразу появлялась в административном законодательстве, сначала проводились информационные кампании, в ходе которых жителям разъяснялось о том, что не следует давать материальные ценности бездомным, просящим о подаянии, распространялись листовки, содержащие адреса и иные контакты общественных организаций, осуществляющих упорядоченную организацию помощи нуждающимся [3, с. 328]. Аналогичным образом следует подходить и к вопросу установления административной ответственности за бродяжничество и попрошайничество в Рос-

* Согласно ст. 197 (глава 22) Уголовного кодекса Дании (Законодательный декрет от 17 сентября 2019 г. N 976) «Попрошайничество... наказывается лишением свободы на срок до 6 месяцев» (см.: Юридическая информация Датского королевства: сайт. URL: <https://www.retsinformation.dk>).

** Федеральным законом Объединенных Арабских Эмиратов от 18 декабря 2018 г. N 9 «О противодействии попрошайничеству» предусмотрена следующая норма: «лицо, совершившее одиночное попрошайничество, наказывается лишением свободы на срок до 3 месяцев и штрафом» (см.: Официальный портал Правительства ОАЭ. URL: <https://u.ae>).

*** В соответствии с Законом о проступках Турецкой Республики от 30 марта 2005 г. N 5326 (часть вторая «Разные проступки, ст. 33) «На лицо, занимающееся попрошайничеством, налагается административный штраф» (см.: Официальная газета Турецкой Республики: сайт. URL: <https://www.resmigazete.gov.tr>).

**** Согласно ст. 1883 Кодекса Республики Узбекистан об административной ответственности от 22 сентября 1994 г. N 2015-XII «Попрошайничество... влечет наложение штрафа... или административный арест до пятнадцати суток» (см.: Национальная база данных законодательства Республики Узбекистан: сайт. URL: <https://lex.uz>).

сийской Федерации. Прежде всего должно быть создано достаточно таких организаций, в которых нуждающиеся смогут получить необходимую помощь, так как в противном случае установление ответственности не решит проблему.

Кроме того, представляется, что сначала должны быть реализованы административно-правовые меры защиты общества от угроз, связанных с бродяжничеством и попрошайничеством, например вынесение официального предостережения о недопустимости антисоциального поведения, применение медицинских и иных реабилитационных мер. И лишь в том случае, если лицо игнорирует указанные предостережения и меры, продолжает заниматься бродяжничеством, попрошайничеством, оно должно привлекаться к административной ответственности.

Анализируя преступную деятельность по вовлечению несовершеннолетних в бродяжничество и попрошайничество, отметим, что статистические данные свидетельствуют о незначительном количестве лиц, осужденных по ст.ст. 150 и 151 УК РФ (см. таблицу).

Количество осужденных по ч. 3 ст. 151 УК РФ на протяжении пяти лет (2017-2021 гг.) не превышало 5 человек в год****. Это связано с тем, что сотрудники органов внутренних дел нередко не могут надлежащим образом произвести доследственную проверку по фактам вовлечения несовершеннолетних в бродяжничество и попрошайничество, совершение преступления, в результате чего принимаются решения об отказе в возбуждении уголовного дела, а виновные лица остаются безнаказанными. Представляется, что причинами этого являются недостатки в работе органов внутренних дел при выявлении деяния, предусмотренного ст. 150 или ст. 151 УК РФ, и его расследовании, они же, в свою очередь, обусловлены недостатками правового регулирования, отсутствием необходимых методических рекомендаций, ненадлежащей организацией работы.

***** Судебная статистика Российской Федерации. Уголовное судопроизводство. Данные о назначенном наказании по статьям УК РФ // Судебная статистика РФ: сайт. URL: <http://stat.апи-пресс.рф>

Таблица

Количество лиц, осужденных по ст.ст. 150 и 151 УК РФ в 2017–2021 годах

Норма УК РФ	2017 год	2018 год	2019 год	2020 год	2021 год
ч. 1 ст. 150	210	185	172	132	127
ч. 1 ст. 151	119	117	120	94	130
ч. 2 ст. 151	54	51	55	49	43

Проверка сообщения о преступлении проводится преимущественно инспекторами подразделений полиции по делам несовершеннолетних, участковыми уполномоченными, дознавателями и следователями, расследуется данное преступление дознавателями и следователями органов внутренних дел. В качестве основных недостатков данной деятельности можно назвать доказывание субъективной и объективной стороны только на последней стадии расследования, а иногда и вовсе доказывание данных признаков надлежащим образом не осуществляется.

Выявление рассматриваемых деяний становится успешным в том случае, если имеет место совокупность следующих условий:

- анализ оперативной обстановки на территории обслуживания;

- взаимодействие субъектов выявления и расследования вовлечения несовершеннолетних в занятие бродяжничеством и попрошайничеством с различными подразделениями и службами органов внутренних дел, а также с предприятиями, учреждениями и организациями;

- проведение индивидуальной работы с несовершеннолетними [4, с. 70].

Изучение оперативной обстановки – это важная и многоаспектная деятельность, которая позволяет выявить факты вовлечения несовершеннолетних в рассматриваемые занятия. Она осуществляется посредством анализа:

- книг учета заявлений и сообщений о преступлениях, об административных правонарушениях, о происшествиях;

- книг учета лиц, доставленных в дежурную часть территориального органа МВД России;

- профилактических, розыскных, оперативно-справочных, криминалистических и регистрационных учетов органов внутренних дел;

- материалов об отказе в возбуждении уголовных дел;

- материалов уголовных и административных дел;

- сообщений от учебных, медицинских организаций и учреждений, а также различных государственных и общественных организаций.

Взаимодействие при выявлении фактов вовлечения несовершеннолетних в занятие бродяжничеством и попрошайничеством – не менее важное условие эффективности данной деятельности. Основные субъекты выявления данных деяний – сотрудники подразделений по делам несовершеннолетних, но факты бродяжничества и попрошайничества лиц, не достигших восемнадцатилетнего возраста, могут быть выявлены и участковым уполномоченным полиции во время профилактического обхода обслуживаемого участка, оперуполномоченными уголовного розыска посредством осуществления оперативно-розыскной деятельности. При этом требуется установить, занимаются ли несовершеннолетние этим по своей инициативе или были вовлечены в данные занятия взрослыми лицами, имело ли место систематическое вовлечение в занятия бродяжничеством и попрошайничеством [5, с. 41].

Немаловажное значение имеет взаимодействие подразделений по делам несовершеннолетних с лицом, проводящим предварительное расследование, в случае установления наличия признаков состава преступления, предусмотренного ст. 151 УК РФ. После того как факт вовлечения в занятие попрошайничеством и бродяжничеством установлен и проведена проверка, материал передается в орган расследования.

Предварительное расследование в соответствии со ст. 151 УПК РФ по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ч. 1 ст. 151 УК РФ, производится

дознателями органов внутренних дел Российской Федерации; предусмотренных чч. 2 и 3 ст. 151 УК РФ — следователями органов внутренних дел Российской Федерации. Следователями Следственного комитета Российской Федерации предварительное расследование по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ст. 151 УК РФ, производится в случае их выявления следователями Следственного комитета Российской Федерации в ходе расследования уголовных дел о тяжких и особо тяжких преступлениях, совершенных несовершеннолетними и в отношении несовершеннолетних.

Сотрудники подразделений полиции по делам несовершеннолетних должны находиться в тесном взаимодействии с должностными лицами предприятий, учреждений, организаций, особенно образовательных организаций, которые знают о том, что несовершеннолетний занимается попрошайничеством, и даже тех, кто его вовлекает. Получить эти данные сотрудник органов внутренних дел может лишь при наличии соответствующего контакта с указанными лицами.

Проводя проверку по сообщению о вовлечении несовершеннолетнего в занятие бродяжничеством и попрошайничеством, инспектору полиции по делам несовершеннолетних приходится достаточно часто вступать в контакт с несовершеннолетними, как с теми, кому известно о фактах бродяжничества и попрошайничества иных лиц, так и с теми, кто непосредственно вовлечен в данные занятия, производить их опрос. Однако для того чтобы опрос был результативным, необходима подготовка. Прежде всего, следует составить психологический портрет несовершеннолетнего, для чего необходимо обладать сведениями о его связях, интересах, времяпровождении, условиях жизни и воспитания. Это позволит создать психологический контакт с опрашиваемым. При этом важно учитывать и конкретный возраст опрашиваемого, поскольку он определяет способность несовершеннолетнего к восприятию и изложению информации [6, с. 198].

Производя опрос несовершеннолетних, необходимо учитывать, что его условно можно разделить на несколько частей:

— вводную, в ходе которой у опрашиваемого выясняются его анкетные данные, сведения об условиях его проживания и воспитания;

— вступление в психологический контакт с несовершеннолетним, для чего целесообразно вести беседу на отвлеченные темы, например об интересах опрашиваемого, его друзей и знакомых;

— основную часть опроса, которая следует после установления психологического контакта. Здесь необходимо получить всю интересующую информацию: выяснить, что известно о вовлечении несовершеннолетнего в занятие бродяжничеством, попрошайничеством, кто и при каких обстоятельствах вовлек в эту деятельность не достигшее совершеннолетия лицо;

— заключительную часть опроса, в ходе которой осуществляется оценка полученной информации, сопоставление ее с поступившей от иных лиц в ходе проверки по сообщению, выявление противоречий, неясностей.

В ходе расследования деяний, связанных с вовлечением несовершеннолетних в бродяжничество, попрошайничество, могут быть произведены различные следственные действия, направленные на их доказывание. Сложности, с которыми сталкиваются дознаватели и следователи в ходе расследования, фактически аналогичны трудностям, которые имеют место в ходе проверки сообщения о преступлении: необходимо доказать, что несовершеннолетний действительно был вовлечен в бродяжничество или попрошайничество взрослым лицом; уточнить конкретный способ совершения данного преступления; а также установить, что данное деяние не было совершено в силу трудной жизненной ситуации совершеннолетнего лица.

Следует учитывать, что могут иметь место ситуации, когда органами расследования инкриминируется виновному вовлечение несовершеннолетнего одновременно в занятие бродяжничеством и попрошайничеством, но доказать удается вовлечение только в один из указанных видов деятельности.

В рамках расследования уголовного дела важное значение уделяется также и предупреждению вовлечения несовершеннолетних в занятие бродяжничеством, по-

прошайничеством, в связи с чем по каждому уголовному делу, возбужденному по ст. 151 УК РФ, дознаватели и следователи должны выносить представления об устранении причин и условий, способствовавших совершению преступления. Данные представления должны выноситься по каждому уголовному делу.

Представляется, что следует повышать и роль профилактической деятельности дознавателей и следователей, для чего необходимо привлекать их к проведению бесед в образовательных организациях с целью информирования несовершеннолетних о негативных последствиях занятия бродяжничеством и попрошайничеством. Подобные выступления целесообразно организовывать на общих собраниях детей и родителей, приводя примеры из практики. Также требуется повышать качество представлений по уголовным делам, указывая в них действительные причины и условия, способствующие вовлечению несовершеннолетних в занятие бродяжничеством и попрошайничеством.

В заключение можно сделать следующие выводы. Предупреждение бродяжничества, попрошайничества, беспризорности несовершеннолетних органами внутренних дел затрудняется прежде всего отсутствием достаточной правовой базы. Как правило, несовершеннолетние «прибиваются» к совершеннолетним лицам, бродяжничающим и попрошайничающим, а в отношении последних не предусмотрена какая-либо ответственность за ведение ими подобного образа жизни. В связи с этим видится необходимым совершенствовать предупредительную деятельность в комплексе, для чего было бы целесообразно:

- предусмотреть административно-правовые нормы, нацеленные на социализацию лиц, занимающихся бродяжничеством и попрошайничеством;
- административную ответственность для лиц, которые не желают прекращать такой образ жизни;
- уголовную ответственность за попрошайничество и бродяжничество для лиц, привлеченных к административной ответственности, если они продолжают подобные занятия.

Следует также обратить внимание на проблемы, возникающие при выявле-

нии, документировании и расследовании фактов вовлечения несовершеннолетних в занятие бродяжничеством и попрошайничеством, которые тесно связаны с несовершенством уголовного законодательства, затрудняющим квалификацию деяния. В связи с этим в целях предупреждения попрошайничества и бродяжничества несовершеннолетних также представляется необходимым усовершенствовать ст. 151 УК РФ, устанавливающую ответственность за вовлечение несовершеннолетних в данные занятия, а именно:

1. Немаловажной проблемой является отсутствие определения такого термина, как «вовлечение», в связи с чем необходимо его закрепление не только в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации, но и в УК РФ. Также целесообразно включить в диспозицию ч. 1 ст. 150 УК РФ исчерпывающий перечень способов, с помощью которых несовершеннолетний может быть вовлечен в рассматриваемые занятия. При этом в обязательном порядке должен найти свое законодательное закрепление такой способ, как предложение, поскольку, как показывает практика, это самый распространенный способ вовлечения несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий.

2. В статье 151 УК РФ следует указать на условие «заведомость» применительно к несовершеннолетнему потерпевшего.

3. Определить, что систематичность имеет место в том случае, когда лицо вовлекается в определенные действия не менее трех раз и в промежуток времени, не превышающий одного года.

4. Предусмотреть, что занятие попрошайничеством будет иметь место в том случае, если несовершеннолетний просит денежные средства более чем у одного постороннего лица.

5. Ужесточить уголовную ответственность не только тех лиц, на которых законом возложена обязанность воспитания несовершеннолетних, но и фактически исполняющих данные обязанности.

6. Следует ввести в ст. 151 УК РФ такой квалифицирующий признак вовлечения несовершеннолетних в антиобщественные действия, как использование для этого сети Интернет.

Список источников

1. Гордеев А.Ю. Генезис и правовая природа бродяжничества и попрошайничества в России на современном этапе // Вестник Белгородского юридического института МВД России. 2016. N 1 (27). С. 33-41.
2. Берген Н.А. Актуальные проблемы правоприменения в области борьбы с бродяжничеством в России // Актуальные проблемы правового, социального и политического развития России: материалы междунар. науч.-практ. конф., посвященной 110-летию Саратовского государственного университета, Саратов, 25 апреля 2019 г. Саратов: Саратовский источник, 2019. С. 23-25.
3. Бучакова М.А., Дизер О.А. Актуальные вопросы правового регулирования противодействия бродяжничеству и попрошайничеству на современном этапе // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях: сб. материалов междунар. науч.-практ. конф., Иркутск, 5 июня 2020 г. Иркутск: Изд-во Восточно-Сибирского юрид. ин-та МВД России, 2020. С. 328-330.
4. Теохаров А.К. Выявление фактов вовлечения несовершеннолетних в занятие попрошайничеством // Правопорядок: история, теория, практика. 2020. N 2 (25). С. 69-74.
5. Жайворонок А.В., Тимко С.А. Оперативно-профилактические операции как средство предупреждения виктимности несовершеннолетних // Виктимология. 2016. N 1 (7). С. 41-47.
6. Чехова И.А. Психологические аспекты изучения личности подростков, склонных к бродяжничеству // Образование и саморазвитие. 2008. N 3(9). С. 196-201.

References

1. Gordeev A.Yu. Genesis and legal nature of vagrancy and begging in Russia at the present stage. Bulletin of the Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2016, no. 1 (27), pp. 33-41. (In Russ.).
2. Bergen N.A. Actual problems of law enforcement in the field of combating vagrancy in Russia. Actual problems of the legal, social and political development of Russia. Saratov, Saratovskiy istochnik Publ., 2019. Pp. 23-25. (In Russ.).
3. Buchakova M.A., Dizer O.A. Actual issues of legal regulation of counteracting vagrancy and begging at the present stage. Law enforcement activities in modern conditions. Irkutsk, Publishing House of the East Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2020. Pp. 328-330. (In Russ.).
4. Teokharov A.K. Identification of the facts of involvement of minors in begging. Law and order: history, theory, practice, 2020, no. 2 (25), pp. 69-74. (In Russ.).
5. Zhayvoronok A.V., Timko S.A. Operative and preventive operations as a means of preventing victimization of minors. Victimology, 2016, no. 1 (7), pp. 41-47. (In Russ.).
6. Chekhova I.A. Psychological aspects of studying the personality of adolescents prone to vagrancy. Education and self-development, 2008, no. 3 (9), pp. 196-201. (In Russ.).

Раздел 7. Проблемы юридической науки и правоохранительной практики: взгляд молодых исследователей

Научная специальность: 12.00.09 (5.1.4)

Виды физического принуждения, обеспечивающие производство следственных действий

Наталья Игоревна Молунова,

Сибирский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, Красноярск, Россия, nmolunova@yandex.ru

Аннотация. В статье рассмотрена проблема применения физического принуждения при производстве следственных действий в условиях отсутствия его процессуальной регламентации. На основе научного анализа автором разделяется позиция о необходимости рассмотрения следственных действий принудительного характера вне системы мер процессуального принуждения. В связи с этим обоснована и представлена авторская классификация видов физического принуждения, обеспечивающих производство следственных действий. На основе классификации выявлены дополнительные правовые источники регламентации применения мер физического воздействия, а также недостатки уголовно-процессуального регулирования применения физической силы как способа физического принуждения непосредственно органами предварительного расследования. Представлены предложения по изменению процессуального законодательства в части рассматриваемой проблемы.

Ключевые слова: следственные действия, физическое принуждение, меры принуждения, меры физического воздействия, недопустимые доказательства, права участников уголовного процесса

Для цитирования: Молунова Н.И. Виды физического принуждения, обеспечивающие производство следственных действий // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2022. N 3 (61). С. 89-99.

Types of physical coercion ensuring the conduction of investigative actions

Natalya I. Molunova,

Siberian Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, Krasnoyarsk, Russian, nmolunova@yandex.ru

Abstract. The problem of applying physical coercion when conducting the investigative actions in the absence of its procedural regulation is considered. Basing on the scientific analysis, the author shares the position on the need to consider the coercive investigative actions outside the system of procedural coercion measures. The author's classification of the types of physical coercion, ensuring the conduction of investigative actions, is substantiated and provided. Basing on the classification, some additional legal sources of regulating the application of measures of physical influence, as well as defects in the criminal procedural regulation of applying physical force as a means of physical coercion by the preliminary investigation bodies, are identified. Some proposals on changing the procedural legislation regarding the problem under consideration are provided.

Keywords: investigative actions, physical coercion, coercion measures, measures of physical influence, inadmissible proves, rights of participants in criminal proceedings

For citation: Molunova N.I. Types of physical coercion ensuring the conduction of investigative actions // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2022. No. 3 (61). P. 89-99.

До настоящего момента в науке уголовного судопроизводства не сложилось единое мнение относительно места физического воздействия в системе процессуального принуждения. Обобщение и анализ имеющихся авторских позиций по рассматриваемому вопросу позволяют выделить несколько направлений, определяющих место физического принуждения в уголовном процессе. В советский период неоднократно предпринимались успешные попытки формулирования авторских позиций относительно места физического воздействия в системе принуждения, они отражались в классификациях мер процессуального принуждения. После изучения в рассматриваемом аспекте работ З.Ф. Ковриги, З.Д. Еникеева, З.З. Зинатуллина, В.М. Корнукова [1, с. 30-80; 2, с. 102-103; 3, с. 12-13; 4, с. 8-9] и других авторов стало очевидно, что большинство советских ученых наряду с собственно мерами принуждения относили к институту процессуального принуждения следственные действия принудительного характера* как самостоятельные меры принуждения.

Следует отметить, что такая позиция ученых обуславливается тенденциями советской науки уголовного судопроизводства и общепринятой в то время концепцией «широкого понимания мер уголовно-процессуального принуждения», которая была связана:

– с отсутствием в советском уголовно-процессуальном законодательстве основных понятий института процессуального принуждения, таких как «меры уголовно-процессуального принуждения», «иные меры процессуального принуждения»;

– отсутствием в УПК РСФСР 1960 года самостоятельного раздела, посвященного мерам процессуального принуждения.

Однако такой подход имеет своих сторонников и в современной науке уголовного процесса. И.Л. Трунов и Л.К. Трунова к мерам принуждения относят обыск, получение образцов для сравнительного исследования, выемку и ос-

* Как правило, к таким следственным действиям авторы относили те, при производстве которых допустимо применение физического воздействия, а именно: освидетельствование, обыск, выемку и получение образцов для сравнительного исследования.

видетельствование, обосновывая свою точку зрения тем, что перечисленные следственные действия непосредственно связаны с ограничением конституционных прав и носят принудительный характер [5, с. 81].

По мнению О.И. Цоколовой, выделение особой группы следственных действий – мер принуждения – является вполне оправданным, поскольку именно принуждение гарантирует достижение цели доказывания обстоятельств по уголовному делу [6, с. 12-13].

А.А. Чувилев, В.В. Кальницкий, П.Г. Марфицин, С.А. Шейфер [7, с. 46-47; 8, с. 39; 9, с. 106] относятся к сторонникам противоположной позиции, согласно которой следственные действия имеют принудительный характер, но мерами принуждения не являются. Более того, развивая эту позицию, некоторые авторы признают физическое воздействие в рамках следственных действий отдельным видом государственного принуждения в уголовном процессе.

Поддерживая последнюю точку зрения, отметим, что одним из главных признаков, четко разграничивающих меры процессуального принуждения и меры физического воздействия в рамках следственных действий, является цель их осуществления. Так, физическое принуждение, применяемое при производстве следственных действий, направлено на преодоление активного (пассивного) противодействия со стороны участников уголовного судопроизводства с целью обеспечения процесса получения доказательств. Здесь важно уточнить, что применение физического принуждения не является самоцелью следственного действия и находит свое место в производстве следственных действий только в исключительных случаях. Помимо сказанного, нельзя не обратить внимание и на то, что законодательно следственным действиям в системе уголовно-процессуального права отведено отдельное место – глава VIII УПК РФ, определяющая процессуальную форму с четко установленными основаниями и условиями (не совпадающими в этой части с мерами процессуального принуждения) и порядок производства следственных действий.

Цель применения мер принуждения, закрепленных в разделе IV УПК РФ, в об-

щем смысле интерпретируется в науке как предупреждение нарушений со стороны подозреваемого, обвиняемого и обеспечение нормального хода уголовного судопроизводства [10, с. 75-76]. Напрямую указанная цель не связана с непосредственным процессом доказывания и в отличие от пресекательного характера мер физического воздействия при производстве следственных действий носит превентивный характер.

Полагаем совершенно обоснованной позицию о выделении мер физического воздействия как обеспечительного средства процессуальных действий в отдельную группу. Такой вывод определяет направление в развитии положений о законодательном закреплении на отраслевом уровне субъектов, оснований, условий и пределов применения физической силы при производстве следственных действий.

В связи с этим предлагается процессуальное определение мер физического воздействия (отражающее его отличительные признаки) как исключительного уголовно-процессуального средства преодоления противодействия участников уголовного судопроизводства при производстве следственных действий с целью обеспечения процесса доказывания.

Физическое принуждение в процессуальной литературе рассматривается как отдельная форма воздействия, которая предполагает применение физической силы и допустима в процессе проведения следственных действий и реализации мер процессуального принуждения [11, с. 8]. Однако детальный анализ юридической литературы позволяет сделать вывод: наука уголовного процесса не имеет содержательного определения понятия физического принуждения и использует его бессистемно. Для дальнейшего успешного изучения феномена физического принуждения в уголовном судопроизводстве считаем целесообразным рассмотреть его содержательную часть.

Анализируя понятие физического принуждения, следует учитывать, что отличительной чертой этого вида государственного принуждения является способ его осуществления (физическая сила).

Априори в правовой науке главной составляющей физического принуждения признается физическая сила. Уголовно-

процессуальное право не использует это понятие как нормативно определенное. В свою очередь, термин «физическая сила» известен юриспруденции в контексте ст. 23 Федерального закона от 7 февраля 2011 г. N 3-ФЗ «О полиции»* (далее – Федеральный закон «О полиции»), однако законодательное определение этого понятия, определяющее объем принудительных действий, также отсутствует. Это вызывает трудности толкования содержания физического принуждения и, соответственно, разногласия в его терминологическом определении.

Наиболее часто рассматриваемое понятие используется в юридической литературе в контексте полицейского и административного права. При этом можно выделить несколько подходов.

Первая группа авторов придерживается узкого подхода к пониманию термина «физическая сила», рассматривая его только как применение мускульного воздействия в отношении человека и материальных объектов сотрудниками правоохранительных органов без использования подручных средств [12].

В рамках широкого подхода в содержание физической силы включается не только мускульное воздействие, но и физическая сила с применением специальных средств. Например, А.А. Косенко предлагает рассматривать применение физической силы расширительно, как любое физическое воздействие, направленное сотрудником органов внутренних дел на правонарушителя [13, с. 158].

В контексте применения физического принуждения в рамках уголовного судопроизводства считаем нецелесообразным связывать его только с применением физической силы в ее понимании в соответствии с ФЗ «О полиции». Следует придерживаться широкого подхода.

Выбранная позиция подтверждается анализом следственно-судебной практики, который свидетельствует, что чаще всего помимо мускульной силы при применении физического принуждения в качестве

* О полиции: федер. закон от 7 февр. 2011 г. N 3-ФЗ: ред. от 21 дек. 2021 г. // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. N 7. Ст. 900; 2021. N 52 (ч. 1). Ст. 8983.

дополнительного средства правоприменители используют запястные браслеты (наручники)*. Кроме того, на возможность применения специальных средств при производстве следственных действий обращено внимание и в процессуальной литературе.

Результатом изучения понятия «физическая сила» стала классификация ее видов, имеющих значение для правовой регламентации физического принуждения в уголовном судопроизводстве.

Так, в зависимости от объекта воздействия сила подразделяется:

– на воздействие, направленное на предметы;

– воздействие, направленное на лиц.

Возможность применения физической силы в уголовно-процессуальной деятельности, направленной на предметы, наглядно просматривается в нормах, посвященных порядку производства обыска. Так, согласно ч. 6 ст. 182 УПК РФ в рамках производства обыска следователь имеет право вскрывать любые помещения, если владелец отказывается добровольно их открыть.

В зависимости от способа выделяется:

– мускульное (физическое) воздействие;

– физическое воздействие с применением специальных средств.

Рассматривая первый пункт данной классификации, отметим, что степень мускульного воздействия может быть разной, от незначительной (воспрепятствование путем преграды рукой или телом, отбивки, прихватов и удержания конечностей) до существенной (боевые приемы борьбы, включающие в себя удары, броски, удушающие приемы, приемы борьбы в партере). Выбор степени мускульного воздействия зависит от складывающейся следственной ситуации и оказываемого противодействия со стороны участников следственного действия.

Однако в науке вопрос рассмотрения физического принуждения как обосо-

бленного (самостоятельного) элемента системы процессуального принуждения для разрешения правоприменительных проблем разработан недостаточно.

Анализ законодательства и правоприменительной практики позволяет сделать вывод о том, что физическое принуждение при производстве следственных действий возможно не только для обеспечения процесса доказывания, но и в других целях, обеспечивающих решение задач уголовного судопроизводства, что вызывает необходимость рассмотрения его как системы обеспечительных средств. Такой подход позволит определить особенности каждого элемента (вида физического принуждения) системы мер физического воздействия, что, в свою очередь, станет основой специального нормативно-правового регулирования применения физической силы в уголовном процессе в зависимости от его вида.

В настоящее время законодательно система процессуального принуждения представлена в содержании раздела IV Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (УПК РФ), регламентирующего «автономный уголовно-процессуальный институт» – меры процессуального принуждения, в рамках которого выделяются: задержание подозреваемого, меры пресечения, иные меры процессуального принуждения.

Из представленных мер с непосредственным использованием физического воздействия связаны задержание, заключение под стражу и привод. Физическая сила в названных мерах принуждения является одним из способов их применения, о чем прямо указано в законе. Например, согласно ч. 2 ст. 113 УПК РФ «привод состоит в принудительном доставлении лица...». Порядок производства указанных мер детально регламентирован в законодательстве.

Однако, анализируя положения уголовно-процессуального закона, в системе процессуального принуждения (в ее широком понимании) наряду с мерами физического воздействия в рамках института мер принуждения (раздел IV УПК РФ) можно выделить меры физического воздействия, применяемые при производстве следственных действий, которые, как нами

* Приговор Крыловского районного суда (Краснодарский край) от 27 мая 2016 г. по уголовному делу N 1-24/2016; Приговор Шарыповского городского суда (Красноярский край) от 8 окт. 2020 г. по делу N 1-46/2020 // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. URL: <http://www.sudact.ru>

было установлено ранее, не входят в число собственно мер принуждения.

При осуществлении уголовного преследования у сотрудников правоохранительных органов нередко возникает необходимость применения физической силы в рамках производства следственных действий. Как правило, такая необходимость обуславливается преодолением активного (или пассивного) противодействия в форме отказа от совершения действий или нарушения запретов, установленных уголовно-процессуальным законом, со стороны участников уголовного судопроизводства.

Физическое воздействие (именно в такой формулировке) в пределах производства следственных действий прямо не предусмотрено уголовно-процессуальным законодательством, лишь анализ отдельных норм позволяет судить о возможности его применения.

При производстве обыска и выемки закон допускает применение физической силы в нескольких случаях:

1) вскрытие любых помещений, если владелец отказывается добровольно их открыть (ч. 6 ст. 182 УПК РФ);

2) принудительное изъятие предметов, документов, ценностей, имеющих значение для уголовного дела (ч. 5 ст. 182, ч. 13 ст. 182, ч. 5 ст. 183, ст. 184 УПК РФ);

3) применение физического принуждения при попытках уничтожить или спрятать подлежащие изъятию предметы, документы, ценности (ч. 14 ст. 182 УПК РФ);

4) запрет покидать помещение (ч. 8 ст. 182 УПК РФ).

На возможность принудительного производства освидетельствования указывает ч. 1 ст. 179 УПК РФ, согласно которой в отношении свидетеля освидетельствование может быть проведено только при условии его согласия, а по отношению к другим участникам такое условие не установлено. Из этого следует вывод о том, что они могут быть подвергнуты принудительному освидетельствованию. Помимо этого, в законодательстве содержится положение о том, что постановление о производстве освидетельствования носит обязательный характер. Это также подтверждает потенциальный принудительный характер данного следственного действия.

Принудительный характер такого следственного действия, как получение образцов для сравнительного исследования, можно выявить в содержании ч. 2 ст. 202 УПК РФ, на первый взгляд, устанавливающей запрет на применение принудительных мер. Однако, по нашему мнению, положение о запрете применять методы, опасные для жизни и здоровья человека или унижающие его честь и достоинство, лишь очерчивает пределы возможного принуждения; то есть допустимо все, что не несет опасности для жизни и здоровья и не унижает честь и достоинство. Аналогично возможность принудительного получения образцов для сравнительного исследования обосновывается в науке уголовного судопроизводства [14, с. 77].

Если говорить о допросе, очной ставке, предъявлении лица для опознания, то очевидна невозможность использования физической силы для получения результатов при производстве этих следственных действий. Данная позиция подтверждается, в частности, определением Конституционного Суда Российской Федерации, в котором указано, что «в соответствии с ч. 2 ст. 21 Конституции Российской Федерации и ч. 4 ст. 164 УПК РФ запрещается получать показания подозреваемого, обвиняемого путем насилия, угроз и иных незаконных мер». Такие действия будут квалифицированы по ст. 286 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Таким образом, все следственные действия в зависимости от возможности применения при их производстве физического принуждения могут быть разделены на две группы:

– действия, при производстве которых применение физической силы недопустимо;

– действия, при производстве которых применение физической силы допустимо.

Однако следует обратить внимание на то, что следственные действия, связанные с получением показаний, по своей природе не имеющие принудительного характера, организационно могут обеспечиваться мерами физического воздействия. Ярким примером такого обеспечения служит допрос обвиняемого, доставленного к следователю посредством привода

(ст. 113 УПК РФ). В данном случае мера физического принуждения не является составной частью самого следственного действия (ее применение непосредственно не направлено на получение показаний), а представляет собой обеспечительное средство организации его производства.

Аналогичным случаем является и реализация права следователя не допускать законного представителя к участию в допросе несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля, если это может противоречить интересам последнего (ч. 3 ст. 191 УПК РФ).

Толкование положения о праве следователя давать обязательное для исполнения письменное поручение следователю, дознавателю или органу дознания об организации участия лица в следственном действии посредством видео-конференц-связи (п. 4.1 ч. 2 ст. 38 УПК РФ) также свидетельствует о возможном использовании при его реализации мер физического воздействия с целью организации следственного действия.

Следует отметить, что примером подобного рода соотношения следственного действия и меры физического воздействия может быть предъявление для опознания и физическое принуждение, примененное к опознаваемому до начала следственного действия (при его активном противодействии) с целью привести опознаваемого в должный внешний вид для соблюдения всех условий следственного действия (например, сбрить бороду, подстричь волосы и т.п.) [15, с. 57]. Однако, в отличие от привода, законодательство не предусматривает подобную процедуру обеспечения производства предъявления для опознания, что лишает органы расследования инструмента преодоления противодействия в подобных случаях. Безусловно, вопрос регламентации подобного вида мер физического воздействия требует детальной научной проработки, но даже сейчас, опираясь на логику законодателя и применяя аналогию закона, считаем вполне обоснованным говорить о допустимости подобной процедуры наряду с приводом, обеспечивающим явку на допрос.

Еще одним примером применения физической силы как средства, обеспечивающего организацию следственного дей-

ствия, является норма о помещении обвиняемого (подозреваемого) на основании судебного решения в медицинскую организацию с целью производства судебно-медицинской или судебно-психиатрической экспертизы (ч. 2 ст. 203 УПК РФ).

В развитие представленных выше положений закона возможность применения физической силы при производстве следственных действий признается наукой уголовного процесса [16, с. 142]. Также положение о допустимости применения физического принуждения подтверждается рядом решений Европейского Суда по правам человека и высших судебных органов Российской Федерации*.

Следует констатировать, что уголовно-процессуальный закон имеет ряд серьезных пробелов относительно правовой регламентации применения физического принуждения. Отсутствие детальной законодательной регламентации оснований, условий, субъектов и пределов применения физической силы при производстве следственных действий порождает систему правовых и организационных проблем: отсутствие правовых гарантий законности и обоснованности ограничения права на личную неприкосновенность, необоснованное уголовное преследование или, наоборот, его прекращение, признание результатов следственного действия недопустимыми доказательствами, а действий властных субъектов уголовного судопроизводства – незаконными [17, с. 154].

Усугубляет сложившуюся ситуацию и то, что помимо физического воздействия как процессуального средства, используемого в качестве средства преодо-

* Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Черкесского городского суда Карачаево-Черкесской Республики о проверке конституционности пункта 2 части 4 статьи 46 и пункта 3 части 4 статьи 47 УПК РФ: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 16 дек. 2004 г. N 448 // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. URL: <http://www.sudact.ru>; Постановление Европейского Суда по правам человека от 3 мая 2012 г. по делу «Салихов против России» (жалоба N 23880/05); Постановление Европейского Суда по правам человека от 17 дек. 1996 г. по делу «Саундерс против Соединенного Королевства» (жалоба N 19187/91). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ления противодействия со стороны участников уголовного судопроизводства при производстве следственных действий, в практической деятельности следственных органов возникает необходимость в использовании полицейского (административного) принуждения, обеспечивающего организационный порядок производства следственного действия.

Это предопределяет наличие в деятельности органов расследования трудностей при разграничении указанных видов физической силы, обеспечивающих следственные действия. По причине отсутствия детальной регламентации применения собственно процессуальных мер физического воздействия между рассматриваемыми видами стираются границы и появляются проблемы в разграничении разноотраслевых средств преодоления противодействия со стороны участников следственного действия.

В связи с этим в правоприменительной практике возникает справедливый вопрос о том, когда необходимо использовать процессуальные средства, в каких случаях следует прибегнуть к использованию административно-правовых средств физического воздействия.

Подобная неоднозначность в выборе правильного силового средства обеспечения в конкретной следственной ситуации вызывает затруднения при определении оснований, условий и субъектов применения средств физического воздействия. Как следствие, это приводит к нарушению порядка применения физической силы в рамках уголовного судопроизводства, что может повлечь за собой признание принятых решений недействительными, а полученные результаты – недопустимыми.

Таким образом, чтобы избежать неоднозначности в правовой регламентации применения того или иного вида физической силы, а также для большей определенности природы и процессуальной формы применения тех или иных мер физического воздействия при производстве следственных действий все меры целесообразно разделить на две группы. При этом критерием классификации следует признать цель их применения.

Первая группа – это физическое принуждение, применяемое с целью обеспечения процесса доказывания, когда противо-

действие участников уголовного судопроизводства непосредственно направлено на воспрепятствование процессу доказывания (уничтожение подлежащих изъятию предметов, документов, ценностей; отказ от освидетельствования; отказ от дачи образцов для сравнительного исследования и т.п.).

Субъектами применения этого вида физического принуждения в зависимости от складывающейся следственной ситуации могут выступать следователь (дознатель), сотрудники органа дознания, сотрудники силовых подразделений правоохранительных органов и медицинские работники.

Например, сотрудники, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, являющиеся должностными лицами органов внутренних дел Российской Федерации, в рамках производства следственных действий могут применять физическую силу по основаниям, предусмотренным в Федеральном законе «О полиции». При этом важным условием законности применения такого принуждения, находящим свое отражение в судебной практике судов общей юрисдикции при разрешении вопросов о законности применения физического принуждения в рамках следственных действий*, является должным образом закрепленное участие сотрудника органа дознания в производстве следственного действия, либо основанное на отдельном поручении следователя (п. 4 ч. 2 ст. 38 УПК РФ), либо осуществляемое в соответствии с ч. 7 ст. 164 УПК РФ.

Помимо этого, следует уделить большое внимание предусмотренным в федеральном законе основаниям применения физической силы в рамках обеспечения процесса доказывания. В соответствии с п. 3 ч. 1 ст. 20 Федерального закона «О полиции» одним из оснований применения физической силы является преодоление противодействия законным требованиям сотрудника полиции. На первый взгляд, это надлежащее основание применения физи-

* См., например: Апелляционное постановление Томского областного суда города Томска от 21 дек. 2020 г. N 22-2231/2020; Апелляционное постановление Амурского областного суда от 11 февр. 2016 г. N 22-176/16 // Судебные и нормативные акты РФ: сайт. URL: <http://www.sudact.ru>

ческой силы для преодоления активного противодействия со стороны участников следственного действия в целях обеспечения процесса доказывания, однако при буквальном толковании наличие термина «противодействие сотруднику полиции»* вызывает справедливый вопрос о целесообразности оперирования этим основанием, если непосредственно противодействие оказывается следователю, не являющемуся сотрудником полиции. Полагаем, что если противодействие в рамках производства следственного действия осуществляется не по отношению непосредственно к законным требованиям сотрудника полиции, то необходимо обратиться к п. 1 ч. 1 ст. 20 Федерального закона «О полиции», устанавливающему в качестве основания применения физического воздействия пресечение преступлений и административных правонарушений. В анализируемой ситуации основанием будет считаться пресечение правонарушения, предусмотренного ст. 17.7 КоАП РФ, которой установлена ответственность за умышленное невыполнение законных требований следователя, дознавателя.

Нормативно-правовую базу применения физического принуждения сотрудниками органов дознания иных правоохранительных органов составляют нормативные правовые акты, регулирующие деятельность соответствующего органа дознания**.

* Согласно ч. 1 ст. 25 Федерального закона «О полиции» «сотрудником полиции является гражданин Российской Федерации, который осуществляет служебную деятельность на должности федеральной государственной службы в органах внутренних дел и которому в установленном порядке присвоено специальное звание, предусмотренное статьей 26 настоящего Федерального закона».

** См., например, федеральные законы от 27 мая 1996 г. N 57-ФЗ «О государственной охране», от 3 авг. 2018 г. N 289-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», от 19 июля 2018 г. N 197-ФЗ «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации “Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы”», от 21 июля 1997 г. N 118-ФЗ «Об органах принудительного исполнения Российской Федерации» и др.

Правовой основой применения физического принуждения сотрудниками специальных силовых подразделений выступают межведомственные приказы***, закрепляющие порядок взаимодействия следственных подразделений с силовыми структурами для осуществления силового сопровождения производства следственного действия.

Медицинские сотрудники также в ряде случаев могут выступать субъектами применения физического принуждения с целью обеспечения процесса доказывания, например при производстве судебно-медицинской экспертизы (правовым основанием является п. 5 ч. 9 ст. 20 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. N 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»)****.

Наиболее уязвимым субъектом применения данного вида физического воздействия является следователь. Процессуальное законодательство не предусматривает право следователя на применение физической силы. Изучение следственной практики и результаты проведенного нами анкетирования***** позволяют сделать вывод о том, что в деятельности следователя нередко возникает необходимость в непосредственном применении мер фи-

*** См., например: О некоторых вопросах организации взаимодействия войск национальной гвардии Российской Федерации с Министерством внутренних дел Российской Федерации, его территориальными органами (подразделениями) при выполнении задач по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности: приказ Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации и МВД России от 7 окт. 2016 г. N 292/633. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

**** Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: федер. закон от 21 нояб. 2011 г. N 323-ФЗ; ред. от 2 июля 2021 г. // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

***** Анкетирование проводилось в 76 регионах Российской Федерации. В число респондентов вошли около 700 сотрудников следственных подразделений МВД России. В профессиональной деятельности 78 % опрошенных следователей имелась необходимость самостоятельного применения мер физического воздействия.

зического воздействия при производстве процессуальных действий, когда ситуация активного противодействия возникает спонтанно и промедление с применением меры физического воздействия может привести к негативным последствиям (уничтожение вещественных доказательств, утрата материалов уголовного дела, причинение вреда жизни и здоровью участников процессуальных действий).

В то же время утверждение о полном отсутствии регламентации применения физической силы следователем не совсем верно. Так, ст. 32 Федерального закона «О полиции» предусматривает право сотрудников органов внутренних дел, в том числе следователей, исполнять полномочия полиции по решению руководителя территориального органа МВД России, принимаемому в отношении отдельного сотрудника и оформляемому правовым актом (приказом, распоряжением). Как показало интервьюирование правоприменителей, рассматриваемое положение чаще всего реализуется в случаях привлечения следователей к обеспечению общественного порядка. Таким образом, положение Федерального закона «О полиции» не разрешает вопроса о применении физического принуждения следователем в рамках осуществления процессуальной деятельности в ситуациях необходимости немедленного применения им мер физического принуждения.

Следователей Следственного комитета Российской Федерации законодательство также не наделяет правом непосредственного применения физической силы. В части 4 ст. 37 Федерального закона от 28 декабря 2010 г. N 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации» предусмотрено право сотрудника Следственного комитета на постоянное ношение и хранение оружия и специальных средств, но только в целях личной защиты, что не позволяет решать задачи уголовно-процессуальной деятельности*.

В науке уголовного процесса вопрос о наделении следователя правом применения физического принуждения при производстве следственных действий так-

же подвергался обсуждению. Например, И.А. Мингес считает, что следователь не может быть наделен правом самостоятельного применения физического принуждения к участникам уголовного судопроизводства, за исключением случаев защиты от нападения. Такое право должно предоставляться исключительно сотрудникам полиции [18, с. 179].

Противоположной точки зрения придерживается Б.Б. Булатов, утверждая, что следователь должен быть наделен полномочиями самостоятельного ограничения телесной неприкосновенности при производстве следственных действий [11, с. 350]. Позволим себе не согласиться с первой точкой зрения и разделить мнение Б.Б. Булатова, аргументируя это отраслевой специфичностью физического принуждения при производстве следственных действий, проявляющейся в уникальности оснований, условий и порядка их применения, а также учитывая сложность заблаговременно предвидеть возможную ситуацию противодействия и предусмотреть участие сотрудника органа дознания в следственном действии. Право следователя на применение физического принуждения должно быть установлено с целью преодоления внезапного сопротивления участников процессуальных действий, направленного на воспрепятствование процессу доказывания.

Вторая группа мер физического воздействия, осуществляемого при производстве следственных действий, – физическое принуждение, применяемое с целью организационного обеспечения следственного действия. В данном случае субъектами его применения выступают сотрудники органа дознания, а правовой основой является глава 4 Федерального закона «О полиции», иные нормативные правовые акты, регулирующие деятельность органов дознания в совокупности с п. 4 ч. 2 ст. 38 или ч. 7 ст. 164 УПК РФ.

К действиям организационного характера, сопровождающимся применением физической силы, можно отнести:

- вхождение в жилые помещения, в иные помещения и на земельные участки;
- оцепление участков местности для охраны места проведения следственного действия;

* Собр. законодательства Рос. Федерации. 2011. N 1. Ст. 15.

– конвоирование к месту проведения следственного действия;

– пресечение совершения правонарушений и преступлений при производстве следственных действий.

Таким образом, приведенная классификация позволяет предметно рассуждать об основаниях, условиях и пределах применения физического принуждения при производстве следственных действий в зависимости от вида используемого физического принуждения.

Помимо представленных видов физического принуждения в уголовно-процессуальной деятельности можно выделить группу мер физического воздействия, обеспечивающего иные процессуальные действия, которые не имеют непосредственной связи с обеспечением процесса доказывания.

Примерами мер физического воздействия из этой группы могут быть:

– применение физической силы к лицу, пытающемуся уничтожить материалы уголовного дела в рамках ознакомления с ним (ст. 217 УПК РФ);

– применение физической силы сотрудником органа принудительного исполнения Российской Федерации к лицу, удаляемому из зала судебного заседания при нарушении им порядка судебного заседания (ст. 258 УПК РФ).

Подытоживая вышеизложенное, следует отметить, что говорить о полном отсутствии правового регулирования применения физического принуждения при производстве следственных действий некорректно, что подтверждается приведенной классификацией мер физического принуждения. Вместе с тем следует признать, что самым существенным правовым пробелом является отсутствие непосредственной процессуальной регламентации применения физической силы при про-

изводстве следственных действий. В связи с этим считаем необходимым в рамках уголовно-процессуального законодательства не только наделить следователя непосредственным правом на применение физического принуждения, но и в целом, учитывая отраслевую специфичность физического принуждения при производстве следственных действий, проявляющуюся в уникальности оснований, условий и порядка их применения, закрепить общие положения, регламентирующие применение мер физического принуждения в рамках производства следственных действий.

Исходя из вышеизложенного предлагаем внести некоторые изменения в уголовно-процессуальное законодательство, способные, на наш взгляд, совершенствовать регламентацию применения мер физического воздействия при производстве следственных действий:

1. Дополнить ст. 164 УПК РФ положением о возможности при производстве следственных действий применять меры физического воздействия.

2. Предусмотреть в ст. 38 УПК РФ право следователя на самостоятельное применение мер физического воздействия при производстве следственных действий.

3. Предусмотреть в ст. 197 УПК РФ право присутствовать при производстве судебной экспертизы не только для следователя, но и для сотрудников органа дознания (для реализации целей обеспечения применения мер физического воздействия в случае возникновения такой необходимости).

4. Дополнить нормы об отдельных следственных действиях (обыск, выемка, освидетельствование, получение образцов для сравнительного исследования) в части, касающейся применения мер физического воздействия при их производстве.

Список источников

1. Коврига З.Ф. Уголовно-процессуальное принуждение. Воронеж, 1975. 175 с.
2. Еникеев З.Д. Эффективность мер процессуального принуждения на предварительном расследовании // Вопросы эффективности советского уголовного процесса. Казань, 1976. С. 102-119.
3. Зинатуллин З.З. Уголовно-процессуальное принуждение и его эффективность. Казань, 1981. 136 с.
4. Корнуков В.М. Вопросы теории и практики применения мер процессуального принуждения в советском уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1970. 15 с.
5. Трунов И.Л., Трунова Л.К. Меры пресечения в уголовном процессе. Санкт-Петербург, 2003. 354 с.
6. Цоколова О.И. Применение органами предварительного следствия и дознания мер процессуального принуждения под судебным контролем: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 1995. 24 с.

7. Чувилев А.А. Правомерность, содержание и пределы принуждения при производстве следственных действий // Правовое принуждение в борьбе с преступностью. Москва, 1989. С. 45-52.
8. Кальницкий В.В., Марфицин П.Г. Производство следственных действий, сопряженных с ограничением конституционных прав личности. Омск, 2004. 79 с.
9. Шейфер С.А. Следственные действия. Система и процессуальная форма. Москва, 1981. 127 с.
10. Муравьев К.В. Меры процессуального принуждения – особые средства уголовно-правового воздействия: доктрина, применение, оптимизация: монография. Омск: Омская акад. МВД России, 2017. 226 с.
11. Булатов Б.Б. Государственное принуждение в уголовном судопроизводстве: дис. ... д-ра юрид. наук. Нижний Новгород, 2003. 490 с.
12. Кузнецов С.В. Характеристика понятий «физическая сила», «боевые приемы борьбы» // Концепт. 2016. Т. 22. С. 11-15.
13. Косенко А.А. К вопросу о применении сотрудниками ОВД физической силы // Актуальные проблемы огневой, тактико-специальной и профессиональной прикладной физической подготовки: сб. материалов междунар. науч.-метод. конф. Могилев: МГУ им. А.А. Кулешова, 2013. С. 158-159.
14. Судницын А.Б. Принудительное получение биологических образцов для сравнительного исследования: нормативная регламентация, складывающаяся практика, рекомендации правоприменителям // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2018. N 4. С. 74-82.
15. Гамбарян А.С. Запрет ношения бороды в контексте ограничения прав человека // Российский правовой журнал. 2021. N 2. С. 47-59.
16. Писарев А.В. Производство следственных действий, ограничивающих право граждан на личную неприкосновенность: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2002. 228 с.
17. Молюнова Н.И. К вопросу о пределах физического принуждения при производстве процессуальных действий // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики: материалы XXII междунар. науч.-практ. конф., 2-3 апреля 2020 г.: в 2 ч. Ч. 1. Красноярск: СибЮИ МВД России, 2020. С. 154-157.
18. Мингес И.А. Меры уголовно-процессуального принуждения и гарантии личной безопасности граждан // Право XXI века: взгляд в будущее: материалы науч. конф. (19 апреля 2000 г.). Москва, 2001. С. 178-179.

References

1. Kovriga Z.F. Criminal procedural coercion. Voronezh, 1975. 175 p. (In Russ.).
2. Enikeev Z.D. Effectiveness of measures of procedural coercion in the preliminary investigation. Questions of the effectiveness of the Soviet criminal process. Kazan, 1976. Pp. 102-119 (In Russ.).
3. Zinatullin Z.Z. Criminal procedural coercion and its effectiveness. Kazan, 1981. 136 p. (In Russ.).
4. Kornukov V.M. Questions of theory and practice of application of measures of procedural coercion in the Soviet criminal process. Autoabstract Cand. Diss. Saratov, 1970. 15 p. (In Russ.).
5. Trunov I.L., Trunova L.K. Preventive measures in criminal proceedings. St. Petersburg, 2003. 354 p. (In Russ.).
6. Tsokolova O.I. Application by the bodies of preliminary investigation and inquiry of measures of procedural coercion under judicial control. Autoabstract Cand. Diss. Moscow, 1995. 24 p. (In Russ.).
7. Chuvilev A.A. Legality, content and limits of coercion in the production of investigative actions. Legal coercion in the fight against crime. Moscow, 1989. Pp. 45-52. (In Russ.).
8. Kal'nitskiy V.V., Marfitsin P.G. Production of investigative actions involving the restriction of constitutional rights of the individual. Omsk, 2004. 79 p. (In Russ.).
9. Sheyfer S.A. Investigative actions. System and procedural form. Moscow, 1981. 127 p. (In Russ.).
10. Murav'ev K.V. Measures of procedural coercion – special means of criminal legal influence: doctrine, application, optimization. Omsk, Omsk Academy. Ministry of Internal Affairs of Russia, 2017. 226 p. (In Russ.).
11. Bulatov B.B. State coercion in criminal proceedings. Doct. Diss. Nizhny Novgorod, 2003. 490 p. (In Russ.).
12. Kuznetsov S.V. Characteristics of the concepts of “physical strength”, “fighting techniques of struggle”. Concept, 2016, vol. 22, pp. 11-15. (In Russ.).
13. Kosenko A.A. To the question of the use of physical force by police officers. Actual problems of fire, tactical-special and professional applied physical training. Mogilev, 2013. Pp. 158-159. (In Russ.).
14. Sudnitsyn A.B. Compulsory receipt of biological samples for comparative research: regulatory regulation, emerging practice, recommendations to law enforcement. Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2018, no. 4, pp. 74-82. (In Russ.).
15. Gambaryan A.S. The prohibition of wearing a beard in the context of human rights restrictions. Russian Legal Journal, 2021, no. 2, pp. 47-59. (In Russ.).
16. Pisarev A.V. Production of investigative actions restricting the right of citizens to personal inviolability. Cand. Diss. Omsk, 2002. 228 p. (In Russ.).
17. Molunova N.I. On the question of the limits of physical coercion in the production of procedural actions. Actual problems of combating crime. In 2 parts. Part 1. Krasnoyarsk, 2020. Pp. 154-157. (In Russ.).
18. Minges I.A. Measures of criminal procedural coercion and guarantees of personal security of citizens. Law of the XXI century: a look into the future. Moscow, 2001. Pp. 178-179. (In Russ.).

Раздел 8. Обзоры, рецензии, критика

Научная специальность: 12.00.08 (5.1.4)

Зерна и плевелы предмета криминологической науки в постиндустриальную эпоху. Рецензия на монографию Я.И. Гилинского «Криминология постмодерна (неокриминология)»*

Дмитрий Вадимович Бахарев,

доктор юридических наук, доцент, Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний, Пермь, Россия, demetr79@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3922-3554>

Аннотация. В рецензии анализируются основные положения монографического исследования, посвященного взглядам профессора Я.И. Гилинского на преступность (девиантность в целом) и социальный контроль над ней. В порядке дискуссии рассмотрены отдельные положения теоретико-методологического свойства, в частности касающиеся обоснованности введения в научный оборот термина «неокриминология», содержания определения данного понятия и предмета исследования неокриминологии. Рецензентом положительно оцениваются аналитические выводы автора монографии относительно качества, обоснованности и результативности современной уголовно-политической деятельности Российского государства. В итоге сделан вывод о том, что рецензируемый труд представляет собой актуальное и в значительной степени новаторское исследование ряда злободневных проблем, наметившихся в современной криминологической науке и правоохранительной практике.

Ключевые слова: криминологическая наука, девиантность, неокриминология

Для цитирования: Бахарев Д.В. Зерна и плевелы предмета криминологической науки в постиндустриальную эпоху. Рецензия на монографию Я.И. Гилинского «Криминология постмодерна (неокриминология)» // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2022. N 3 (61). С. 100-104.

Grains and tares of the subject of criminological science in the post-industrial era. Review of the monograph of Ya.I. Gilinsky "Postmodern criminology (neocriminology)"

Dmitriy V. Bakharev,

Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, Perm Institute of the Federal Penitentiary Service, Perm, Russia, demetr79@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3922-3554>

Abstract. The main provisions of the Professor Gilinsky monograph, devoted to his views on criminality (deviant activities) and social control over it, are analyzed. Particular provisions of a theoretical and methodological nature, in particular the reasonableness of introducing the term "neocriminology", as well as the content of this concept and the research subject of neocriminology, are considered. The professor's analytical conclusions regarding the quality, reasonableness and effectiveness of the modern criminal and political activities of the Russian Federation are positively assessed. It is concluded that the monograph under review represents a relevant and innovative study of some topical problems emerging in the modern criminological science and law enforcement practice.

Keywords: criminological science, deviant activities, neocriminology

For citation: Bakharev D.V. Grains and tares of the subject of criminological science in the post-industrial era. Review of the monograph of Ya.I. Gilinsky "Postmodern criminology (neocriminology)" // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2022. No. 3 (61). P. 100-104.

* Гилинский Я.И. Криминология постмодерна (неокриминология): монография. СПб.: Алетейя, 2021. 137 с.

Текущее состояние и перспективы развития отечественной криминологической науки получили достаточно взвешенную и реалистичную оценку в работах ряда ведущих российских специалистов. Особенно следует отметить цикл статей профессора В.Е. Квашиса [см., например: 1; 2; 3], а также публикации профессора Я.И. Гилинского, многие из которых не обходят стороной указанную проблематику [см., например: 4; 5; 6].

Следует заметить, что профессора Я.И. Гилинского отличают высочайшая общая и научная эрудиция, пылкий ум и неиссякаемый интерес к любого рода проявлениям инноваций и прогресса в мировом цивилизационном развитии. Неотъемлемой составляющей последнего качества является любовь Якова Ильича к путешествиям и новым впечатлениям, вдохновляющая его на научное творчество и позволяющая создавать практически ежегодно фундаментальные научные работы не только по социологии, криминологии и уголовному праву (в чем он является профильным специалистом), но и по социально-политической проблематике в целом. При этом уже упомянутая широта взглядов, помноженная на природную деликатность и человеколюбие («всемирную отзывчивость», как сказал бы классик), делают Я.И. Гилинского одним из наиболее глубоких и в то же время самым гуманным российским обозревателем современных мировых процессов в сфере организации социального контроля над преступностью. Причем данный термин был внедрен в отечественный криминологический оборот как раз профессором Я.И. Гилинским.

Своеобразным итогом его многолетних размышлений в этом направлении является рецензируемая монография, в которой он предпринял попытку изложить свое «сегодняшнее понимание предмета криминологии в эпоху постмодерна» (с. 7). Автор подчеркивает: «Речь не идет о создании “новой” науки., а лишь о некоторых предложениях по развитию очередного этапа криминологии» (с. 6). Специфике постмодерна (как социологической и историко-философской концепции восприятия мира в постиндустриальную эпоху), а также присущим ему особенностям трактовки различных социальных процессов (вклю-

чая преступность) уже было посвящено значительное число работ Я.И. Гилинского [см., например: 7; 8; 9]. Соответственно, в «Криминологии постмодерна (неокриминологии)» он поставил перед собой цель проследить влияние тенденций постмодерна уже на развитие наук, исследующих указанные процессы, и, в частности, криминологии. В центре внимания автора – предмет исследования этой науки и его трансформация (корректировка), исходя из текущих реалий общества постмодерна.

Однако уже то определение, которое дает профессор Я.И. Гилинский вводимому им в научный оборот понятию «неокриминология», заставляет усомниться в том, правильно ли нами был понят предмет предпринятого автором исследования. Так, автор пишет: «Неокриминология – современное учение о “преступности”, которой не существует в природе, онтологически. Точнее – наука о том, что именно государство здесь и сейчас решило *считать* (здесь и далее курсив наш. – Д.Б.) “преступным” (включив в уголовный закон)» (с. 8). А затем он отмечает, что «предмет неокриминологии в значительной степени повторяет предмет традиционной криминологии...» (с. 9), и дальнейшее содержание книги посвящено описанию всех элементов этого предмета, а отнюдь не только «преступности». Поэтому не вполне ясно то, является ли неокриминология только учением о преступности как о неком социальном конструкте либо это современный этап криминологии в целом. Как уже указывалось, содержание монографии свидетельствует в пользу последнего, а значит, авторское определение «неокриминологии» допускает неоднозначные трактовки данного понятия.

Как было отмечено, по утверждению Я.И. Гилинского, предмет неокриминологии «в значительной степени повторяет предмет традиционной криминологии, но с некоторыми уточнениями...». При этом почти все они касаются «преступности»: 1) «*преступность* как совокупность обычных для людей деяний, но признанных государством преступлениями здесь и сейчас»; 2) «факторы, влияющие на то, почему государство именно эти деяния признает преступными» и 3) «факторы, влияющие на степень распространенности деяний, признаваемых государством пре-

ступными» (с. 9). То есть, следуя мысли автора, проявление постмодерна в криминологии выразилось в том, что традиционный предмет ее исследования, с одной стороны, модифицировался, с другой — расширился именно за счет этих элементов. Попробуем с этим разобраться.

«Постмодернизм в криминологии (неокриминологии) не без основания рассматривает преступность как *порождение власти в целях ограничения иных, не принадлежащих власти, индивидов в их стремлении преодолеть социальное неравенство, вести себя иначе, чем представляет власть*», — пишет Я.И. Гилинский (с. 25). В связи с этим, по его мнению, власть с неизбежностью должна «внушить населению, что преступлениями объявляются те деяния, которые вредны народу, населению», при этом профессор делает оговорку, что «иногда... это более или менее соответствует действительности — в *действительно демократических цивилизованных государствах*» (с. 26). И с этим тезисом нельзя не согласиться. Но тогда получается, что потребность в криминологии (как науке о преступности онтологически объективной, то есть слагаемой из реально общественно опасных деяний) сегодня имеется именно в таких государствах, а в неокриминологию (изучающую в значительной степени лишь эфемерно опасные, но вполне реально наказуемые «преступления», одновременно с факторами распространенности таких деяний) она трансформируется в недемократических государствах с тенденцией к архаизации политико-правовой жизни в них.

Образно выражаясь, можно отметить, что криминология в центре своего внимания держит «зерна» — по большей части реальную, не мнимую преступность, а неокриминология, хотя и отделяет эти «зерна» от «плевел» (совокупности преступлений мнимых, искусственных, реально большинству членов общества никакого вреда не несущих, но, напротив, весьма опасных для власти), однако вынуждена пытаться исследовать и те и другие, в совокупности и образующие явление, именуемое «преступностью» (в ее трактовке Я.И. Гилинским). Но тогда более логичным было бы именовать последнюю «квазикриминологией» — термином, вполне подходящим для обозначения регрессивного этапа

существования криминологической науки в деградирующих в социально-политико-экономическом отношении обществах. Как представляется, в такой логике взгляд автора рецензируемой монографии на «преступность» (как совокупность «обычных для людей деяний, но признанных государством “преступлениями” здесь и сейчас») является главным элементом предмета неокриминологии.

Что же касается изучения в рамках неокриминологии факторов того, «почему государство именно эти деяния признает преступными», то, опять же, следуя за мыслью профессора Я.И. Гилинского, можно заключить, что современный этап развития криминологии специфичен по большей части стремлением ученых, помимо прочего, дать объективную оценку характера (вектора) уголовной политики того или иного государства или современного тренда мировой уголовной политики в целом. С этим, пожалуй, вполне можно согласиться ввиду того, что уголовная политика (борьба с преступностью) сегодня трактуется (в том числе и самим Я.И. Гилинским) в качестве одного из элементов (наряду с превентивной деятельностью) социального контроля над преступностью и, соответственно, предмета криминологии в целом.

Также следует солидаризироваться с автором и в его критической оценке текущего курса уголовной политики в России. Ведь вся Особенная часть Уголовного кодекса Российской Федерации 1996 года к сегодняшнему дню, действительно, оказалась переполненной уголовно-правовыми «плевелами», теми квазипреступлениями, о которых выше и шла речь. «Объективности ради, — пишет ученый, — следует сказать, что большинство уголовных законов большинства стран также страдает избытком криминализации деяний. Но мы явно впереди планеты всей...» (с. 24). И этот, далекий от оптимизма, вывод Я.И. Гилинский делает на основе анализа действующих составов преступлений, обоснованность криминализации которых либо под вопросом, либо отсутствует в принципе (с. 23, 27-28, 90 и др.). Пожалуй, это один из важнейших моментов работы уважаемого автора, лишь подтверждающий приведенные выше рассуждения о том, что

преступность может быть непреступной, а неокриминология поэтому — лишь пара-наукой.

Главный же итог рецензируемого труда профессора Я.И. Гилинского видится в комплексе новых аргументов в пользу старого тезиса о том, что технологические успехи людского сообщества, трансформирующие социальную действительность порой буквально на наших глазах, весьма слабо отражаются (если это вообще происходит) на природе самого человека. Увы, но после прочтения книги уже не осталось сомнений в том, что весь тот явный и неоспоримый научно-технический рывок, который мы наблюдаем в последние пару столетий объективно (что называется, «по модулю»), отнюдь не гарантирует прогресса нравственности, толерантности и гуманизма, и прежде всего в области уголовной политики того или иного государства. Однако и через эту книгу профессора Я.И. Гилинского, и через все другие его работы красной нитью проходит мысль о том, что существование и развитие подлинной науки (и криминологии в том числе) все-таки дает нам надежду рано или поздно, но избавиться от тех комплексов и предрассудков, последствия которых сегодня негативно отражаются на жизни человечества. И первый шаг на пути к этому — заметить неоднозначность, казалось бы, привычных вещей (применительно к криминологии — преступления, наказания и тюрьмы) и осознать «необходимость задумываться

над их неоднозначностью, усиливаемой непривычными реалиями общества пост-модерна (пост-постмодерна), в котором мы живем» (с. 108). Можно с уверенностью сказать, что, по крайней мере, в моем случае эта цель творчества профессора Я.И. Гилинского им точно была достигнута.

Резюмируя, необходимо отметить следующее. Монография Якова Ильича Гилинского «Криминология постмодерна (неокриминология)» представляет собой своевременную и весьма нетривиальную попытку актуализации ряда фундаментальных проблем, скопившихся на сегодняшний день в российской уголовной политике и криминологической науке. И хотя далеко не все авторские тезисы и приводимые в их защиту доводы (в первую очередь, в теоретико-методологическом разделе работы) можно считать бесспорными, это отнюдь не снижает научной ценности рецензируемого труда, а лишь расширяет простор для дальнейшей полемики по сути рассматриваемых автором вопросов. Монография написана живым, острым и вместе с тем метафоричным языком, проиллюстрирована большим количеством примеров из научной литературы и правоприменительной практики, а также фрагментами ярких жизненных впечатлений самого автора. Поэтому она легко читается и в связи с этим, несомненно, будет интересна не только специалистам, но и начинающим исследователям криминологической и уголовно-политической проблематики.

Список источников

1. Кваши В.Е. Еще раз о проблемах криминологических исследований // Виктимология. 2018. N 2 (16). С. 8-13.
2. Кваши В.Е. Криминология: настоящее и будущее (пессимистические заметки оптимиста) // Научный вестник Омской академии МВД России. 2020. N 1 (76). С. 76-82.
3. Кваши В.Е. Криминология, «Камо грядеши»? // Общество и право. 2021. N 4. С. 8-11.
4. Гилинский Я.И. Современное состояние и перспективы отечественной криминологии // Очерки по криминологии / Я.И. Гилинский. Санкт-Петербург, 2015. С. 111-122.
5. Гилинский Я.И. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. Санкт-Петербург, 2018. С. 9-16.
6. Гилинский Я.И. Криминология постмодерна // Уголовное право в системе межотраслевых связей: проблемы теории и правоприменения: материалы XIII Российского конгресса уголовного права, состоявшегося 26-27 мая 2022 г. Москва, 2022. С. 350-354.
7. Гилинский Я.И. Преступность, социальный контроль над ней и проблемы криминологии в обществе постмодерна // Очерки по криминологии / Я.И. Гилинский. Санкт-Петербург, 2015. С. 84-110.
8. Гилинский Я.И. Социальный контроль в эпоху постмодерна // Феноменология и профилактика девиантного поведения: материалы XII всерос. научн.практ. конф. Краснодар, 2019. С. 36-40.
9. Гилинский Я.И. О главных противоречиях и главных проблемах общества постмодерна // Человеческое, слишком человеческое / Я.И. Гилинский. Санкт-Петербург, 2020. С. 34-41.

References

1. Kvashis V.E. Once again about the problems of criminological research. *Victimology*, 2018, no. 2 (16), pp. 8-13. (In Russ.).
2. Kvashis V.E. Criminology: present and future (pessimistic notes of an optimist). *Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2020, no. 1 (76), pp. 76-82. (In Russ.).
3. Kvashis V.E. Criminology, "Where are you coming"? *Society and law*, 2021, no. 4, pp. 8-11. (In Russ.).
4. Gilinskiy Ya.I. The current state and prospects of domestic criminology. *Gilinskiy Ya.I. Essays on criminology*. St. Petersburg, 2015. Pp. 111-122. (In Russ.).
5. Gilinskiy Ya.I. *Criminology: theory, history, empirical base, social control*. St. Petersburg, 2018. Pp. 9-16. (In Russ.).
6. Gilinskiy Ya.I. Postmodern criminology. *Criminal law in the system of interbranch relations: problems of theory and law enforcement*. Moscow, 2022. Pp. 350-354. (In Russ.).
7. Gilinskiy Ya.I. Crime, social control over it and problems of criminology in postmodern society. *Gilinskiy Ya.I. Essays on criminology*. St. Petersburg, 2015. Pp. 84-110. (In Russ.).
8. Gilinskiy Ya.I. Social control in the postmodern era. *Phenomenology and prevention of deviant behavior*. Krasnodar, 2019. Pp. 36-40. (In Russ.).
9. Gilinskiy Ya.I. On the main contradictions and main problems of postmodern society. *Gilinskiy Ya.I. Human, too human*. St. Petersburg, 2020. Pp. 34-41. (In Russ.).

Научная специальность: 12.00.02 (5.1.2)

**Реализация конституционного принципа разделения властей
в региональном бюджетном процессе: на пути к воплощению основ
конституционного строя России и межотраслевым исследованиям***

Андрей Викторович Безруков,

доктор юридических наук, доцент, Сибирский федеральный университет, Красноярск, Россия, abezrukov@bk.ru

Сергей Александрович Пунтус,

кандидат юридических наук, доцент, Сибирский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, Красноярск, Россия, puntus_serгей@mail.ru

Аннотация. В рецензии представлен развернутый анализ и оценка диссертации И.О. Епифанова на тему «Реализация конституционного принципа разделения властей в бюджетном процессе субъектов Российской Федерации (на примере Сибирского федерального округа)», представленной на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности 5.1.2 – Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки). Рассмотрено влияние принципа разделения властей в субъектах Российской Федерации через бюджетный процесс на иные основы конституционного строя. Положительно оценивая результаты диссертационного исследования, рецензенты обращают внимание на некоторые неточности и упущения в научной работе. Сформулированы предложения и рекомендации, направленные на расширение проведения комплексных межотраслевых исследований и развитие тематики оптимизации механизма взаимодействия органов государственной власти субъектов Российской Федерации в сфере бюджетного процесса (бюджетных правоотношений).

Ключевые слова: Конституция Российской Федерации, основы конституционного строя, принцип разделения властей, органы государственной власти, субъекты Российской Федерации, бюджетный процесс, бюджетные правоотношения

Для цитирования: Безруков А.В., Пунтус С.А. Реализация конституционного принципа разделения властей в региональном бюджетном процессе: на пути к воплощению основ конституционного строя России и межотраслевым исследованиям // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2022. N 3 (61). С. 105-110.

**Implementation of the constitutional principle of separation of powers
in the regional budget process: towards enforcing the fundamentals
of the constitutional system of Russia and intersectoral research**

Andrey V. Bezrukov,

Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia, abezrukov@bk.ru

Sergey A. Puntus,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Krasnoyarsk, Russia, puntus_serгей@mail.ru

Abstract. The review presents a detailed analysis and evaluation of I.O. Epifanov's dissertation on the topic "Implementation of the constitutional principle of separation of powers in the budget process of the constituent entities of the Russian Federation (on the example of the Siberian Federal District)", submitted for the scientific degree of Candidate of Legal Sciences in the scientific specialty 5.1.2 – Public

* Рецензия на диссертацию И.О. Епифанова «Реализация конституционного принципа разделения властей в бюджетном процессе субъектов Российской Федерации (на примере Сибирского федерального округа)».

law (state and law) sciences (legal sciences). The influence of the principle of separation of powers in the constituent entities of the Russian Federation on other fundamentals of the constitutional system through the budget process is considered. The research results and conclusions received a positive assessment. At the same time, the reviewers pay attention to some inaccuracies and omissions in the scientific work. The proposals and recommendations aimed at expanding the scope and thematic coverage of conducting complex intersectoral research and developing the issues concerning the optimization of the mechanism of interaction between state authorities of the constituent entities of the Russian Federation in the field of the budget process (budgetary legal relations) are formulated.

Keywords: the Constitution of the Russian Federation, fundamentals of the constitutional system, the principle of separation of powers, state authorities, constituent entities of the Russian Federation, budget process, budgetary legal relations

For citation: Bezrukov A.V., Puntus S.A. Implementation of the constitutional principle of separation of powers in the regional budget process: towards enforcing the fundamentals of the constitutional system of Russia and intersectoral research // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2022. No. 3 (61). P. 105-110.

Принятие новой номенклатуры и со-держательное укрупнение паспортов научных специальностей побуждает и стимулирует научно-педагогических работников, в том числе соискателей ученой степени кандидата (доктора) юридических наук, на выбор соответствующей тематики и проведение комплексных межотраслевых диссертационных исследований. При этом имеются повышенные риски, связанные как с удачностью формулировки и полной раскрытия темы, так и с обеспечением соответствия диссертации паспорту научной специальности и оптимальным объемом используемого отраслевого правового материала.

Изучение сущности принципа разделения властей традиционно составляет предмет теории государства и права, конституционного права, сравнительного правоведения, однако проблемы его реализации и воплощения в отраслевом законодательстве изучены явно недостаточно. Такое «оживление» положений главы 1 Конституции Российской Федерации незрело и свидетельствует о необходимости расширения границ конституционно-правовых и активизации межотраслевых правовых научных изысканий.

В связи с этим подготовленное И.О. Епифановым диссертационное исследование* выполнено на весьма актуаль-

ную и значимую тему, что обусловлено необходимостью повышения эффективности реализации конституционных принципов в отраслевом российском законодательстве и оптимизацией взаимодействия региональных органов государственной власти в бюджетном процессе субъектов Российской Федерации.

Диссертант убедительно доказал, что в современных условиях надлежущая реализация конституционного принципа разделения властей в региональном бюджетном процессе достигается путем функционального разделения бюджетных полномочий органов государственной власти субъектов Российской Федерации, обеспеченного осуществляемыми органами судебной власти полномочиями. Тем самым автор обосновал необходимость комплексного исследования и разработки предложенной им конструкции механизма обеспечения реализации конституционного принципа разделения властей в региональном бюджетном процессе.

Диссертантом в рамках современной конституционной доктрины представлено комплексное научное исследование реализации конституционного принципа разделения властей в бюджетном процессе субъектов Российской Федерации, разработаны теоретические положения, совокупность которых можно квалифицировать как решение теоретических и практических задач.

С позиций общей теории права, конституционного, административного и финансового права автором сформулированы новые научно обоснованные реше-

* Епифанов И.О. Реализация конституционного принципа разделения властей в бюджетном процессе субъектов Российской Федерации (на примере Сибирского федерального округа): дис. ... канд. юрид. наук: 5.1.2. Екатеринбург, 2022. 217 с.

ния, позволившие сделать ряд выводов и обеспечить решение теоретико-правовых и научно-практических проблем в избранной теме.

Весьма интересными и побуждающими к дальнейшим размышлениям являются идеи диссертанта о содержании и структуре конструкции механизма обеспечения реализации конституционного принципа разделения властей в бюджетном процессе субъектов Российской Федерации, его соотношении с имеющейся правоприменительной практикой законодательных и исполнительных органов субъектов Российской Федерации, судебных органов.

Заслуживает серьезного научного осмысления и развитие идеи об уточнении структуры единой системы публичной власти в Российской Федерации, ее элементах и характеристике связей между ними. Ввиду этого логичным представляется ключевой для диссертационного исследования вывод о том, что реализация конституционного принципа разделения властей в бюджетном процессе субъектов Российской Федерации воплощается посредством самостоятельного и в то же время взаимодействующего осуществления законодательными и исполнительными региональными органами своих бюджетных полномочий в определенных формах и процедурах с обеспеченной органами судебной власти гарантией распределения указанных полномочий (с. 10-11).

Исходя из таких позиций, логичным представляется и утверждение диссертанта о том, что критерием эффективной реализации конституционного принципа разделения властей в бюджетном процессе субъектов Российской Федерации следует признать нормативное закрепление и осуществление органами государственной власти субъектов Российской Федерации полномочий, соответствующих функциональному предназначению соответствующих органов государственной власти в бюджетном процессе субъектов Российской Федерации (с. 12).

Достижение конституционной цели построения и полноценного функционирования России как социального государства предопределяет значимость бюджетных отношений не только в государственном

развитии, но и в обеспечении социально-экономической сферы жизнедеятельности общества.

Эффективность реализации конституционного принципа разделения властей на уровне субъектов Российской Федерации предопределяет, в частности, жизнеспособность модели распределения полномочий в бюджетной сфере. Результативность устройства бюджетных отношений среди региональных органов государственной власти сквозь конституционную призму (ст. 10 Конституции Российской Федерации) является наглядным примером системности конституционных ценностей, при которой принцип разделения властей находится в неразрывной связи с правовым и социальным характером государства, принципом федерализма, экономическими основами конституционного строя и др.

Такое положение вещей приводит к тому, что любая трансформация публичной власти обуславливает повышенное внимание к распределению бюджетных полномочий, оптимизации взаимодействия законодательных, исполнительных и иных органов публичной власти в бюджетном процессе. Конституционная реформа 2020 года, продолженная принятием Федерального закона от 21 декабря 2021 г. N 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации»*, предопределила возникновение запроса научного сообщества и правоприменителей на доктринальное осмысление функционирования органов власти регионов в бюджетных правоотношениях. Вышеназванные факторы, несомненно, выступили причинами научного интереса и актуальности исследования И.О. Епифанова.

Безусловно, что отмеченная диссертантом многосторонность бюджетных отношений на фоне проблемности сферы корреляции конституционных норм и бюджетного законодательства (с. 6) выступила в качестве причины междисциплинарного взгляда на реализацию принципа разделения властей в бюджетном процессе регионального уровня: выводы автора потеря-

* Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

ли бы свою обоснованность без учета теоретических изысканий, изложенных как в классических трудах по теории разделения властей, так и в современных исследованиях по административному, финансовому, конституционному и иным отраслям права.

При этом теоретическая основа научного труда подкрепляется детальным анализом источников, составивших правовую и эмпирическую основу диссертационного исследования, — от конституционного законодательства до правоприменительной практики реализации принципа разделения властей в бюджетном процессе (как федерального, так и регионального уровня).

Особое место в обосновании темы диссертационного исследования занимает анализ современной правоприменительной практики, сложившейся в сфере распределения бюджетных полномочий (бюджетных отношений) между региональными органами власти в Сибирском федеральном округе (с. 10-11). Результаты оценки данной области привели к обоснованию объекта и предмета научного труда.

Примечательно установление объективной связи между целями и задачами рецензируемой работы (с. 8-9) с ее теоретической и практической значимостью. Суть диссертации, ее наполнение свидетельствуют о том, что автор, выбрав рациональное и содержательное направление научных изысканий, не только сумел реализовать заявленную миссию научного труда, но и успешно показал значение своей работы, обеспечил достоверность и апробацию результатов творческого поиска исследователя.

Теоретическое значение диссертации проявляется как в дополнении перечня исследований о конституционном принципе разделения властей в разрезе деятельности органов публичной власти в региональном бюджетном процессе, так и в создании новых теоретических конструкций конституционно-правовых явлений, развитии понятийного аппарата публично-правовых (государственно-правовых) наук.

Выступая действительно комплексным исследованием, диссертация И.О. Епифанова представляет собой научный труд, один из первых выполненный в рамках научной специальности, предусмотренной новой номенклатурой научных специальностей*

ностей*, — его содержание полностью соответствует паспорту научной специальности.

С учетом новой номенклатуры и паспортов научных специальностей автор удачно выбрал ракурс научного поиска и провел комплексное публично-правовое межотраслевое научное исследование реализации конституционного принципа разделения властей в бюджетном процессе субъектов Российской Федерации, имеющее конституционно-правовое содержание, с необходимым использованием соответствующего административно-правового, финансового и иного отраслевого правового материала.

Практическое значение диссертации состоит в ее промежуточных и заключительных выводах, которые могут стать основой для конституционной практики функционирования региональных органов публичной власти, а также оптимизации отраслевого законодательства в сфере бюджетных отношений.

Важной вехой в фундаменте научной мысли диссертанта стал верный выбор методологии и методов исследования (с. 9). Так, использование системного подхода наряду со сравнительно-правовым методом позволили на примере Сибирского федерального округа сделать анализ деятельности органов публичной власти в бюджетном процессе и разработать конструкцию общей модели механизма реализации принципа разделения властей (на региональном уровне).

Анализируя диссертационное исследование, следует отметить его удачное структурное построение: от научного осмысления конституционного принципа разделения властей как основы деятельности органов государственной власти в бюджетном процессе субъектов Российской Федерации (глава 1) исследователь

* Об утверждении номенклатуры научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени, и внесении изменения в Положение о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, утвержденное приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 10 ноября 2017 г. N 1093: приказ Минобрнауки России от 24 февр. 2021 г. N 118 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>

последовательно переходит к анализу в нем функциональной природы и места региональных законодательных и исполнительных органов (глава 2).

В работе выдвигаются в определенной мере оригинальные идеи и предложения, раскрывающие сущность реализации конституционного принципа разделения властей в бюджетном процессе субъектов Российской Федерации. Тем самым избранная конструкция исследования представляется обоснованной, она позволила диссертанту последовательно и логично раскрыть содержание темы.

Оценка содержательной стороны рецензируемой работы свидетельствует о разработке диссертантом рациональных и конкретных законодательных предложений по модернизации правовых актов в сфере бюджетного процесса не только регионального, но и федерального уровня.

Значимость большинства авторских представлений несомненна, их целесообразность доказана системой обоснований. В частности, следует положительно оценить и поддержать суждения исследователя, посвященные не только ранее заявленным терминологическим изысканиям, предложениям по изменению нормативных правовых актов, но и:

— оценке структуры единой системы публичной власти Российской Федерации (с. 56, 95 и др.);

— требованиям последовательности (с. 121, 161 и др.) и конструктивным особенностям механизма (с. 159-160) обеспечения реализации конституционного принципа разделения властей в региональном бюджетном процессе;

— негативной роли участия депутатов законодательных органов субъектов Российской Федерации в деятельности по распоряжению бюджетными средствами (с. 6, 163) и т.д.

Заслуживает поддержки и стремление соискателя предложить для широкого обсуждения в экспертных кругах и последующей апробации модель распределения полномочий между региональными органами власти в бюджетном процессе.

Положительно оценивая научный труд И.О. Епифанова, тем не менее обращаем внимание на содержащиеся в нем спорные и дискуссионные тезисы:

Поскольку диссертантом сделано уточнение структуры единой системы публичной власти в Российской Федерации и наряду с органами законодательной, исполнительной и судебной государственной власти выделены иные государственные органы и органы местного самоуправления, имеющие целью реализации своих полномочий создание условий для социально-экономического развития государства (п. 3 положений, выносимых на защиту), то целесообразно более четко показать их роль в авторской конструкции механизма обеспечения реализации конституционного принципа разделения властей в бюджетном процессе субъектов Российской Федерации (п. 2 положений, выносимых на защиту). Такая позиция следует из идеи законодательной фиксации принципа правовой определенности в бюджетном процессе Российской Федерации (п. 10 положений, выносимых на защиту, приложение).

Важно также определить, является ли объем полномочий по организационно-исполнительской деятельности исполнительных органов субъектов Российской Федерации в рамках регионального бюджетного процесса исчерпывающим (п. 6 положений, выносимых на защиту). Представляется, что потенциал указанных субъектов бюджетного процесса гораздо выше, а исследуемая модель распределения полномочий между органами государственной власти субъектов Российской Федерации должна учитывать данный фактор.

3. Содержание третьего параграфа первой главы исследования «Роль органов судебной власти в реализации конституционного принципа разделения властей в бюджетном процессе субъектов Российской Федерации» не в полной мере раскрывает и включает обоснование п. 9 положений, выносимых на защиту. Возможно, соискателю следовало отдельно рассмотреть роль конституционной юстиции в области исследуемых общественных отношений. Такой подход более полно раскрыл бы характер реализации принципа разделения властей.

Подводя итоги, заметим, что, безусловно, тема научного исследования И.О. Епифанова не исчерпана, обладает

значительным потенциалом для дальнейших научных изысканий. Интерес представляют как практика реализации предложенной модели распределения полномочий в бюджетном процессе между региональными органами власти в иных федеральных округах, так и расширение проведения межотраслевых и сравнительно-правовых диссертационных изысканий.

В последующем автору можно рекомендовать рассмотреть реализацию принципа разделения властей в региональном бюджетном процессе в масштабе всей Российской Федерации, возможно, увязав его с другими основами конституционного строя России, а также путем взаимной экстраполяции российского и зарубежного конституционно-правового опыта в исследуемой области.